

ДИАНА ХАНТ

18+

18+

Тутъ
ИГРУШКИ

Диана Хант
Путь игрушки
Серия «Путь сердца», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67479359

SelfPub; 2022

Аннотация

Братья-близнецы де Вуд – красивые, богатые, порочные... мечта любой нормально ориентированной барышни высшего света. Циничные и безжалостные, как все демоны... и безумно притягательные, как все инкубы. Любая мечтает оказаться рядом... от компаньонки из весёлого дома до адепки магической академии. Но все надежды летящих на пламя мотыльков осыпаются прахом вместе с сожжёнными крыльями. Ведь у инкубов, как известно, нет сердца. Им интересны игры особого рода. Тайные игры.

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	39
Глава 3	59
Глава 4	78
Часть 2	89
Глава 5	89
Глава 6	117
Глава 7	144
Глава 8	166
Глава 9	191
Глава 10	208

Диана Хант

Путь игрушки

Часть 1

Глава 1

Эрам де Вуд лениво скользил взглядом по обнаженной спине и оттопыренным ягодицам человечки. Стоя на четвереньках перед ним, раскинувшим ноги, она водила головой вверх – вниз, с усердием трудилась, облизываясь и причмокивая. Уставая, тут же принималась помогать себе рукой, но инкуб строго следил, чтобы девица не халтурила, – стоило той отстраниться, тут же за волосы тянул обратно, прижимая темноволосую головку к своему паху.

– М-мм, – время от времени человечка мычала, бросая на него томные взгляды снизу, из-под неестественно длинных ресниц.

Мир несмело набирал краски, запахи, звуки. Эмоции человечки были радужными, легкими... но очень слабыми. Поверхностными.

Приходилось вытягивать их из нее. Цедить, как по капле. Эрам потянул девку за волосы, на этот раз отрывая от па-

ха. Раздался чмокающий звук. В следующий миг человечка оказалась опрокинутой навзничь на смятые простыни. Тут же завозилась, принялась изгибаться... в предвкушении.

Эмоции её обрели долгожданный пряный привкус нетерпеливого ожидания.

Эрам навис над ней, худенькой и фигуристой, словом, в его вкусе, во всём своём великолепии.

Сквозь полуприкрытые накладные ресницы та скользнула взглядом по мощному загорелому торсу, рельефной груди, кубикам пресса... дерзко оттопыренному члену, мокрому от её же слюны, с рубиновой головкой.

Губы человечки растянулись в довольной улыбке.

Прямой, ровный и такой огромный он сулил скорое и очень быстрое наслаждение... Очень хотелось почувствовать его внутри, чтобы он заполнил до основания, до лёгкой сладкой боли... А потом начал двигаться, взрывать этот мир страстью и наслаждением, как умеют только инкубы.

Девчонка выгнулась, потянулась бедрами навстречу, распахивая пошире ноги.

Скользнув довольным взглядом по бесстыдно сочащемуся влагой лону, инкуб отметил, что эмоции человечки набирают нужную силу...

Он приставил член к сокровенному местечку, блестящему, призывно текущему и чуть надавил, вводя лишь головку. Девка застонала в голос, завозилась и развела пальцами мокрые складочки, чтобы инкубу было сподручнее. Лицо её

исказила сладкая судорога и она постаралась ещё шире развести ноги.

В следующий миг Эрам подтянулся на руках и поднялся выше, так что огромный пульсирующий член оказался над лицом человечки. Когда твёрдая влажная головка уперлась в пухлые подрагивающие губы, та распахнула ресницы, растерянно повела бёдрами и застонала, словно не в силах поверить в такое предательство.

К эмоциям девки добавилось жаркое нетерпение с очаровательно-горьковатой ноткой разочарования.

Эрам усмехнулся и похлопал человечку по щеке.

– Я же сказал, хочу трахать твой рот, детка.

Он принялся совершать ритмичные движения над головой человечки, придерживая её за волосы. Теперь той некуда было отстраниться, оставалось только стонать в голос, когда член проникал глубоко в глотку.

Источаемые ею эмоции в разы усилились, отчасти благодаря тому, что человечка принялась истоиво ласкать себя между ног.

Оргазм был обоюдный, одновременный.

Какое-то время мир продолжал оставаться ярким, красочным, выпуклым... а потом всё снова пошло на спад.

Эмоций девки, которую притащил вчера из клуба, надолго не хватило.

Чего и ожидать от человеческой неумехи.

Куда ей до компаньенок мадам де Жу, которых та специ-

ально заказывает из лучших школ островов... Сегодня представление нового завоза, но это вечером.

Впереди ещё целый день. Длинный. Серый. Безэмоциональный.

И голод... Голод, который присущ в такой степени лишь высшим демонам. Инкубам, ракшасам... Джиннам и тэнгериям всё же проще – вояки, что с них взять. Они привыкли утолять свой голод в боях, спаррингах, именно поэтому многие тэнгерии выбирают путь наёмников или заключают контракты на военную службу. К тому же их женщины с младенчества воспитываются так, чтобы угодать своему господину...

Инкубы же проклятая раса. У них нет пары в подлунном мире. Когда-то была, сейчас нет.

– Кики, – он по-хозяйски похлопал девчонку по бесстыдно оттопыренным ягодицам. Воспользовавшись тем, что демон насытился, девка улеглась набок, прильнув к нему упругой грудью. – Пора, крошка. Бата отвезет, куда скажешь.

Человечка надула губки.

– Ники, – исправила она демона. Ее пальчики скользнули по гладкой рельефной груди, подкрадываясь к наливающемуся новой силой средоточию мужественности. – Но ещё так рано... Мы ведь можем продолжить... Совсем чуть-чуть.

И глазки такие умоляющие сделала. И запах желания при этом усилился...

Эрам хмыкнул.

– Смотри что понимать под рано, Кики, – лениво заверил он, отводя ладонь девицы. Все равно её эмоций надолго не хватит. К тому же демон изрядно от неё отожрал, сам удивился тому, что она способна ещё хоть на что-то. Присутствие рядом инкуба так на них действует...

И всё же он подождет вечера. Побережёт голод для новеньких.

– Для меня рано, а для тебя поздно. Я к тому, что ты и так более, чем загостилась в моем скромном жилище. Собирайся, не вынуждай меня повторять приказ дважды.

Мишель не верила своему счастью.

Ресторан был шикарным, платье на ней – она точно знала – идеальным, а улыбка Влада – многообещающей.

Ради этого всего стоило забыть о том, что Влад пропустил ее день рождения. Да и неделю после. Дела.

Красивый, взрослый, ухоженный, окутанный парфюмом с ароматом силы и власти – все ее подруги пищат от восторга. Жаль только, что он так редко бывает в городе.

Влад склонился над столиком, шаря рукой в кармане. Наконец, извлек, что искал. С улыбкой победителя он поставил между собой и Мишель бархатную коробочку.

Официант, чуть было не испортивший момент, вовремя удержал над столом поднос.

Влад покосился на парня с таким видом, словно увидел гадкое насекомое, затем щелкнул пальцами с видом хозяина

жизни, мол, выставляй и проваливай. С вежливой улыбкой официант поставил на стол бокалы и наполнил их шампанским.

Мишель с замиранием сердца ожидала, когда официант, наконец, отойдет: алый бархатный островок на столе так и манил. Но нужно было улыбаться, хлопать ресницами и ждать, не выдавая столь явного интереса.

Влад предупреждал, что у него для нее сюрприз, и по случаю она провела четыре часа перед зеркалом, так что теперь, в ни разу не надеванном алом платье чувствовала себя не хуже любой прожигательницы жизни в этом пафосном месте.

– Ну же, куколка, – каким-то чудом Владу удалось преподнести подарок так, словно заминка возникла из-за неё. – Неужели не хочешь посмотреть, что внутри?

Мишель хотела. Как хотела бы любая восемнадцатилетняя девчонка на ее месте. Восемнадцать ей исполнилось всего ничего как, у Влада тогда были срочные дела, по бизнесу. Он сожалел и обещал реабилитироваться, как только японцы подпишут контракт.

Лаунж-зона в самом фешенебельном ресторане города способствовала не столько релаксации, сколько гордости от сопричастности к окружающему великолепию. В вычищенных до блеска стеклах отражались хрустальные люстры, мебель из черного дерева, официанты во фраках и белоснежных перчатках с не менее белоснежными улыбками...

– Смелее, зай, – подмигнул Влад и жестом фокусника от-

крыл коробочку.

Сережки с изумрудами в бриллиантовой россыпи были изумительны.

– Примерь.

Мишель протянула руку, ругая себя за то, что в красном платье, сейчас к случаю больше было бы зеленое, но роскошная вещь, что на ней, единственный ее приличный наряд.

Стоило пальцам прикоснуться к алому бархату, что-то изменилось.

Слишком ярко вспыхнули люстры, слишком протяжно завыла сирена за углом, влажная полоска зубов Влада напомнила оскал хищника, выдавая предвкушение благодарности за подарок... и это тоже было слишком.

А потом перед глазами возникла комната. Просторная, с черными обоями и черными же смятыми простынями на круглом ложе.

Нет, лаунж-зона никуда не делась, видение Мишель как бы наслоилось на реальность, оставаясь полупрозрачным, иллюзорным... но сразу завладело вниманием, когда на смятых простынях обнаружился Влад. С голым торсом и выставленным голым коленом, со взмокшими, растрепанными волосами. Черная атласная ткань небрежно наброшена на разведенные в стороны ноги, поверх лежит загорелая рука.

Влад, что по-прежнему сидел напротив, в шикарном костюме, с идеальной, волосок к волоску прической, нахмурился, глядя на нее. Видимо посчитал вытарашенные глаза

и приоткрытый рот за реакцию на коробочку с серьгами.

Мишель вздрогнула, прогоняя видение, но в последний момент ее вниманием завладел голос. Женский, визгливый, с характерным аканием.

– Да как у тебя совести хватает дарить мне такую дешевку?! Мне?! Перед тобой что, закомплексованная первокурсница, о которую все ноги вытирают?! – обладательница голоса полулежала рядом с Владом, тем, что на черных простынях и брезгливо крутила перед глазами той самой бархатной коробочкой... которую Мишель держала сейчас в дрожащих пальцах.

Она вздрогнула. Пассаж девицы про первокурсницу был особенно унижительным: Мишель только-только сдала пропускные экзамены и была зачислена на первый курс археологического факультета.

Мишель так и не успела понять, что происходит, потому что следом раздался другой голос. Мужской. Принадлежащий Владу. Ее Владу. Который только сегодня вернулся из бизнес-поездки, не остался даже на обязательный в таких случаях прием, чтобы поздравить ее с днем рождения. Хоть и с запозданием, о чем он очень, очень сожалел. По скайпу.

– Дешевка? – возмутился тот, другой Влад, сыто развалившийся на мятых простынях. – Да ты знаешь, сколько я отвалил за эту дешевку? – крысился тот, кто сейчас замер напротив с нетерпеливым видом, явно ожидая ее восторга. – Это потому, что у тебя этих цацек – хранить негде!

Девушка фыркнула, откинула за спину тщательно уложенные, чуть растрепанные локоны и, приподняв простыню, встала. Ничуть не стесняясь того, что из одежды на ней лишь кружевные трусики и какая-то сетчатая юбка, через которую можно эти самые трусики рассмотреть, причем во всех подробностях, виляя бедрами, она направилась вон из комнаты.

– Знаешь, дорогой! – не унималась она по дороге. – На годовщину свадьбы мог бы и раскошелиться!

Обернулась и швырнула коробочку прямо во Влада. Одна сережка выпала, сиротливо сверкнула между черных складок.

Влад проводил девушку злым взглядом.

– А сиськи, значит, которые в третий раз за год сменила, уже ничего не стоят?

– Ты что-то сказал? – раздался голос девушки из-за двери.

– Нет, ничего, дорогая, – отозвался Влад, подбирая сережку и сердито возвращая ее на место. – Ты действительно достойна самого лучшего. Я сегодня же заменю их на что-то более подходящее.

– Так-то лучше, – ответили ему и Мишель поморщилась. Видение исчезло.

Влад, который все это время выжидал напротив и, должно быть, списал ее замешательство на восхищение роскошью подарка, широко улыбнулся.

На этот раз от демонстрации безупречной металлокера-

мики Мишель замутило.

Видение казалось таким реальным, что у нее не оставалось ни малейших сомнений в его истинности. А если так, человек, ухаживающий за ней... долго, между прочим, с завидной регулярностью... женат. И все его деловые бизнес-поездки – чушь. Рассказни для доверчивой дурочки. Дуры. И она, Мишель, эта самая дура и есть.

– Значит, жене не подошло, – вырвалось у нее растерянное, а на лице Влада отразился испуг. В следующий миг он уже снова себя контролировал.

– Какой жене? Что ты несешь? – нахмурился он.

Но первая реакция – она всегда самая честная. Мишель сразу поняла, что попала в цель.

Как так получилось, что она угадала? Не совсем понятно... Но угадала ведь.

Вспыхнув до самых корней волос, Мишель подхватила бокал с шампанским, а потом, с присущей рыжим импульсивностью, выплеснула его содержимое в лицо обманщика.

Шипящие брызги закапали на отвороты идеально отглаженного костюма.

Влад тут же изменился в лице

– Маленькая дрянь, – прошипел он, вытираясь. – Дешевка. Ты мне ноги целовать должна, что обратил на тебя внимание!

Грубость была такой неожиданной, что Мишель часто заморгала, не зная, что ответить. Что вообще в таких случа-

ях отвечают. Прежде Мишель не обманывали парни. И не оскорбляли. Да и парней у нее не было. Особенно таких, как Влад. Сильных, взрослых, уверенных... Женатых...

– Если знала – зачем ломала комедию? – прошипел тот. – Только время на тебя потратил, дрянь.

Подхватив со стола злополучную коробочку с серьгами, захлопнул ее, и, поднимаясь, сунул в карман. А затем направился в сторону выхода.

По-прежнему ничего не понимая, Мишель проводила удаляющуюся мужскую спину взглядом.

Потом посмотрела на стол. Запеченные устрицы под сливочным соусом. Шампанское в ведерке со льдом... Она сама поразилась тому, что первое, о чем подумала, это то, что ей просто нечем заплатить за все это.

Того, что на карточке не хватит, наверное, даже на лед в ведерке.

Официант белозубо и заученно улыбнулся, когда Мишель растерянно перевела на него взгляд. Она тоже улыбнулась, вымученно. А потом протянула руку и взяла бокал Влада. Скривившись, выпила шампанское залпом. Пузырьки ударили в нос, а по затылку словно ударили чем-то, обмотанным тряпками. Мишель зажмурилась.

А когда открыла глаза, на месте Влада сидел незнакомец. Тощий, невзрачный, в безликом сером костюме. Непонятно, когда успел подойти и сесть к ней за столик.

– Мишель Хольде, – сказал он, и услышав свою фамилию,

Мишель вздрогнула. – Позвольте вас поздравить.

– С-с ч-чем? – вырвалось у Мишель.

– Только что вы успешно сдали экзамен по техночтению векторных потоков и, как следствие, зачисляетесь на факультет Артефакторики в Галдур Магинен.

– В... во что? – слов у Мишель не было. И с каждым новым словом, произносимым незнакомцем, мыслей тоже становилось меньше.

– В лучшую магическую академию Слитсберга, – с гордостью сообщил мужчина, как будто речь шла о чем-то обыденном, а затем взъерошил и без того растрепанные волосы.

– Вы... вы шутите, – с облегчением выдохнула Мишель. – Простите, сейчас момент не самый... подходящий. Я только что, – и она запнулась, понимая, что посвящать незнакомца в перипетии личной жизни – мягко говоря, не стоит.

Тот словно не слышал ее.

Деловито кивнув, подвинул в ее сторону запечатанный конверт.

Белый прямоугольник лег аккурат на то самое место, где пять минут назад стояла бархатная коробочка и Мишель невольно отшатнулась.

– Ваше приглашение, – сказал он. Снова растрепал вихры и задумчиво пробормотал: – Надо же, я и не представился. Магистр телепатической магии, причем специализируюсь на ауроведении, аспирант кафедры телепатии и элементалистики, Альберт Гордеев. Кстати, ваш куратор. Но это недоразу-

мение. За вами должны были прислать Ричарда, он специалист по артефакторике, вы бы быстрее нашли общий язык. Но у него насморк.

– К-какой насморк?

– Аллергический, – махнул рукой псих, представившийся Альбертом... или кем-то другим. – Я его предупреждал насчет архивной пыли. Я-то чувствую, она живая. Одушевленная.

– Вы меня не за ту приняли, – попыталась вразумить сумасшедшего Мишель, стараясь при этом осторожно подать знак официанту. Как назло, ни один из них не смотрел в их сторону.

Тот, что представился магистром в это время проглотил, одну за другой, четырех устриц, пробурчав что-то о том, что сегодня не обедал.

– Мы внимательно следили за вами, – обрадовал псих и Мишель поежилась и даже оглянулась, явно ожидая увидеть целую компанию таких же чокнутых. Когда никого похожего на этого не заметила, облегченно выдохнула. – Нельзя было вмешиваться. Нужно было разобраться, пассивный ваш дар или активный.

– И? Какой? – на автомате уточнила Мишель, а потом помотала головой. – Я имею ввиду, чтобы вы там не поняли насчет меня, вы ошибаетесь.

– Ничуточки, – не согласился псих и подцепил еще одну устрицу. С наслаждением заработал челюстями, затем про-

должил: – К нашему сожалению, ваш дар пассивный. И слабенький. Да вы сами видели. Только что.

– Я... только что, – растерянно повторила Мишель. – Только что я с парнем рассталась. Нехорошо рассталась.

– Только что вы подтвердили наличие своего дара, видеть память вещей, – сказал, кивая и жуя одновременно, Альберт. – Посему я и передаю вам приглашение в Галдур Магинен.

– Память вещей?

Сообразив, что она и вправду узнала о том, что Влад женат лишь притронувшись к коробочке с серьгами, Мишель жалобно вскрикнула и торопливо прикрыла рот ладонью. Кажется, безумие незнакомца оказалось заразным.

– Если хотите знать мое мнение, – сказал Альберт, запиная устрицы шампанским, дар у вас совсем слабый, его развивать и развивать, впрочем, редкий, здесь не поспоришь. И хоть пассивный, как я уже говорил.... Так что можно было и не заморачиваться так с вами... Я имею ввиду отсылку в межмирье, где магия в зачаточном состоянии, наблюдени... Но артефакторов мало, поэтому, как говорят у вас, велком ту хэл, фром лав виз Сиберия, или как-то так.

На этот раз Мишель хлопала ресницами очень долго. Видимо поэтому чокнутый решил пояснить:

– Вряд ли такое случается с вами часто. В основном в моменты эмоционального подъема, думаю... К тому же вещи крайне неохотно делятся воспоминаниями...

– Чем?

– Я о чем битый час толкую! Дар у вас пассивный! Это значит, вы видите не то, что хотите сами, адептка Хольде, а то, что после долгих уговоров вам «соглашаются показать»... а вещи порой так капризны...

Мишель скомкала на коленях салфетку и потрясла головой, словно очнулась. Ей пора. К тому же к устрицам она и не притрагивалась... В голове шумело. Она поднималась из-за стола, когда сумасшедший незнакомец бросил в нее каким-то небольшим предметом.

Пальцы Мишель сомкнулись на чем-то твердом прежде, чем она успела что-то сообразить.

А потом пришлось опуститься обратно.

Перед глазами заскакали картинки, слышались голоса.

На этот раз видение показало красивую рыжеволосую женщину с изможденным лицом. Она стояла на какой-то странной потрескавшейся земле. Причем трещины светились огненным, из них поднимались клубы дыма. Женщина держала у груди младенца. Он возился и хныкал. Бледные губы коснулись лба младенца и женщина прошептала:

– У меня нет выбора, кроме как спрятать тебя, милая, но сначала нам следует навестить бабушку... тебя слишком легко узнать, сердце мое.

Потом картинка сменилась привычным миром.

Двое – мужчина и женщина стояли напротив детской площадки. Их внимание было приковано к рыжеволосой девочке.

ке с косичками.

– Похоже, дар у нее такой слабый, что и не проявится, магистр Кристинн, – сказал мужчина.

– Вы же знаете, дар артефакторной магии набирает свою силу до совершеннолетия и только потом проявляется в полную силу, магистр Хольдер, – невозмутимо ответила женщина и пожевала губами.

– Что ж, подождем, – согласился мужчина. – Девочка и в самом деле может оказаться полезной Слитсбергу.

Когда все закончилось, Мишель разжала пальцы с удивлением посмотрела на осколок какого-то золотистого кристалла. Попробовала «прислушаться» снова, но увы... Больше галлюцинаций не было.

– Прибыть в Галдун Магинен следует не позднее четверга, – сообщил ей Альберт, стоило поднять на него растерянный взгляд.

Заведение мадам де Жу было элитным, лучшим в Вилскувере, да что там в Вилскувере, в него съезжались самые богатые и могущественные всего Слитсберга.

Мадам Дежу, чью фамилию знать называла не иначе, как де Жу, словно мадам самого крупного и прибыльного публичного дома имела непосредственное отношение к аристократии, в своем деле толк знала. Для самой утонченной и взыскательной публики: инкубов, тритонов, нагов, оборотней высших кланов она заказывала компаньенок из закры-

тых школ островов Кораллового моря: причем не только профессиональных компаньонов, но и тех, кого готовили стать конкубинами. Последние обходились дороже, но де Жу умела вести дела и окупить расходы, причем в рекордные сроки.

Сегодняшнее представление новеньких откладывалось.

Пока не придут братья де Вуд, о нём не может идти и речи.

Это самые щедрые и влиятельные из её клиентов, даром что адепты-старшекурсники Галдур Магинен.

Инкубы – завсегдатаи одного из самых утонченных развлечений её заведения – Тайных Комнат.

Потому братьев надо дожидаться непременно. Как самые щедрые и влиятельные – они достойны того, чтобы выбирать первыми.

Если приглянувшихся новеньких, у которых братья де Вуд не прочь быть первыми, выберут другие... нет, скандала не будет, но ведь и прибыль уменьшится. Существенно. Наследники унобтаниевого магната одни из самых платежеспособных клиентов.

А в весёлом доме мадам есть на что посмотреть. И поучаствовать, конечно. Он огромен.

От стандартных и довольно невинных «номеров», танцовщиц, развлечений с переодеванием, и игровых комнат, где есть всё для игр в доминирование или подчинение (в игровых можно не только играть – за деньги, то есть за очень

большие деньги, можно действительно купить несколько часов абсолютной власти над телом и жизнью девочки или мальчика).

Подчинение, пожалуй, это всё же для людей. В особенности, как подметила мадам, для тех, кто в жизни занимает руководящие должности. Природа человека слаба, они устают от однообразия, в особенности, если это ответственность, и желают хоть на какое-то время «сменить декорации», превратиться в безмолвного раба или мебель, чему всегда поспособствуют компаньонки мадам.

Есть у мадам де Жу доминанты (в основном фурии и горгоны), кто покажет «нижнему» такое небо в алмазах, что тот в сторону конкурентов и не посмотрит. Островных девочек обучают всякому, даже жаль, что на женское доминирование небольшой спрос.

Есть в весёлом доме специальный зал, называется «Клуб любителей ножек», в котором гости ползают по полу, целуют ноги разгуливающих по помещению девочек. А те сидят за столами и барными стойками, смеются, общаются, великодушно дают пососать острые каблочки на своих туфельках, и, если хорошо стараться, допустят и к пальчикам, и к пяточкам.

Есть похожий зал, «Зал йони», правила там в основном те же, только тщательно вылизывают клиенты совсем другое.

Также есть категория компаньонки, в совершенстве владеющая искусством «игры на флейте», то есть виртуозно

управляющая внутренними мышцами тела, таких в основном готовят на островах Инь-Ян-Цзы. Мало того, что они способны возбудить даже немощного старика, не прикасаясь к нему ничем, кроме своего интимного местечка, но даже и подвести к экстазу и заставить кончить.

Для таких тоже есть специальные комнаты, скажем, бильярдные, где девочки сидят прямо на столах специальной формы, широко разведя ноги, и вместо лунок женские лона. А самые искусные умеют вобрать в себя несколько шаров и вытащить нужного клиенту цвета. Некоторым гостям даже нравится делать ставки, мол, угадает компаньонка, или нет.

Если клиент более, чем платежеспособный, он может заказать сразу нескольких девочек или мальчиков для игр. Сценариев в доме мадам де Жу – море, можно также играть по собственному, придумываемому клиентом на ходу, а можно воспользоваться услугами парочки инфернов в штате мадам, которые настрочат любой эксклюзивный сценарий под заказ.

Один из самых распространённых сценариев – игра в доктора весёлого дома.

Клиент в компании одной из девочек, изображающей мадам (не хватало мадам самой участвовать в играх!) идёт вдоль вереницы компаньенок, которым «мадам» приказала встать в небезызвестную позу и задрать юбку, чтобы доктору было сподручней «провести осмотр». Для этого выдаются даже специальные инструменты. В зависимости от фанта-

зии и темперамента доктор может «вылечить» хоть всех купленных девочек, а может и наказать, это по усмотрению. Инструменты для наказания (подчас довольно болезненного) в чемоданчике доктора тоже есть.

В такие игры преимущественно играют люди. Есть один очень известный в Вилскувере коммерсант, возраст уже перевалил за сотню, даром что человек, родственники, как говорится, ждут не дождутся оглашения завещания... А он играет «в доктора» каждую неделю, и хоть «лечить» девочек как-то уже не с руки, но «осмотр» проводит, то есть ощупывает и наказывает с удовольствием. А учитывая, что развлечение это не из дешёвых, не факт, что оглашение завещания кого-то из родственников сильно обрадует...

Но это, опять же, люди. Нелюди предпочитают более изощрённые игры.

Например, наги (самые обычные, не путать с королевскими!), любят «подзакусить» девочкой во время этого самого. Известно, что человеческая кровь для нагов – тот же наркотик, разве что никакого вреда организму он не приносит, поэтому для них в заведении мадам де Жу есть специальный бар, где вместе с заказом за столик подсаживается девочка или мальчик-донор.

Есть среди людей даже «подсевшие» на «поцелуй смерти», они заключают с мадам кровный контракт на добровольной основе и «работают», естественно, с нагами. У мадам всё по закону!

Что до королевских нагов, тут всё сложнее. Кровь им противна, за слабость к ней своих братьев они называют «низшими» и относятся подчас с нескрываемым презрением.

Этим по вкусу ментальная энергия (и потому из всех рас королевские наги ближе всех к демонам). Они могут выбрать из компаньенок ту, что поинтеллектуальнее (а у мадам все девочки образованные! правда, не всегда настолько, как нравится привередливым королевским нагам, но всё же) и обсудить с ней теорию струн, например. Или загадку тёмной материи. Поговорить о живописи, о поэзии, об искусстве в целом. Нет, до той самой стороны жизни за которой вообще ходят в весёлые дома, королевским нагам тоже есть дело. Просто благодаря массе способов получить ментальную энергию вкусы их так многогранны, что их можно встретить в самых разных «комнатах».

Оборотни – те попроще. Их в основном привлекает доминирование, но не такое затейливое, как, например, у демонов. Этим главное, чтобы девочка была достаточно выносливой и покорной. Остальное предпочитают делать сами. Правда, фантазия у них небогатая.

Вот кто ценители настоящего доминирования, что вообще-то по мнению мадам де Жу (и не только) настоящее искусство, так это демоны.

Как известно, демоны питаются энергией.

Она необходима для их внутренней демонической сущности.

Получить энергию жертвы, или, как сейчас модно говорить, донора, можно разными способами.

Проще всего человек расстаётся с энергией, испытывая эмоции. Ещё чувства (от них энергия тоньше), ощущения...

Самые неприятельные среди демонов – тэнгерии, безднорождённые, лучшие воины подлунного мира. Они вдоволь утоляют голод в боях и спаррингах, во время поединков, на опасных для жизни заданиях. И многие демоны им завидуют, потому что дома тэнгериев ждут, как правило, прекрасные перы – демоницы, владеющие искусством любви в абсолютной степени, ведь семя господина – для них в прямом смысле слова их жизнь.

Так что тэнгерии в весёлых домах – редкие гости.

Среди джиннов тоже немало наёмников, эти также предпочитают грубые эмоции, поэтому запросто можно встретить джиннов в весёлом доме в «верхних» комнатах.

Именно джинны предпочитают абсолютное телесное подчинение.

Есть масса «комнат», где доминирование проявляется даже не в столбах, цепях, наручниках и плётках, а где девушки выполняют роль мебели: от обеденных столов до столов для рулетки, карточных игр, вешалок и тумб, даже подставок под ноги. Покорные, обнажённые, молчаливые и согласные на всё, они прошли самую высококлассную подготовку, чтобы простаивать в неподвижных позах часами, время от времени открывая рот, чтобы обслужить посетителя орально, и,

уж, конечно, не возражают, когда во время игр или обеда их берут по очереди все участники.

Как правило посетители таких комнат ведут светские беседы, шутят, общаются между собой, зачастую во время утления похоти, девочки же, в зависимости от правил игры или молчат, или имеют право на стоны и вздохи.

Ходят в такие комнаты и такие, кто не удовлетворяет свои физиологические потребности с помощью замерших в самых разнообразных позах компаньонов. Им нравится просто побыть в окружении безмолвных обнажённых тел, пообщаться с приятелями, может даже заключить кое-какие сделки по бизнесу. В такие комнаты попадают более привилегированные девочки или мальчики, с большим опытом, кто не испортит клиенту игру неуместным звуком или взглядом, нет, вещь должна быть безмолвной, незаметной.

Ракшасы, как никто другой из демонов, любит причинять боль. С ними работают самые опытные компаньонки. В подобных комнатах, которые девочки называют между собой «пыточными», также нет недостатка.

А вот инкубы, или огненные демоны – одни из самых частых посетителей весёлых домов, даром, что раса эта немногочисленна.

Их тоже можно «застать» в любой из комнат.

Как демоны вожделения, они питаются сексуальной энергией, то есть в основном эмоциями и ощущениями, испытываемыми во время секса, реже – чувствами и переживания-

ми. И, как самые голодные из высших демонов, они часто начинают посещение с гостиных, где бокал вина или сигара сопровождается минетом. Девочки обслуживают гостей, сидя прямо под столом, чтобы клиент не спешил в более изысканных «комнатах»...

Инкубы с одинаковым удовольствием посещают и «игровые», и «бильярдные», и «пыточные».

И есть ещё одна комната, в посещении которой инкубы почему-то едины.

Тайная комната.

Мадам понятия не имеет, чем именно представления в Тайных комнатах так привлекательны для демонов вождления, но слово клиента, как говорится, закон, и кто бы спорил, но не она.

Представление в Тайной комнате заключается в том, что девочка (обязательно девственница) ласкает себя на глазах у демонов, послушно выполняя их приказы. Временами даже лишается «невинности» с помощью разнообразных приспособлений (так чаще всего происходит, когда клиент намерен выкупить потом ночь с компаньонкой, а возиться с лишением её девственности ему не хочется).

Незатейливая на первый взгляд игра – на девочку, играющую саму с собой можно только смотреть, трогать нельзя, – отчего-то является самой привлекательной для инкубов. Позже все они разойдутся по остальным комнатам, но «новый завоз» для высших демонов отчего-то самое лако-

мое. Мадам де Жу сказала бы, святое, если бы это слово можно было бы поставить в одно предложение с демонами.

Кажется, традиция Тайной комнаты берёт начало ещё со времен Тысячелетней войны, мадам не помнит.

Вроде были у инкубов какие-то особые ритуалы, связанные с поглощением энергии девственниц... Поговаривают даже, с использованием одних из самых страшных тварей иного мира – арахнидов.

Кажется, есть какая-то легенда о дружбе и вражде Лилит, матери демонов, и Арахны, матери пауков...

Всё это было так давно, да и не факт, что было... мадам это неинтересно.

Главное, что представление в Тайных комнатах – то, за что готовы и за что платят инкубы. А остальное, право, мелочи.

Вот и сегодня, в день «новеньких» мадам приготовилась к значительному пополнению своих счетов.

Осталось только дожждаться главных гостей – братьев де Вуд, и можно начинать...

Когда недовольство ожидающих «островных цветов» стало пробиваться сквозь внешний лоск и отстранённую безучастность на лицах, а «бывалым» девочкам пришлось утолять чье-то нетерпение прямо в зале, двери услужливо открылись, впуская братьев де Вуд.

Красивые, богатые, циничные и испорченные, похожие между собой как две капли воды, инкубы вошли в приемный

зал борделя походкой прожигателей жизни.

Эрам успел приласкать мимолетом верткую Эстель, Харлей одобрительно похлопал по ягодицам Алиру и обещающе подмигнул Изольде.

Братьев де Вуд, высших демонов инкубов, умеющих, кажется доставить удовольствие одним лишь взглядом, «девочки» мадам де Жу любили почти также, как сама мадам – кошельки братьев.

После церемонии представления новеньких, братья сделали свой выбор и удалились в Тайную Комнату.

Сегодня братья были единодушны и остановились на быстроглазой экзотической красавице с черным, эбеновым телом и белозубой улыбкой.

За братьями в комнату направилось ещё несколько инкубов и один джинн, явно посетивший Вилскувер по бизнесу.

Ясно было, как Богинин день, что девочка после представления достанется братьям де Вуд, но эмоции, которые излучала чернокожая малышка, были такими вкусными, что остальные тоже не удержались.

В конце концов, после представления они смогут утолить голод с другими крошками, чуть уязвленными представлением «новеньких», а потому теряющими сегодня в зароботке и готовыми пойти из-за этого вообще на всё и даже больше...

Гости расселись полукругом вокруг возвышения, которое одновременно напоминало высокое ложе со спинкой или покрытый алым сукном стол. Вообще, место, где девочка будет

давать представление, называлось сценой, но больно эта сцена похожа была на неприличных размеров кресло с покатою спинкой и подлокотниками специальной формы.

Девочка не заставила гостей ждать дольше положенного. Нежная, яркая своей экзотической красотой в полупрозрачном платье, которое напоминало кимоно с рукавами-крыльями и при этом было самым откровенным нарядом из всех, что могут навеять самые смелые фантазии, она появилась перед ожидающими её демонами и застыла, сжимая в пальчиках ручку небольшого чемодана.

Хрупкая, с высокой полной грудью и крутыми бедрами, облако мелких кудряшек обнимает головку, как шлем и делает её похожий на шарик на тоненькой палочке-шее. На лице – самое изысканное из сочетаний: невинность (выпускницы закрытых школ – девственницы) и похоть (девственницы, умеющие так много, что хватило бы на самого искушенного и знающего толк в запретных удовольствиях, развратника).

Почувствовав реакцию на себя сразу десяти инкубов, девочка деланно потупилась и опустила, чуть разведя ноги.

Теперь то, что скрывали от жадных глаз демонов небрежные складки тонкой ткани оказалось на уровне этих самых глаз.

Пристальное, напряженное внимание сразу десяти высших не прошло незамеченным: помимо яркой радужной ауры девочки, изобилующей эмоциями, по Тайной комнате начал растекаться умопомрачительный букет её желаний.

Словно не замечая этого, чуть подрагивающими пальчиками девочка щелкнула застёжкой чемоданчика. Повинуясь прикосновению, тот тут же бесстыдно распахнулся, открывая публике свои сокровища: стеклянные и резиновые продолговатые предметы разной длины и толщины, с хвостами и без, ремешки, немыслимые наряды, напоминающие сбрую...

Заискрившись от стыда и предвкушения, чернокожая девочка закусила губу и приподняла накидку над загорелыми коленками.

Инкубы еле слышно выдохнули. Эмоции, которые излучала компаньонка, были восхитительными, а молодое упругое тело – совершенным. Толстый лысеющий джинн промокнул носовым платком лоб.

Следующим движением девчонка избавилась от «кимоно». Торопливо погладив напоследок покатые плечи чернокожей красавицы, оно осело рядом смятой лужицей.

Кто-то из инкубов перевёл взгляд от источающей аромата желания розовой щелочки на грудь и под его взглядом бутончики сосков съежились, грудь налилась тяжестью и теперь ещё более дерзко и призывно торчит вперед.

– Шире ноги, – хрипло выдохнул один из инкубов и девчонка, часто заморгав, развела загорелые ножки шире.

– Возьми розовый, – раздался следующий приказ, но когда пальчики девочки робко легли на странной формы жезл из розового стекла, ее остановило властное:

– Нет. Рано.

Из-под полуприкрытых век девчонка бросила взгляд на того, кто приказал.

Идеальные черты лица. Высокий лоб, выпуклые надбровные дуги, ярко-синие, почти фиолетовые, глаза. Высокие, красиво вылепленные скулы, несколько островатые, как бывает у демонов, волевой подбородок и красиво очерченный чувственный рот, словно созданный для того, чтобы отдавать приказы... и доставлять наслаждение.

Точь-в-точь копия говорившего, в таком же дорогом костюме, только в отличие от этого, в бежевом, – в черном, довольно прищурившись, повел носом и лениво процедил:

– Умеешь играть с собой, сладенькая?

Сглотнув, чувствуя, как к щекам приливает жар, девушка кивнула.

– Точно? – прищурился демон. – Если врешь, накажу.

– Накажем, – хрипло пообещал его близнец и у компаньонки не осталось сомнений, что после представления она будет принадлежать этим двоим. От страха, стыда и робкого, тщательно скрываемого восторга аура ее заискрила так, что присутствующие в комнате инкубы тяжело задышали, торопливо поглощая излучаемые эмоции.

О том, что ее первый раз будет, скорее всего, с демонами, именно они завсегда и веселых домов, она, конечно, знала, но о том, что это будут высшие, инкубы, к тому же братья-близнецы и при этом такие красавцы, будущая компаньонка не смела и мечтать.

И сейчас ее желание нетерпеливо задергало внутри, а стояло пальцам раздвинуть влажные складочки, чувствительный бугорок отозвался таким сладким спазмом, что гибкое эбеновое тело выгнуло дугой.

– Нетерпеливая девочка, – хрипло прошептал первый из братьев. – Оближи пальчики, попробуй себя на вкус.

С едва слышным стоном компаньонка нехотя оторвала руку от ставшей вдруг невероятно отзывчивой плоти и принялась облизывать пальчик за пальчиком, посасывая их.

– Теперь поиграй с сосочками, – приказал второй брат.

Компаньонка торопливо облизала пальцы второй руки, стараясь чтобы на них оказалось как можно больше слюны и принялась теревить набухшие соски. Внизу задергало, ноги задрожали, тело выгнулось дугой.

Первый оргазм случился от такого простого прикосновения...

Как ни хотели другие посмотреть, как компаньонка расстанется с девственностью «подручными способами», братья были неумолимы. Только играть с влажными, истекающими соками лепестками, теревить соски, чуть-чуть приоткрывать пальчиком смуглый кружок ануса... не больше.

Переглянувшись, братья поняли друг друга без слов.

Девчонка слишком хороша, чтобы делить ее девственность с другими гостями. Хватит с них и цепочки ярких, похожих на взрывы, оргазмов, следующих один за другим...

После представления брата с нетерпением ожидали, когда приведут отдохнувшую девочку, в комнате для особых гостей.

Они знали, что компаньонку сейчас поят специальным составом, окуривают познавшее такое титаническое наслаждение тело благовониями, разминают мышцы массажем, возвращающим силы.

Если ты вечно-голодный инкуб, представитель проклятой расы, а также один из наследников многомиллионной корпорации, то лучшее развлечение для тебя – смотреть, как девочка сама с собой играет, дышать эмоциями, а потом разделить ее на двоих с братом, Харлеем де Вудом, самым близким существом в подлунном мире, тем, с которым вместе делили утробу матери.

Теперь пришла пора делить самое бесценное сокровище для инкуба – женские эмоции.

– Крошка несказанно хороша, – сказал, развалившись на шелковых простынях, Эрам. – Давно такой не было.

Харлей де Вуд только раздевался, неспешно, играя мышцами груди, рук, пресса, чуть ли не мурлыкал, как предвкушающий охоту кот.

– И она с родины Джины, твоей невесты, – продолжал Эрам.

– Если моя маленькая джинна настолько хороша, насколько и эта малышка, тем лучше для моей невесты, – ответил Харлей и расположился рядом с братом.

Тот сделал глоток виски и снова откинулся на подушки.

– Восток. Девушек там учат быть примерными женами.

– Но учат не так хорошо, как готовят конкубин.

– У конкубин их умение – это в прямом смысле слова их хлеб, – согласился Эрам. – Девушкам благородных кровей, у которых статус и место под Луной в кармане по праву рождения, дают несколько другое образование.

Харлей хмыкнул.

– Если уж речь зашла о невестах, братец, как поживает твоя милая Нинет?

– У моей невесты чудесное имя, очень ей подходящее, – сказал Эрам, должно быть, не в первый раз понятную только братьям шутку и оба инкуба коротко расхохотались. – Нинет, должно быть, развлекается в свое удовольствие, подозреваю, еще почище, чем мы.

– Пытается нагуляться перед свадьбой? – Харлей был само участие.

– Как будто после свадьбы я посажу ее на цепь, – фыркнул Эрам. – При всех своих достоинствах моя нареченная – человечка.

– Очень богатая и влиятельная человечка, – вставил Харлей. – Ко всем остальным ее достоинствам.

– Именно поэтому она моя ни в чем не знающая отказа невеста, – согласился Эрам. – И после свадьбы, о которой говорить пока рано, очень рано, мало что изменится в наших трепетных и трогательных отношениях.

Оценив сарказм брата, Харлей расхохотался и Эрам присоединился к нему. Братья почти забыли причину, которая привела их в эту комнату с высоким потолком и красными стенами.

И поэтому, когда причина возникла в дверях – кудрявая, большеглазая, совершенно обнаженная, с зачарованным взглядом... оба посмотрели на нее, словно впервые увидели.

– Ну же, сладенькая, – позвал Харлей, откидывая простыню. Взгляд компаньонки наткнулся на огромный, готовый к самым бесстыдным играм, член, отчего жар тут же прилил к щекам и отозвался сладким подергиванием внизу живота.

– Иди к нам, крошка, – присоединился к брату Эрам. – Замерзнешь.

Чернокожая компаньонка мелко просеменила через комнату и застыла перед кроватью, на которой лежали братья, с поникшей головой и в то же время в полной чувственности позы.

Если бы все только начиналось, братья показали бы малышке, какие инкубы умеют устраивать прелюдии, но после представления в Тайной комнате игры перед главным были явно лишние.

Девчонке скомандовали подняться на постель и широко расставить ноги.

Демоны уселись лицом к лицу, переплетя мускулистые ноги так, что их огромные члены заплясали рядом, едва не ударяясь друг о друга.

Теперь малышке оставалось медленно опуститься на них сверху, подарив оба своих девственных отверстия братьям-инкубам.

Эрам властно развернул девчонку передом к себе, Харлей осторожно раздвинул черные ягодицы и подул на сжавшийся от его внимания смуглый кружок.

– Тебе понравится, сладенькая, – сказал он, обильно смазывая кружок слюной.

Девчонке помогли аккуратно опуститься, впитывая, как губки, ее эмоции.

Упоительно-горький страх, стыд, волнение... и вместе с тем предвкушение, похоть, даже робкий, еле слышный восторг, – изысканный коктейль, взрывоопасное сочетание.

Когда сразу два огромных члена вторглись в обе девственные дырочки, девчонка застонала в голос, затрепыхалась.

Эрам успокоил ее, терзая губы нежным и властным поцелуем, Харлей в это время мял до боли ягодицы и покрывал поцелуями шею. Компаньонка расслабилась и смогла опуститься еще немного...

А потом сразу четыре руки рванули ее бедра вниз, насаживая на два огромных орудия, и компаньонка закричала в голос, балансируя на самой упоительной границе – удовольствия и боли.

Дав девчонке привыкнуть к их размерам, инкубы принялись постепенно поднимать и опускать ее вверх-вниз, поддерживая под круглую упругую попку.

Через какое-то время Эрам чуть откинулся назад и принялся ласкать тугие бутоны сосков смазанными слюной пальцами, усиливая наслаждение, а Харлей в это время сминал черные ягодицы до боли, насаживая компаньонку до основения.

Да, о таком «первом разе» чернокожая девчонка не могла и мечтать...

Как и инкубы о свалившемся им, как снег на голову, богатстве. Узкая, текущая, чернокожая девочка столь явно искрила, питая братьев умопомрачительным коктейлем эмоций, что остальным желающим попробовать ее на вкус, придется подождать пару дней в очереди.

Девочка слишком хороша, чтобы расставаться с ней после первого же раза. Тем более, что судя по тому, что малышке явно понравилось чувствовать боль, можно сделать их игры более яркими и разнообразными, поиграть в унижение...

Стыд, страх, возбуждение – коктейль, от которого не откажется ни один демон.

Глава 2

– Простите, а как выйти на четвертый путь второй платформы?

Женщина поправила форму и окинула Мишель строгим взглядом поверх очков. На наркоманку не похожа, да вроде и не издевается. Но спрашивать, как пройти к месту, где находишься?

– Вы на нем стоите, – снисходительно поджав губы, выдавила из себя женщина.

Мишель в отчаянье оглянулась. Ошибки быть не могло. Поезд, обычный, покрытый потрескавшейся краской и копотью, у дверей толпятся бабушки с корзинками, ходят туда-сюда компании провожающих, нервно вышагивают подростки с электронными сигаретами и в наушниках... Этот поезд никак не может следовать до Вилскувера, где находится та самая Галдур Магинен, и куда лежит путь Мишель...

Этот поезд можно запросто представить несущимся сквозь тайгу, казалось, на его стеклах навсегда отпечатались пролетающие мимо уездные города и покосившиеся деревеньки, из-за чего окна потемнели и сейчас подслеповато шуряют от дневного света. Кроме того, на окнах напротив купе проводниц есть таблички, и на табличках этих значился совсем другой маршрут.

– Посторонись, девушка, – одутловатый мужчина с крас-

ным лицом протащил мимо пухлый чемодан, оттеснив Мишель чуть ли не к самой стенке вагона. Пришлось втянуть живот на выдохе, чтобы не измараться в копоты.

– Растопырилась тут, на весь перрон, ни пройти, ни проехать, – вторила мужчине спутница, если судить по похожему чемодану.

– Вы мне? – удивилась Мишель.

Тетка фыркнула. Взгляд ее говорил: «Тебе-тебе, нахалючка с тощей задницей... как у меня лет так двадцать пять назад...»

Пожав плечами, Мишель отошла в сторону.

В билете у нее в руках значилось, черным по белому:

«Скорый. N – Вилскувер. Вагон 13. Место 33».

На обратной стороне приписка, каким транспортом добраться до главного корпуса Галдур Магинен и куда идти по прибытию...

Можно было бы показать билет кому-то из людей в форме, но Мишель больше не хотела рисковать: в прошлый раз, когда она так и сделала, тетушка, размера в два больше этой пообещала надрать рыжей нахалке тощую задницу, если та вздумает отвлекать ее своими дурацкими шуточками в рабочее время. Судя по пунцовым щекам дамы, Мишель продемонстрировала ей, как минимум, картинки для взрослых. В цвете.

Теперь же поезд – причем, не ее поезд – вот-вот уедет, и время отбытия в расписании значится то же самое, что и на

ее билете...

Мишель от души помянула про себя нехорошим словом куратора Альберта, который смылся куда-то за час до поезда, сообщив, что магистры и адепты следуют в разных вагонах.

В отчаянье Мишель решила вернуться в здание вокзала и посмотреть на расписание еще раз, словно это что-то изменит. Может, она не заметила еще какого-нибудь окна на табло, может, там была какая-то сноска... Дурацкая мысль. Мишель знала, что рассмотрела табло вдоль и поперек, и даже расспросила прохожих на предмет, видят ли они то же, что и она... Совсем дурацкая. Но так хотелось в нее верить...

Спускаться в переход не стала, слишком людно, вместо этого воспользовалась верхним тоннелем. А когда скользнула в кишку, на лестницу, за спиной захлопнулась дверь.

Мишель, вздрогнув, оглянулась.

Сквозняк?

Не зная, зачем она делает это, вернулась на пару шагов назад и попыталась разомкнуть захлебнувшуюся сквозняком стеклянную дверь. Тщетно. Мишель барабанила ладошками по стеклянной поверхности, кричала, звала, жестикулировала, пытаясь привлечь внимание проходящих мимо людей. Тщетно. Никто и голову не повернул. Люди, казалось, не видели ее. Не замечали.

Всхлипнув и пообещав нареветься как следует, хоть бы и из жалости к себе, позже, когда сядет, наконец, в треклятый поезд, Мишель взлетела по лестнице и понеслась по тонне-

лю, ведущему в здание вокзала.

– Отдайте! – послышался чей-то жалобный голос. – Это моя тришула!

– Твоя, русалочка, никто и не спорит! – раздалось нагло-ватое, а затем послышался смех.

– Сейчас отдадим.

– Отдайте!

– А что нам за это будет, а, красотка?

– Может, отблагодаришь нас, так, как вы, хвостатые, умеете, а?

Мишель свернула за поворот и увидела, как в кругу парней мечется невысокая брюнетка с розовыми прядями в волосах. Смуглая, фигуристая, с пышной шапкой волос и пухлыми губами, очень хорошенькая. Парни, окружившие ее, нагло гогочут, перекидывают друг другу что-то, видимо принадлежащее девчонке, та ахает каждый раз, боится, что уронят, и это распаляет парней еще больше.

– А ну, отдайте, – Мишель сама не поняла, как у нее это вырвалось.

Сразу семь пар глаз уставились на нее. Шесть – нагло и вызывающе, седьмые, влажные, с облегчением и восторгом.

Впрочем, восторг тут же исчез из глаз девчонки, когда та скользнула по хрупкой фигурке Мишель взглядом. Оценила физические данные взявшейся из ниоткуда помощи, и, судя по поджатой губе, сделала неутешительный вывод. Рыженькая девушка со смешными косичками на плечах едва ли

сильнее ее самой...

Видимо, такие же мысли посетили парней.

Их лица преобразились.

Стали еще более нахальными. Все как один, высокие, статные, смуглые, с негроидно-европейскими чертами лица. Мулаты – кто-то со светлыми глазами, кто-то с темными. В иной ситуации Мишель бы на таких засмотрелась. Как и любая другая на ее месте. От парней веяло чем-то диким и опасным.. Какой-то первобытной силой и звериной грацией.

Глаза одного из них, в котором Мишель безошибочно распознала главного, прошлись по ней таким липким взглядом, что девушка невольно поморщилась.

«А что бы отобрать у этой крошки, чтобы согласилась на что угодно, лишь бы вернули?» – говорил этот взгляд. А потом глаза парня победно сверкнули.

Увидел билет на поезд в ее руках, поняла Мишель.

Смуглый, вихрастый, с длинной осветленной на концах, челкой, парень направился прямиком к Мишель.

– Явно новенькая, раньше не видел, – раздалось у него из-за спины.

– И вполне себе ничего такая.

Тот, что приближался, ослабился.

– Смотрите, парни, кто это к нам пожаловал? Человечка...

Мишель сглотнула. Отступить было поздно.

– Сейчас же отдайте девушке то, что у нее забрали, – стараясь говорить как можно увереннее, произнесла она.

Парни переглянулись.

Смуглые, пречистые, с волевыми подбородками и наглым прищуром.

Тот, что подошел почти вплотную, белозубо ухмыльнулся:

– А то что, крошка? Нажалуешься папочке?

Вот, казалось, должно бы зарубцеваться это... «папочке», «мамочке», а ведь все равно, каждый раз, как впервые.

– Подкидыш! Подкидыш! Даже твои родители отказались от тебя, как только увидели! Ты мерзкая! Отвратительная! Тебя никто не любит! Ты никому не нужна! Отдай свои конфеты и мы тебя, так и быть, не отлупим! – в голове загудели голоса сводных братьев и сестер. Нет, они бывало, были добры к ней, пожалуй, даже, снисходительны, но до поры до времени. Во время ссор всегда ополчались против. Они были семьей... А она – подкидышем.

Мишель помотала головой, отгоняя непрошенные мысли.

Парень тем временем приблизился вплотную и тыкнул пальцем ей в грудь. Звук получился глухой, с рваным выдохом, парень явно старался если не сделать побольней, то напугать.

– Знай свое место, человечка! – сказал он. – Если нам (это слово он особо выделил) вздумалось поиграть с русалкой, мы играем с русалкой. Не хватало еще оправдываться перед такой, как ты.

Мишель рефлекторно отбросила его руку в сторону, паль-

цы вскользь прошлись по прохладному циферблату часов.

Картинка уже привычно качнулась и дополнилась новой, эфемерной, но если приглядеться, не хуже этой.

Парень, который задирает Мишель, а до нее неизвестную брюнетку, тоже присутствовал на этой картинке. Только был он совсем не таким наглым и самоуверенным. Наоборот, трясся с подобострастным видом перед кем-то другим, стоящим к Мишель спиной.

– Котлы Рокселд в платиновом корпусе, последний линкофон, золотая карта, ты думал, это бесплатно, малыш Дэенис? Думал, это все по доброте душевной? – голос говорившего был глухим, а еще он издевательски тянул слова.

Парень, которого говоривший назвал малышом Дэенисом, склонил перед ним голову, как виноватый школьник.

– Нет, мастер, – сказал он, и голос его отличался от того, каким он только что разговаривал с Мишель или с брюнеткой.

– На что ты пойдешь, малыш Дэенис, чтобы все это было твоим? Чтобы по-прежнему вести жизнь, к какой ты привык и сохранить свое реноме в глазах папочки?

Парень отчего-то задрожал крупной дрожью, а картинка зарябила и исчезла.

– На что ты пойдешь, малыш Дэенис, чтобы сохранить свое реноме в глазах папочки? – зачем-то повторила Мишель вслух и часто заморгала: из наглого, уверенного, дерзкого стоящий перед ней парень в один миг превратился в того

трясущегося неудачника из ее видения.

А в следующий миг с ним снова произошла метаморфоза. На лицо вернулась маска уверенности и безнаказанности, но на дне глаз отчетливо плескался страх.

– Оставьте ундину, парни, – сказал он, деланно лениво оборачиваясь к парням. – Еще на поезд из-за этих опоздаем.

– Дэенис?! – хмыкнул кто-то из парней.

– И вилку ей отдайте, – приказал он.

А потом посмотрел на Мишель таким взглядом, что та отшатнулась и сглотнула. В глазах смуглого парня она прочла красноречивое обещание ее смерти. В муках. Если откроет рот.

Отвесив девчонке, которую парни почему-то называли русалочкой еще пару скабрёзных комплиментов, вернули ей ее вещь.

– Мы с тобой еще не закончили, Заури, – сказал один из них брюнетке, стоило той с жаром вцепиться в предмет, и в самом деле напоминавший золотую вилку.

– Закончили, – вырвалось у Мишель.

Она встала рядом с девушкой, которая оказалась ниже ее на полголовы и посмотрела на того, кто угрожал, с вызовом.

Парень хотел что-то ответить, но оглянувшись на Дэениса, в котором Мишель сразу определила главного и в последний момент передумал. На смуглом властном лице отчетливо читалось: не лезь. Он и не полез. Развязно подмигнул Мишель на прощание и присоединился к остальным.

– Заури, – протянула руку девчонка. – Спасибо тебе большое, что вступилась.

– Мишель, – Мишель пожалла протянутую кисть, заглядывая в огромные голубые глаза девчонки. – Для друзей Миша.

– Не стоило, – сказала Заури, провожая удаляющихся по тоннелю парней взглядом. – Они ничего бы не сделали. Джинны... Кровь так и кипит. Я сама виновата. Рот раззявила, тришула выпала... Дэенис поднял, они как раз мимо проходили, а потом не удержался...

Мишель захлопала ресницами. Как Заури сказала? Джинны?

Та не обращая внимания. Потянула Мишель за руку.

– Нам тоже следует поспешить, – сказала она. – Поезд не парень, ждать не будет.

– Нет, я в межмирье только за учебниками. Сама знаешь, у альвов в магазинах дешевле. И намного, – сообщила Заури, когда они заняли одно купе на двоих и поезд тронулся.

Предчувствие не обмануло Мишель: поезд был совсем другим, новым, роскошным, с ароматом чистоты и дорогих моющих средств в коридоре. В таких она прежде не ездила. Что касается учебников, она не знала – дорого они стоят или нет, просто покупала все, что говорил Альберт и глазела, глазела, глазела по сторонам...

– А так я с Сапфировых островов, – щебетала Заури. – Отец был подводным охотником, работа, сама понимаешь,

престижная, когда-то мы очень шикарно жили, – голос девчонки погрузнел, – а после его смерти мама осталась с нами с шестерыми на руках...

Мишель ахнула, но Заури, похоже, свое отгоревала. Куда больше ей хотелось поделиться с новой знакомой эмоциями.

– Я неплохо охочусь, – сообщила девчонка. – Не смотри, что маленькая, зато юркая и быстрая. В детстве отец часто брал с собой... Я предлагала маме, давай устроюсь младшей охотницей, пусть и не буду зарабатывать сразу, как папа, но вытянуть братишек и сестренку помогу! Я-то старшая, это мой долг... Но мама – ни в какую. Собрала все деньги, которые были, еще и кредит взяла, у родственников в долг попросила... в общем, наскребли на обучение в Галдур Магинен. Теперь я права не имею косячить, – Заури рассмеялась. – У меня договоренность. Сразу после учебы все адепты прямым ходом идут на практику. Кто куда, а я в родные края. Восемьдесят процентов от первых заработков – банку и родственникам, таким кролем, я подсчитала, лет пять... а потом, да здравствует, вольная и богатая жизнь! Опять же, мелкие подрастут... Тоже хотят, как старшая сестра, в Галдур Магинен учиться...

Соседка, которая оказалась самой настоящей ундиной, щебетала, не переставая. Говорила она много и сразу, причем обо всем на свете: о том, как это престижно – учиться в Галдур Магинен, как удобно расположен их корпус – на границе непроходимого леса и большого города, о погоде в

Вилскувере, о чудесных летающих домах, о том, что желтый цвет ее ужас как портит, а вот голубой – наоборот, стройнит.

– Полчаса-час на лэстроу или мобиле – и вот ты уже в Вилскувере, – тарыхтела Заури. – Как, ты ни разу не была в Вилскувере? Да ты что! Это же город-музей, архитектурное и культурное совершенство, которое с наступлением темноты превращается в средоточие самых разнообразных удовольствий. Клубы, бары, рестораны, ночные выставки и театры, паркур и стритрейсинг, всевозможные гоночные квесты...

– Вообще, если фанат игр, можно попробовать себя в роли персонажа в условной реальности, – вещала русалка. Видимо, от возбуждения с пальцев Заури срывались брызги, а у ног натекла небольшая лужица.

– Ой, как я неаккуратно, – сказала девушка, заметив неловкость. – То-то кажется, что я вся иссыхаю... А откуда у тебя такие деньжищи на обучение? – спросила она, переведя взгляд на Мишель. – Ты не обижайся, но по внешнему виду не скажешь, что ты богачка. К тому же ты из межмирья.

Услышь Мишель такой вывод о своем благосостоянии после оглядывания неброских потёртых джинсов и свитера, в другой раз и от кого-то другого, она бы обиделась. Но русалка была такой радушной, искренней, от души благодарной за помощь с парнями... Да и сама начала рассказ о себе с того, как тяжело было собрать нужную сумму, и еще тяжелее будет ее отдавать... Поэтому Мишель робко улыбнулась и ответила:

– Магистр Альберт Гордеев, он помогал с поиском учебников и разговаривал с бабушкой (это почему-то показалось важным рассказать), сказал, что я – стипендиат.

– Ого! – воскликнула русалка, закрыв пальчиками пухлый рот, открытый буквой «о». – У тебя должно быть, редкий дар.

– Я медиум, – повторила Мишель то, что узнала от куратора. – У меня пассивный дар артефактора.

– Ты видишь память вещей! Ничего себе!

– Только то, что вещи хотят мне «показать», – повторила Мишель слова куратора. – А они, как правило, не хотят.

– Все равно! Стипендиат! – русалка помотала головой, словно не верила.

– У меня контракт на год, – сообщила Мишель. – Или как-то так, я не поняла. Стипендия мне положена в течение года. Если дар не усилится, останется на этом же уровне, придется платить за обучение самостоятельно.

– В Вилскувере полно работы, – заверила ее русалка. – Я сама думаю устроиться официанткой или разносчицей пиццы...

– Я думала о месте лаборантки, – призналась Мишель.

– Сидеть в академии день и ночь? – скривилась русалка. Но тут же губки ее растянулись в улыбке. – А! Ты же просто первокурсница! Новенькая! У всех поначалу такое нездоровое рвение к учебе. Ты пойми, милая! Мы в Вилскувер едем! Там можно все!

Мишель задумчиво посмотрела на русалку.

Сказать откровенно, она чуть не описалась от радости, когда поняла, что Альберт Гордеев не шутит. Что ей действительно прислали приглашение из магической академии. Что она будет артефактором. Артефактором! Это во много раз круче, чем археологом!

Она знала, с детства знала, в самом далеком уголке души, в который никого не пускала... кроме, разве что, старых... любимых-прелюбимых вещей... что она особенная. Что она может говорить с вещами... слышать их. Пускай такие совпадения – редкость, пусть столь явно с ней произошло подобное всего пару раз... И самыми яркими из этих пары раз были тогда, с Владом и сейчас, с Дэенисом.

Когда Мишель невольно вспоминала взгляд джинна, вздрагивала, ежилась. Потому что это был взгляд убийцы. Пусть она видела, прикоснувшись к его часам, немного, но что-то подсказывало... достаточно. Достаточно для того, чтобы прочесть в глазах джинна приговор. Ведь он и не знает, сколько она успела увидеть... И, даже если бы сказала ему, не поверил бы. А она бы поверила на его месте?

Мишель была рада, что встретила ундины – та оказалась мало, что разговорчивой сверх меры, так еще прекрасно ориентировалась в местных реалиях, и не просто ориентировалась, а с радостью делилась премудростями. И вскоре Мишель была в курсе местной моды, как например, то, что в тренде красный, брючки-дудочки и безрукавки с воланом по

подолу, а еще кожаные куртки с шипами, эдакий закос под ракшасов, узнала и о последних моделях линкофонов, «похожие на эти ваши мобильники, только понятно, куда удобнее и функциональнее», а также о том, что «купить тебе линкофон – это в первую очередь, как приедем, чтобы все время на связи быть».

На вопрос по поводу расселения Заури, задыхаясь от восторга, сообщила, что ее соседка по комнате, Лаура, как раз закончила академию и выселилась, так что Мишель может смело заселяться к ней, правда, Лаура – та тоже русалка, и, в общем, в комнате сейчас несколько мокро...

– А как тебя твои отпустили? Как вообще восприняли новость, что в семье появилась волшебница? – спросила Заури и закусила губу в предвкушении интересного рассказа.

Увы, порадовать новую подругу Мишель было нечем.

Бабушка, которая растила ее, неродную внучку, вместе с остальными внуками, сперва в летнее время, затем Мишель «перевезли» к ней навсегда, отпустила в «заграничную академию» с легким сердцем.

– Ты, главное, с парнями не блуди, – сурово сказала она на дорогу. – Думаешь, не вижу, что заневестилась, в возраст вошла? То-то. Оно хорошо, что ты от этого охальника своего, Вадима, подальше будешь. Ведь на роже написано: кот мусорной... Вишь, гад, женатым оказался...

По поводу гада и мусорного кота Мишель была с бабушкой согласна. Как и по части того, что ей просто нельзя уда-

ритель в грязь лицом, она должна заниматься как можно усерднее, чтобы развить слабенький дар и получить стипендию и на следующий год. Но и подработать с ундиной тоже можно. Мишель пока слабо разбиралась в местных деньгах, но сомневалась, что стипендии, которую ей назначили, хватит на жизнь. В этом плане высшие учебные заведения всех миров и заведений одинаковы.

Судя по тому, как засмеялась ундина, когда Мишель озвучила ей сумму стипендии в месяц – семьдесят кредитов, и почти все деньги за первые два месяца она благополучно потратила на учебники, кредитов у нее осталось не так много. Хорошо, что в виде исключения, выдали стипендию сразу за три месяца... но ведь Заури говорит, что нужно купить еще этот их линкофон...

– У меня через пару недель подработка в книжном магазине, – сообщила Заури. – Нужно приветствовать гостей и провожать к очереди, улыбаться и следить за тем, чтобы все были довольны.

– У вас такой ажиотаж в книжных магазинах? – воодушевилась Мишель.

Ундина фыркнула.

– Как же, ажиотаж! Просто будет встреча с самим Огюстом Цицероном, нагом-легендой, известнейшим исследователем в области аураведения, путешественником, правда, сейчас он прочно засел в своей лаборатории и уже лет пять никуда не выезжал, а жаль... за его репортажами следил весь

Слитсберг... профессором по высшей демонологии, доктором магических наук и автором тысячи и одного романа!

– Написать столько романов... невозможно, – возразила Мишель.

– Еще как возможно! – не согласилась русалка. – Если в твоей истинной форме у тебя шесть рук.

– Шесть рук? – Мишель даже икнула. – Он что? Тоже какой-нибудь джинн?

– Он наг, – с гордостью сказала русалка. – Королевский. Это значит, что у него есть крылья и шесть рук, а хвост длиннее, чем у любого тритона.

Последнее русалка проговорила шепотом, закрываясь ладошкой от двери, с придыханием. Не от сказанного, но от того, как это было преподнесено, Мишель прыснула и подумала, что разговоры девчонок во всех мирах одинаковые.

– А эти, – осторожно спросила Мишель, – джинны... У них тоже есть иные формы?

– У всех есть истинные формы, – фыркнула русалка. – Кроме людей, конечно.

И Мишель услышала о высших демонах, инкубах и ракшасах, демонах-воинах – джиннах и тэнгериях, о светлых демонах, правильнее было бы их называть ангелами, здесь же их называли «светлыми» – херувимах, серафимах и нефилимах, а также о гарпиях, фуриях, горгонах, тритонах, сиренах, ундилах, нагах, оборотнях разных кланов...

Вскоре у Мишель закружилась голова от названий рас и

засосало под ложечкой от надвигающейся паники. Куда она едет? Джинны в тоннеле были не слишком дружелюбны и произносили «человечка» так, как будто быть человеком зазорно...

Постепенно разговор перешел на людей, и Заури поведала, что сейчас быть человеком – самое время. Не то, что какую-нибудь тысячу лет назад, когда не имеющие вторую ипостась считались вторым сортом, отбракованным биологическим материалом, а посему зачастую были рабами у более сильных рас... Видя оторопь Мишель, Заури поспешила сообщить, что несмотря на кажимую слабость, люди все же плодовиты и многочисленны, и вообще, сейчас их великое множество и они уравниены в правах, и даже входят в сенат.

– Люди – идеальные доноры для любой расы. Для любой, представляешь! Демонам по вкусу ваши эмоции, тут зависит от самого демона, конечно, какой он – высший или низший. Опять же, с воинами немного по-другому, им более плотные эмоции нужны, что ли, более осязаемые, инкубы же питаются на тонких уровнях. Светлым – нужны, что называется, положительные эмоции – радость, восторг, счастье, умиротворение. Они сами счастливы, когда такое ощущают. Наги – низшие, я имею ввиду, извини, должна предупредить, падки до вашей крови. Она их пьянит, заставляет чувствовать себя всемогущими, как наркотик... Поэтому даже в землях низших нагов охота на людей запрещена... Королевские наги – те другое дело. Они питаются ментальной энергией, как это

– не очень-то представляю, мы высшие магические потоки еще не проходили. Тритоны, сирены, ундины – мы все эмпа-ты, как бы тебе объяснить попонятней, у нас эхолокация раз-вита, понимаешь, вы ее пока только у дельфинов и летучих мышей обнаружили. Мы вас слышим просто, и это приятно. Но глубинного голода, как у демонов, особенно проклятых, у нас нет, так что...

Русалка запнулась, глядя в вытаращенные глаза Мишель. По-своему истолковав ее взгляд, она поспешно пояснила:

– Глубинный голод есть только у тех рас, которые остались без пары. То есть у тех, кто потерял свои половинки во время Тысячелетней войны. Это инкубы и нефилимы. У гарпий и фурий тоже нету пар, но я бы не сказала, что это их заботит. Учитывая нрав фурий... Я не знаю, кто может их выдержать. Горгоны тоже остались одни, но те как-то подружились с на-гами.

Мишель внимала русалке с ужасом. То есть она попала в мир, где для каждого второго – еда?! Бифштекс? Причем для некоторых в буквальном смысле?! Для остальных же идеаль-ный донор эмоций или энергии?! Мамочки! Захотелось вы-скочить из купе, рвануть стоп-кран, сойти... Коварный Аль-берт! Он ведь ни словом не предупредил об ожидающей ее участи. А может... Может, это такой план? Заманивать лю-дей в ловушку... Куда она попала...

– Ик, – вырвалось у нее. – Ик!

– Эй, ты чего? – насторожилась русалка. Могла бы и рань-

ше, с этой их, эхолокацией! – Ты что, испугалась?

Мишель кивнула. А ты бы не испугалась?

– Да перестань! Сейчас действует программа по защите прав людей. Рабские контракты без видимых на то причин запрещены! У людей те же права, что и у остальных! Вы плодитесь и размножаетесь, как завещала Богиня и даже входите в сенат! Это ли не доказательство, что мы равны?

Русалка с таким жаром говорила о равенстве людей, что у Мишель немного отлегло от сердца. Но вот о том, с каким презрением ее называли человечкой джинны, она хотела бы забыть.

Этим беспокойством Мишель вдруг захотелось поделиться с русалкой, но та, стоило услышать слово «джинны», тут же замахала на нее руками.

– Нет-нет, не говори мне, что ты видела! Судя по всему, не слишком что-то хорошее для Дэениса...

– Неужели тебе не интересно? – опешила Мишель, подумав, что должно быть, где-то сдох по меньшей мере, мамонт, если девчонка ее возраста не проявляет любопытства. Или в новом мире все девы такие странные?

Оказалось, нет.

Отчаянно ругая себя на чем свет стоит за любопытство, русалка призналась, что ей очень, очень, просто безумно интересно, узнать, что Мишель такого видела, прикоснувшись к Дэенису, но это знание может быть опасным... Если подвергнут ментальному сканированию, – а семья джинна очень

влиятельна, – дело может закончиться совсем плохо... для ненужного свидетеля.

– Вообще, осторожно с Дэенисом, – вздохнув, подытожила русалка. – Узнав его тайну, ну, или ее кусок, – ундина нетерпеливо махнула рукой, – в общем, ты нажила себе врага...

Глава 3

– Соси старательнее, детка.

Эрам услышал голос брата, стоило переступить порог холостяцкой квартиры. Так и знал, Харлей не станет отказывать себе в удовольствии в ожидании близнеца.

«Исключительно из крайней степени уважения», которое мадам де Жу питала к братьям-инкубам, она позволила забрать девочку из борделя на несколько дней.

Неопределенная формулировка «несколько» прибавила пару нулей к счету за малышку, причем мадам хорошо знала, что новая игрушка быстро наскучит братьям, вернется в бордель досуха выпитая... придется потратиться на восстановление ауры... но она, мадам, в любом случае выигрывает. Выжирание ауры в первые же дни в веселом доме грозило бы девчонке в любом случае, очень уж ее эмоции приглянулись завсегдаям.

...Так что сейчас Харлей, видимо, помогал девочке отрабатывать деньги, на нее потраченные. Эрам хмыкнул наполовину с досадой – наполовину одобрительно. С досадой – оттого, что брат не дождался его, одобрительно... потому что какой бы демон дождался?!

Войдя в комнату, Эрам обнаружил, что Харлей действительно помогал, чем мог: демон раскинулся в кресле, перекинув мускулистую загорелую ногу через подлокотник,

сам откинулся на спинку, глаза блаженно прикрытым. Пальцы демон запустил в шевелюру девчонки, что стояла перед креслом на коленях. Влажные кудряшки, лужицы на полу красноречиво повествовали, что эти двое только вышли из душа.

– Я смотрю, кто-то не удержался, – сказал демон, расстегивая пиджак.

Харлей поднял на него мутный взгляд.

– Я просто помыл ее к твоему приходу.

Эрам хмыкнул.

– Вижу, ты отнесся к процессу со всей ответственностью, братец.

Движения черной головки ускорились, пальцы одной руки Харлея вцепились в подлокотник, второй – в волосы черной кожей малышки.

– Старательнее... детка, – прохрипел Харлей и по его телу прошла судорога.

Эрам застыл с рубашкой в руках.

Он впитывал эмоции человечки: ванильно-фруктовую радость, от того, что смогла угодить хозяину, стыд, терпкий и пряный, он усилился, стоило Эраму войти в комнату, сильное, на грани фола, возбуждение – Харлей и не думал заботиться об удовлетворении девочки. Удовольствие еще надо заслужить. И к этому умопомрачительному букету примешивалась освежающая нотка контроля, легкого превосходства, от того, что ей удалось – хоть и на недолгое время – под-

чинить этого сильного, властного мужчину, демона, взять контроль в свои руки (хотя здесь больше подошло бы – губки). Это новое ощущение пьянило саму девчонку, кружило ей голову...

Братья переглянулись. Как всегда, демоны поняли друг друга без слов.

– Теперь вылижи его, сладенькая, – вкрадчиво проговорил Харлей и пряный вкус стыда усилился.

– Постарайся, – хмыкнул Эрам. – У нас большие планы.

Освежающий вкус контроля перестал витать в воздухе, но Эраму этого урока показалось мало. Стоит показать человечке, раз и навсегда, кто тут командует. Кто главный.

– Стол или столб? – спросил он у брата, прищурившись и поджав губы. – А может, стена?

– А мы что, куда-то спешим? – промурлыкал Харлей и погладил девушку, которая усердно работала юрким язычком, по щеке. Та невольно вздрогнула и беспомощно оглянулась на Эрама.

Люди не могут чувствовать эмоции демонов. Но в тоне братьев, в словах было что-то такое тревожное... Вдобавок, в их фантазии и неутомимости она уже имела «счастье» убедиться и сейчас у внутри все сжалось. Эти двое говорили о ней, словно ее не было в комнате, словно она была вещью, неодушевленным предметом, игрушкой, которую взяли в аренду... И которая отработает заплаченное за нее сполна.

– Тогда сразу стена, – сказал Эрам хмуро. С этими словами он приказал девчонке встать и следовать за ним. Та с трепетом подчинилась. – Это ты никуда не спешишь, а меня вызывает отец.

– Зачем? – раздалось сзади.

– Не сказал, – пожал плечами Эрам. – кроме того, что разговор серьезный.

– Тогда давай первый, – Харлей, который собирался было встать, с блаженным видом вновь откинулся на спинку кресла. – У меня-то большие планы...

– Сюда, – скомандовал Эрам компаньонке, и та приблизилась к алой, обитой бархатом стене почти вплотную.

– Расставь ноги, – раздался следующий приказ, – и отклячь свою круглую задницу. Хочу видеть твои вторые губки, лакомая.

Девушка робко оглянулась, закусив губу, и... замешкалась.

Эрам ухмыльнулся ей улыбкой довольного кота. Этот кот поймал мышку и намерен с ней поиграть. Сейчас дуреха замерла, боится пошевелиться. Но стоит ей хотя бы вздрогнуть, тут же угодит в когтистую хватку...

– Ты слышала меня, лакомая? – в голосе демона не осталось и намека на улыбку.

Секунда – и вот он уже стоит за спиной у компаньонки, вдыхает аромат ее волос. Девочка пахнет мылом, тем самым, которое с ароматом какао и миндаля... и чуть-чуть специа-

ми, что присуще всем темнокожим.

– Ты – шоколадка с орехами, – сказал демон. – Хороша... Хороша. Особенно, когда боишься. Ты ведь боишься?

Компаньонка покосилась на стену. На наручники, плетки, какие-то странные приспособления. Она вспоминала обещание о больших планах на сегодня и по коже прокатывались волны ужаса... Компаньонка не сомневалась, что демоны испытывают на ней все эти ужасные вещи... Выдержит ли она?

В школе, на острове учили получать удовольствие от боли, и учили хорошо... Но эти уроки давались ей тяжелее всего. Из всех учениц, у нее занимало самое долгое время... достичь вершины, когда ее бьют. Учителя заметили ее слабость и били старательнее. Пока не научилась переступить через себя. Научилась. Но боль при этом не полюбила, как случалось с некоторыми.

Демоны до сих пор были нежны с ней... насколько нежен может быть кот с мышью. Он обнимает ее мягкими лапами, прижимает к себе... даже вылизывает... Прежде, чем впиться зубами в горло!

Сама обстановка красной комнаты внушала страх. Ужас. И еще страшнее было послушаться хозяина. Что она сделала не так, если ее привели сюда?

Хриплое дыхание демона стихло. Девушка оглянулась – он отошел на несколько шагов и внимательно изучает ее взглядом.

– Ты восхитительно смотришься на красном, – сказал он,

наконец. – Подними руки и положи ладони на стену.

После того, как девушка послушалась, демон продолжил:

– А теперь раздвинь ножки и оттопырь попку. Покажи, какая ты грязная и испорченная девчонка. Я отсюда вижу, как ты течешь. Течешь и боишься. Да?

– Очень, господин, – ответила компаньонка, вздрагивая всем телом. Она кожей ощущала взгляд демона. Властный. Беспощадный. И очень похотливый.

Он снова оказался сзади. Быстрыми движениями зафиксировал руки компаньонки, разведя их в стороны. Теперь она не могла бы двинуться, даже если бы хотела.

Что-то прохладное коснулось ягодиц, а затем обжог удар!

Девушка обиженно всхлипнула и растерянно оглянулась.

Демон сжимал в руке хлыст.

– Как тебя зовут, детка? – спросил демон и ударил снова.

Компаньонка охнула, было не столько больно, сколько неожиданно (к такому невозможно быть готовой!) и очень чувствительно.

– Ндиди, господин, – ответила она торопливо.

– Ты с Сапфировых островов?

– Да, господин.

– Насколько я знаю, у вас каждое имя что-то значит. Что означает твое?

– Терпеливая, господин.

Лицо демона озарила улыбка.

– Вот как, – промурлыкал он. – Скажи мне, в чем заклю-

чается главная обязанность компаньонки, Терпеливая Ндиди?

– Угождать господину, – девчонка потупилась. – Господам.

– А еще?

– С радостью и сразу выполнять указания господ, – ответила девушка. – Послушание – главная добродетель, как компаньонки, так даже и конкубины.

– А сколько раз я приказал тебе расставить ножки? А? Терпеливая Ндиди?

– Дважды, господин, – ответила девушка после небольшой паузы.

– Дважды, – протянул Эрам, с наслаждением впитывая страх и беспомощность, которые источала крошка-шоколадка. – Ты согласна, что должна быть наказана?

– Да, господин, – торопливо ответила девушка. Может, ее покорность смягчит демона. Не сердце, ведь как известно, у инкубов нет сердца, но хотя бы его злость на нее...

Демон приблизился так, что Ндиди ощутила жар его тела.

– Целуй, – инкуб протянул ей хлыст. – А затем, как хорошая девочка, будешь считать вслух удары, чтобы я, невзначай, не увлекся. Иногда так хочется боли...

Компаньонка содрогнулась, но послушно закивала, а затем припала губами к хлысту.

– А! Один... А-ах! Два... М-м-м! Три, – считала она, взвизгивая. Она понимала, что это по большей части страх.

Демон бил не сильно, да и хлыст был слишком мягким по сравнению с другими, которые ей доводилось пробовать... Но... Демон знал, куда бить. Как попасть по самым чувствительным местечкам... Что говорить при этом. Как вызывать не только страх, но и сладкую дрожь по всему телу. Ндиди сама не заметила, как голос, которым она отсчитывала удары, становился все более нежным, чарующим, обволакивающим...

Когда в очередной раз удара не последовало, она ощутила явное разочарование.

Отчетливо распробовал его и демон.

– У каждого свой порог, детка, – доверительно сказал он. – Здесь главное – практика и еще раз практика. И эмпатия, конечно. Те, кто наказывали тебя раньше, не чувствовали тебя. Не слышали.

Это правда. В островных школах высшие демоны не преподают.

Ндиди уже было расслабилась, когда хлыст, нагретый о ее тело, скользнул между ног и замер на самом чувствительном местечке.

– Расставь ножки, Терпеливая Ндиди.

Медленно, как во сне, компаньонка расставила ноги еще шире и оттопырила попку. Теперь, если демон захочет ударить ее... там... это будет очень просто. И очень больно.

– Хорошая девочка, – хрипло произнес инкуб, и когда хлыст покинул развилку между ножек, по щекам компаньон-

ки побежали слезы облегчения.

– А за то, что ты хорошо себя вела, тебе положен сахарок, – промурлыкал демон.

Ндиди оглянулась с надеждой. Неужели расстегнет наручники? Отпустит... Нет, ну не совсем конечно, но может, они покинут эту страшную комнату...

– Нет, детка, о том, что мы уйдем отсюда и не мечтай, – разочаровал ее демон, словно прочитав ее мысли. – Но немного удовольствия и ты заслужила. Удовольствия и боли. Прости, детка. Сегодня мне хочется причинять боль.

Между ягодиц обожгло. Ндиди подумала было, что демон умудрился каким-то образом ударить ее по самому сокровенному... тому, что сзади, потом решила, что он готовится взять ее через вторые врата... И лишь когда мышцы, воспротивившись, рефлекторно обхватили что-то толстое, гладкое и рифлёное, поняла, что демон не шутил насчет боли. Дилдо таких размеров, предназначенный для вторых врат неизменно доставит боль во время традиционного соития...

– Не дрожи так, лакомая. В ваших школах вас должны были учить, как испытывать удовольствие от помпы, или дилдо для вторых врат. Этот малыш, что я поместил в твою очаровательную покрасневшую попку, вполне тебе по силам. А оттрахаю я сейчас твою текущую розовую дырочку, и наличие в попке дилдо многократно усилит удовольствие... Ты же хочешь, чтобы тебя оттрахали, как грязную маленькую сучку, детка. Я чувствую аромат твоего желания, а между

ножек у тебя мокро – хоть купайся.

Инкуб снова раздвинул смуглые половинки и полюбовался результатом. Между ягодиц компаньонки сверкал розовый кристалл. Отблеск от прозрачных граней смотрелся очень нежно и возбуждающе на темной коже, а эмоции человечки приобрели такой восхитительный окрас страха, стыда, ожидания боли... Что у демона невольно закружилась голова.

Он вошел в нее грубо, одним рывком.

Твердые грани кристалла впились в пах и это раззадорило еще больше.

Компаньонка вскрикнула и застонала в голос, когда демон начал истоиво бить бедрами. Стоны перемежались криками. Девушка билась, словно надеялась вырваться, но наручники и руки демона держали крепко. Вскоре Ндиди сама не заметила, как крики переросли в стоны удовольствия. Восхитительного, упоительного, возможного только на грани. Стыда и похоти. Боли и наслаждения. Недавнего мнимого контроля и бессилия.

Шерлез де Вуд был недоволен. Настолько, насколько вообще это слово применимо к высшему демону, у которого голод и связанное с ним недовольство – вся его жизнь. Старший де Вуд сжимал зубы, играл желваками, барабанил пальцами по столу из драгоценного стеклянного дерева. Иногда дорогой костюм из чуть сверкающей ткани жалобно потрес-

кивал, что значит, демон с трудом сдерживает себя и не принимает боевую форму.

Эрам ненавидел такие моменты с детства. Никогда они ничем приятным для него не заканчивались. Тихий гнев, застывший в глазах отца, был страшнее бушующей ярости. К пифии не нужно ходить, чтобы понимать: сейчас отец будет давить. Манипулировать. Только что он сделал? Как кандидат в младшие партнеры корпорации де Вуд (в настоящее время – региональный представитель), он с юношеских лет зарекомендовал себя, как жесткий, беспринципный делец, благо было у кого поучиться. И тот, у кого братья учились, вынужден был признать: ему удалось сделать из наследников свое подобие. Рожденные от брака демона и оборотня, брака, в котором потомства не предполагалось в принципе, слишком разный у инкубов и пантер состав крови, братья-инкубы взяли самые сильные черты, как от отца, так и от матери.

И сейчас Эрам де Вуд недоумевал: почему отец вызвал его одного? А как же Харлей? При мысли, что брат сейчас всю развлекается с чернокожей компаньонкой, в то время, как он, Эрам, стоит в кабинете отца, как проштрафившийся школьник и гадает, что он сделал не так, инкуб досадливо засопел.

– Ты уже взрослый, сын, – нарушил тишину отец.

Эрам вздохнул и поджал губы. То, что отец заходит изда-лека, с очевидного, дурной знак. Старшему демону что-то нужно от младшего. Знать бы, что? Предупрежден, значит,

вооружен.

– Ты зарекомендовал себя, как сносный партнер и коммерсант.

«Сносный» в устах отца равно «талантливый». И вот это совсем худо. Отцу и в самом деле что-то от него нужно, если не брезгует даже лестью...

– Пора становиться серьезнее, солиднее, – сказал Шерлез де Вуд.

Эрам иронично приподнял бровь.

– Прекратить проматывать жизнь в кутежах и со шлюхами, – сказал отец тоном благовоспитанной матроны и вторя бровь Эрама поползла вверх.

– Отец, вообще-то ты сам говорил, что на разгульную жизнь у нас с Харлеем только и есть, что десять лет в Галдур Магинен, потом придется стать серьезнее.

Он усмехнулся, поскольку был прекрасно осведомлен, что демоны и не думают отказывать себе в удовольствиях и во «взрослой», «серьезной» жизни. Даже влиятельные демоны. Особенно влиятельные.

– Тебе пристало больше времени уделять своей невесте, вместо того, чтобы бегать по продажным девкам, – сказал отец. – Опять же, когда я учился в Галдур Магинен, я не был помолвлен.

– Но официальной помолвки еще не было, – возмутился Эрам. – Да, мы с Нинет сговорены, с детства, но это не афишируется... Да моя дорогая Нинет сама даст фору любому

демону...

– Прекрати! – с выдохом на поверхность стола обрушился тяжелый кулак. Стол из стеклянного дерева жалобно звякнул.

– Если Расселы узнают, как ты отзываешься о Нинет, помолвку расторгнут, и о дверях в сенат тогда можно забыть.

– Не расторгнут, – пробормотал Эрам, правда уверенности в его голосе не было.

– Ни для кого не секрет, что тебя интересуют только шлюхи, условные квесты, азартные игры, запрещенные гонки, сын, – сердито проговорил Шерлез де Вуд. – Да, деньги, которых у тебя с рождения столько, что хватит на сто жизней в роскоши, открывают многие двери. Но есть еще кое-что, не менее привлекательное, чем деньги.

– Власть, – прекрасно понял отца Эрам.

– Именно, – подтвердил демон. – И именно родство с Расселами откроет для меня дорогу в сенат. А войти в сенат... это...

– Это всемогущество, отец, – спокойно завершил Эрам.

– Однажды двери сената откроются и перед вами с Харлеем, – сказал Шерлез де Вуд. – Конечно, в том случае, если сейчас они откроются передо мной, – произнес он с нажимом. – А это значит, что высшие демоны снова смогут стать правящей династией.

– В таком случае, почему ты не нападаешь на Харлея? – хмыкнул Эрам и сдвинул плечами.

Отец почти повторил его жест.

– Его сговоренная Джина далеко, свадьба не скоро... К чему торопиться?

– Тогда почему торопиться нужно мне? – опешил Эрам. – Если свадьба не скоро.

Шерлез де Вуд нахмурился.

– Потому что Расселы настаивают на скорой свадьбе, сын, возможно даже придется обойтись без оглашения помолвки. Соответственно оказывать знаки внимания своей невесте тебе сейчас в самый раз.

– На скорой свадьбе? – нахмурился Эрам. – Верится с трудом.

Настаивать на скорой свадьбе демона с человечкой? Да он выжрет ее за пару-тройку лет. Тут как раз в интересах человеческих жен настаивать на наличие конкубин у мужа, даже рабынь... Впрочем, Эрам был уверен, что Нинель так и поступит. Непохожая на остальных человеческих женщин, Нинет с самого начала их знакомства дала понять: у него своя жизнь, у нее – своя. Он волен перетрахать хоть всю команду чирлидерш, в то время как она развлекается с футболистами... Эмоции Нинет были липкими, душными, до приторного сладкими. Ее можно было сравнить с вечным десертом, если вы любитель не просто сладкого, а сахара. Готовы есть его, щедро сдобренный медом, ложками. Закусывая халвой. И не запивая. Эрам точно был не из таких. Он вообще не любил сладкое, а рядом с Нинет становился его ярым нена-

ВИСТНИКОМ.

Но если отец хотел поговорить с ним только об этом, что ж. Это ему, Эраму, на руку. К тому же свадьба – дело решенное. Вряд ли она что-то изменит в его жизни. К худшему.

Напротив, редким свободным пассиям (все же Эрам предпочитал профессионалок и шлюх) можно будет задвигать сказочку насчет невозможности жениться из-за уже существующей жены, конечно же, тяжело больной, которую ни в коем случае нельзя бросить...

– Нинет так Нинет, – хмыкнул Эрам. – Я думал, что-то серьезное, отец.

В глазах Шерлеза де Вуд мелькнуло облегчение: счастье, что отпрыск не воспринял его настойчивую просьбу, больше напоминающую приказ, в штыки.

– Это и есть серьезное, Эрам, – поморщился Шерлез де Вуд. – Просто ты, в силу молодости, пока этого не понимаешь. Союз с Расселами нужен и выгоден не только им, но и нам.

Эрам кивнул и пожал плечами. Хмыкнул, мол, невеста, так невеста, и, попрощавшись с отцом, покинул его офис.

Праздник души и тела, иначе говоря, оргию Эрам почувствовал еще на подходе к особняку Расселов. Инкуб усмехнулся. Пока уважаемый член сената Максимус Рассел со своей верной спутницей, Эвенной Рассел посещают очередной прием, их единственная дочурка времени не теряет.

Его, должно быть, вовремя заметили, потому что прямо перед его носом из калитки выскочил смазливый тритон. В отличие от тех, кто покидал дом в это же время через запасной выход, этот явно нарывался, желая показать жениху, что надкусил ожидающий его пирог, и, судя по ухмылке, надкусит еще не раз.

Эрам усмехнулся.

Соперник? Смешно.

Когда свадьба состоится, Нинет сможет заключить кровные контракты хоть с десятью такими хвостатыми молодцами.

Да, демоны ужасные собственники, но это касается лишь того, к чему чувствуешь интерес, испытываешь такие недостающие тебе эмоции... А Эрам совершенно ничего не чувствовал к сговоренной невесте. Нинет была пустышкой для него. Приторно-неинтересной пустышкой. Она никогда не привлекала его, даже в тот раз, когда отымел ее на подоконнике за шторой, в то время, как родители подписывали соглашение о сговоре. Когда-то ее радостное согласие на любой эксперимент воспринималось демоном с приятным удивлением, пока эта искренность и восторг не оказались насквозь фальшивой ширмой скрыть некую внутреннюю бесчувственность, пустоту. Высшего демона не так просто обмануть: он питается эмоциями, а у пустышки их не так много, и все неглубокие.

Нинет сидела перед высоким зеркалом в своей комнате,

когда он вошел. В легком кружевном пеньюаре, с распущенными по смуглым плечам светлыми волосами.

Несмотря на то, что прислуга поторопилась поменять простыни, в комнате витал запах секса... даже, пожалуй, энергия секса, эманации похоти, которыми пропитались здесь все, вплоть до шелковых обоев с тиснением.

Завидев в зеркале жениха, Нинет постаралась придать себе какой-то загадочный и поэтический вид, и, хорошенькой, растрепанной, с личиком сердечком и черными, как ночь, глазами, ей это почти удалось.

Если бы демон не ощущал так явно вибрации недавнего (совсем недавнего) секса, буквально пульсирующие в воздухе, обязательно повелся бы на подрагивающие полуприкрытые реснички и пухлые губки буквой «о».

– Я вижу, ты тоскуешь, – произнес он, показывая, что принимает ее правила игры. – Не спрашиваю почему. Хотел приберечь это до официальной помолвки, но хотелось бы порадовать тебя сейчас.

С этими словами он распахнул перед ней алый бархатный футляр.

Нинет задохнулась от восторга, на дне черных глаз зажглись звезды.

– Сердце инкуба? – недоверчиво спросила она, поднимая взгляд на Эрама.

Конечно же, это «сердце» было вырезано из желтого бриллианта, а не появилось из самопроявленной вагины в огнен-

НЫХ землях.

С тех пор, как инкубы навеки утратили свою пару, священные земли перестали производить на свет амулеты... Зачем дарить сердце тому, кто бессердечен по своей природе?

Но недавно старые традиции вошли в тренд. Все эти ритуалы с «прощением и освобождением внутреннего ребенка и остальной внутренней орды» современные психологи называют не иначе, как проработка и очищение подсознательных паттернов освобождением сознания и прочей мутью... Так вернулась мода и на «сердца демонов».

Если в стародавние времена молодые получали благословение в огненных землях, где невеста снимала с самопроявленного фаллоса брачные браслеты, а жених извлекал из самопроявленной вагины кристальное сердце, которое дарил своей избраннице, показывая тем самым, что нашел свое сердце, то сейчас свадебные церемонии проводятся иначе.

Самопроявленные свадебные браслеты, которые становятся на руках пары огненными письменами давно заменяют ритуальные татуировки, а «сердца» удачно штампуются лучшими ювелирными домами. Кулон в форме сердца инкуб преподносит избраннице во время официальной помолвки, что является лишь данью моде и традиции.

Эраму не хотелось вручать «сердце» Нинет. Точнее ему было все равно. Не будет Нинет, так будет какая-нибудь Жанет или Ивет, разницы никакой... только имя старайся, запоминай. Имя же своей невесты он запомнил сразу, благода-

ря приятной ассоциации.

Ожидаемо, что стоило ему щелкнуть замочком, помещая «сердце» на груди невесты, та тут же вознамерилась выпрыгнуть из платья, точнее, из пеньюара.

Эмоции, излучаемые человеческой пустышкой, были блеклые, липкие... Предсказуемые.

То ли дело чернокожая девочка, которая в эту самую минуту с усердием обслуживает его брата... Эрам почувствовал даже что-то вроде досады, представив, чем они там, без него развлекаются... И это несмотря на то, что сам он помилел человечку во все отверстия прежде, чем отправиться на встречу с отцом.

Он прошелся большим пальцем по пухлым губам Нинет.

– Очень жаль, детка, что у меня дела. Уверен, ты поймешь, ты же умница.

С этими словами он покинул покои невесты, успокаивая себя тем, что она не чужда экспериментам с... самыми разными расами. В конце концов, о такой жене демону можно только мечтать... Правда, ему самому такие рассуждения казались выводами, притянутыми за уши, а сама мысль о том, чтобы произнести слова брачной клятвы перед нелюбимой, была отвратительной... Но ничего не поделаешь. Он демон. Высший демон. Инкуб, которого боги лишили сердца. Поэтому пусть рядом будет та женщина, которая никак не повлияет на сложившийся уклад его жизни.

И все же... известие о скорой свадьбе его не радовало.

Глава 4

Нинет Рассел сидела перед зеркалом и лениво наблюдала, как служанки укладывают ей волосы, когда вошла ее мать, Эвена Рассел.

Преждевременно увядшая, словно высохшая, но все еще статная и по-своему привлекательная. Какое-то время леди Рассел пристально наблюдала за действиями служанок, от чего у них затряслись руки, затем неопределенно кивнула и жестом отослала девушек. Тех как ветром сдуло.

Эвена Рассел заняла место за спиной дочери. Ее пальцы запорхали над волосами, делая последние штрихи.

– Ты должна выглядеть безупречно, – сказала она, с сомнением оглядывая отражение красавицы-дочери в зеркале. – При взгляде на тебя должны воспламеняться не только люди и оборотни, но и высшие демоны.

Пальцы Нинет прошли по кулону на груди, она горделиво покосилась на мать. Если бы ее вид не воспламенял демонов, Эрам де Вуд не сделал бы ей такой подарок раньше срока... Даже раньше официальной помолвки.

Заметив жест дочери, Эвена Рассел хмыкнула.

– Эрам де Вуд преподнес тебе «сердце», но это ни о чем не говорит, дочь.

– Как это ни о чем не говорит? Это «сердце», то самое «сердце инкуба», мама! – возмутилась Нинет. – Его дарят

избраннице, той, кому приносят брачные клятвы. И Эрам отдал его мне! Мне!

– Он не остался на ночь, – жестко констатировала Эвена. – Не задержался даже на час.

– Иногда мне кажется, меня окружают не слуги, а шпионы, – прошипела Нинет.

– Эрам де Вуд инкуб, – словно не слыша шипение дочери, продолжала Эвена. – Если ты представляешь собой хоть малейший интерес для инкуба, он трахнет тебя, не задумываясь, даже если это подоконник в рабочем кабинете и от подписывающих ваш брачный контракт родителей вас отделяет портьера.

Щеки Нинет порозовели. Она говорила тогда Эраму, что остальные догадаются, чем они занимаются... Но демон не слушал ее, сначала поставил на колени и заставил отсосать, затем развернул и отымел сзади. А потом вел себя, как ни в чем не бывало. Скотина. Демон... настоящий демон!

Стыд из-за того, что мать в курсе того происшествия, шесть лет назад, был недолгим.

– Но он и трахнул меня, мама! – с вызовом сказала Нинет. – И не раз.

– Как давно это было? – тут же осведомилась Эвена и прищурилась, явно зная, что дочери нечего на это ответить.

Нинет недовольно передернула плечами. Какая разница – когда!

– Не понимаю, мама, к чему этот разговор!

Эвена невесело усмехнулась.

– К тому, что ты должна выйти за Эрама де Вуда. Любой ценой.

– Но я итак выхожу за него. Мы, то есть вы, подписали договорное соглашение.

– Официальной помолвки еще не было.

– Так будет! «Сердце» – лучшее тому подтверждение!

– Мы нищие, – выдохнула, наконец, Эвена и поджала губы.

Нинет была в курсе, что дела у торговых компаний отца идут не так радужно, как хотелось бы, но это слово.

– Мама?

– Все свободные деньги уходят в дело. У нас нечем даже оплатить счета. Даже наши расходы... на булавки пришлось урезать. Если слухи о том, что твой отец – банкрот, просочатся в сенат...

– Но мама! – Нинет явно не ожидала такого. Она даже не предполагала, что все так серьезно. – Если все так плохо, можно ведь найти кого-то побогаче...

Эвена устало опустилась рядом.

– Мы сговорили тебя с высшим демоном и так и будет, – сказала она.

– Это только слова, – фыркнула Нинет. – Ваш с ними сговор. Думаете, я не знаю, что для демонов слова ничего не значат? Да! Ты права! Я не интересна ему. Куда интереснее Эраму де Вуду продажные девки и шлюхи... Мы поженим-

ся, и вы, конечно, поправите свои дела. Но Эрам избавится от меня, когда ему будет удобно, как только Шерлез де Вуд займет место в сенате.

Эвена качала головой, слушая речь дочери. Затем произнесла:

– Ты не понимаешь, Нинет. К счастью, пока не понимаешь. Этот брак нужен тебе больше, чем нам с отцом. Ты должна привязать его к себе. Эрама.

– Привязать инкуба? – фыркнула Нинет. – Высшего демона? Смешнее ничего не придумать.

– И тем не менее, придется, – отрезала Эвена. Так жестко, что Нинет сглотнула.

– Как? – беспомощно спросила она. – Сама знаешь, что я не интересна ему. Не интересны мои эмоции.

– У меня есть план, дочь. Эмоции – та же энергия, пища для демонов. Просто инкубам она в более тонком виде, видоизмененная. Но от этого она не перестает быть пищей. Демону нужна энергия – так дай ему ее...

– Тебя ли я слышу, мама? – воскликнула Нинет. – Ты знаешь, что я – магическая пустышка! И меня приняли в Галдур Магинен только благодаря тому, что отец – член сената и у нас есть деньги на полное обучение.

– Я же сказала, у меня есть план, дочь. Тебе предстоит проверить его самой, не трогая семейные счета и карты. Во-первых, у нас просто нет денег, а во-вторых, по движению денег на банковских счетах тебя будет проще всего отсле-

дить. Когда-то меня научили извлекать магическую энергию. Нужно только придумать, как преобразовать ее в ту, что придется по вкусу демону.

С момента выхода из поезда в Вилскувере, Мишель, казалось, только и делала, что старалась держать рот закрытым... почти получалось.

Пронзающие синеву неба шпили небоскребов, какие-то огромные шары, висящие прямо в воздухе, пролетающие мимо мобили обтекаемой формы, причем были те, которые пролетали в буквальном смысле.

Заури объяснила, что это экспериментальные технологии, летающими мобилиями могут похвастаться в настоящий момент только их испытатели, в общий доступ они попадут нескоро, но Мишель все равно не переставала восторгаться.

Было в новом мире что-то успокаивающе-привычное, как, например, гул большого города, небоскребы, сверкающие в утренних солнечных лучах, тот же смог, который здесь пах чуть иначе, потоки людей на улицах...

Русалка объяснила, что Вилскувер – столица, причем не только Слитсберга, но и всей Апостериории. Сама она даже не предполагала, пока жила на Сапфировых островах, что в одном месте может собраться такое количество людей и нелюдей... Мишель слушала новую подругу, точнее, старалась прислушиваться, но та стремительность, с которой новый мир обрушился на нее, подмял под себя, как подмина-

ет течение, потянул по дну... Она ожидала чего угодно, но точно не того, что попадет на картинку, изображающую альтернативное будущее.

Наверное, потому, что Мишель все еще находилась под впечатлением от Вилскувера, Галдур Магинен разочаровала. Немножко...

Многоэтажные корпуса, чеканная загадочность готического стиля, престиж и элегантность викторианских линий, монументальные колонны и амфитеатры напоминали древний Рим и древнюю Грецию.

Это немного не увязывалось с технократическим шиком, который Мишель наблюдала в городе, откуда они с русалкой добирались на местном аналоге метро, лэстроу: парящих тоннелях. Очень похоже на сабвей, но быстрее и комфортабельнее.

По прибытию в Галдур Магинен следовало первым делом посетить деканат.

Логично, что после Вилскувера у кабинета декана факультета Артефакторики не осталось никаких шансов впечатлить Мишель.

Даже кристаллы, висящие посреди кабинета, по сравнению со зданиями-шарами, что парят над столицей, не произвели особого впечатления.

А в остальном кабинет напоминал деканат в родном мире: темное дерево, строгие линии, сдержанность во всем, даже тяжеловесность.

Под стать кабинету оказался и сам декан. Высокий, массивный, даже грузный, напоминающий медведя, вставшего на задние лапы, только в безупречном костюме и пенсне. И имя у него оказалось соответствующее – магистр Бара.

– Итак, адептка Хольде, вы изъявляете желание стать артефактором?

Хоть еще пару дней назад Мишель ничего подобного не изъявляла, сейчас она твердо произнесла:

– Да, магистр, Бара. Я очень хочу стать артефактором.

Тот задумчиво взгляделся в какие-то бумажки, выданные ей Альбертом. Их надлежало предоставить декану. Затем хмыкнул, расширил пальцами панель над столом, неуловимым движением скопировал данные туда и взгляделся внимательнее.

– Вам надлежит пройти обследование, Мишель. На нашем оборудовании. Из тех данных, что предоставили вы, видно, что у вас пассивный дар векторной магии третьего уровня. К слову, с первым или со вторым уровнем, вы не могли бы претендовать на то, чтобы стать нашим стипендиатом.

Мишель, которая итак не претендовала на то, чтобы стать стипендиатом Галдур Магинен, поспешно кивнула.

– Я сделаю все, чтобы усилить мой дар, магистр Бара, – заверила она декана. – Я буду хорошо, очень хорошо учиться, я буду стараться, я сделаю все, от меня зависящее... \

– Приятно видеть такое рвение, – сказал декан. Впрочем, чересчур удивленным он не выглядел. Действительно, кто не

захочет стать не просто адептом Галдур Магинен, но еще и стипендиатом...

– Раз уж у нас свами такой доверительный разговор, разрешите задать вам личный вопрос.

Насторожившись, Мишель кивнула.

– Был ли у вас контакт с женщиной?

К щекам хлынул жар. Мишель ожидала, что декан спросит что-то о детстве, семье, материальном положении, наконец... Но о таком? Но она сама разрешила задавать вопрос и сейчас магистр Бара ожидал ответа, пристально разглядывая новоиспеченную адептку поверх пенсне.

– Адептка Хольде? – спросил он невозмутимо, словно речь шла о чем-то таком незначительном, что и яйца выеденного не стоит, мол, не задерживайте, девушка. Кроме вас еще много дел.

Отчаянно покраснев, а краснея Мишель, как и все рыжие, становилась похожа на вареного рака, адептка Хольде помогала головой.

– Нет, – выдавила она из себя. – Ничего такого не было.

Декан так ощутимо повеселел, что к Мишель в голову невольно закрались нехорошие подозрения.

– Это же прекрасно! – сказал он.

– Мне тоже приятно видеть, как в Галдур Магинен блюдут чистоту нравов, – чувствуя себя глупее некуда, проговорила Мишель.

– И это тоже, – не смутился декан. – Но если до этого я

сомневался, что вам удастся остаться нашим стипендиатом и на следующий год, то теперь у меня почти нет сомнений.

– Вот как? – теперь Мишель ничего не понимала.

– Чаще всего магическая одаренность проявляется в период раннего пубертата, или самого начала полового созревания. Так происходит практически со всеми, у кого вырывается активная направленность индивидуального магического фона. В таких случаях магически одаренный ребенок направляется в специальное учебное заведение, магическую школу, в Слитсберге их целых три, но сейчас речь не об этом. Что касается пассивного вектора, то здесь, как правило, проявление дара запаздывает. Как в вашем случае, вы же прибыли сразу в академию. Ваше желание учиться, учиться и еще раз учиться похвально, но имейте ввиду, здесь вы будете конкурировать с выпускниками магических школ, да и с представителями этого мира, а это нелегко. Моя вам рекомендация, адептка Хольде, не пренебрегайте ни единым советом, даваемыми магистрами. Если советуют перед практической работой не меньше трех часов просидеть в медитации, концентрируясь на своем даре, пытаюсь выстроить диалог с вещами, смело сидите пять, шесть часов! Сказано – достучитесь до самого капризного артефакта лаборатории – умрите, но сделайте это, юная леди! Только от вашего усердия и желания учиться сейчас зависит многое, очень многое. В том числе ваше будущее.

– Спасибо, – сдержанно проговорила Мишель. – Очень

познавательны. Но какое все это имеет отношение к моей связи с мужчинами?

– Не к связи, – строго сказал декан. – К ее отсутствию. Чем дольше вы сохраните целостность ауры с момента проявления дара, тем больше шансов, что он окрепнет и войдет в полную силу. Для пассивного дара нормально выйти хотя бы на шестой-седьмой уровень, и там и остаться. До десятого, как правило, доходят самые талантливые.

– Активные, – пробормотала Мишель.

– У вас есть все шансы занять достойное место в градации магов, адептка Мишель, – сказал декан. – Если будете достаточно осмотрительны. И мой личный вам совет: остерегайтесь демонов, особенно высших. В рамках программы защиты людей вам, скорее всего, ничего не грозит... Но не все демоны законопослушны. И не забудьте, что я сказал по поводу необходимости в целостной энергетической оболочке.

Мишель сглотнула от этого «скорее всего» и заверила, что будет держаться от высших демонов за километр. От низших тоже. Что? Низших демонов не бывает? Счастье какое! Помимо высших, только боевые и светлые? Что ж. И от них будем держаться подальше... А вообще вовремя у нее дар прорезался. Страшно представить, что если бы три дня назад не считала память той самой злополучной бархатной коробочки с сережками, быть ей в постели Влада... и дар, который необходим, чтобы стать артефактором, так и не развился бы...

Что ж. Учится, учиться и еще раз учиться...

Возможно, это звучит скучно в своем мире, где все тебе знакомо и привычно.

В новом же, который населяет великое множество рас, и не все они дружелюбны к людям... Где у тебя есть шанс развить магический дар, стать артефактором, участвовать в самых захватывающих экспедициях, говорить не просто с вещами, а с настоящими реликвиями, уметь убедить их открыться тебе, рассказать... По крупицам восстанавливать историю, узнавать новый мир...

От перспектив, открывающихся перед ней, голова у Мишель шла кругом...

Часть 2

Глава 5

Месяц пролетел не то, чтобы не заметно, скорее, иначе, чем все, что до этого происходило в жизни Мишель. Пронесся стремительным экспрессом, сменяя одну за другой, декорации. Пары, в основном, по теоретической магии (более серьезные дисциплины первокурсникам начинают преподавать не сразу), часы в библиотеке, целый эшелон новых лиц, среди которых были люди и нелюди, с крыльями, хвостами и без.

Основная жизнь здесь протекала в человеческой форме, как в наименее энергозатратной, как пояснил на паре про векторным потокам магистр Альберт Гордеев.

Мишель сама не ожидала, что так быстро почувствует себя здесь своей. Может, дело в том, что там, дома, ее по-настоящему ничего и не держало? Думать так было даже обидно. И все же она с восторгом окунулась в водоворот лекций, практических занятий, рефератов и лабораторных работ. Чаще всего ее можно было застать в лаборатории факультета артефакторики, где она тренировалась, не покладая рук и не оставляя надежды с наиболее «разговорчивыми», как показала практика, вещами. Не реже бывала она и в

Хранилище, и в академическом информатории. Заури только смешно поджимала губы, когда Мишель в ответ на приглашение на очередную закрытую вечеринку русалок, которые, как правило, проходили возле бассейнов, звала ту с собой. Нет, Заури нельзя было назвать нерадивой адепткой, русалка ни на минуту не забывала об ответственности, лежащей на ее плечах... Но русалка жила в своем мире, и многое для нее не было в диковинку. Для Мишель новым и каким-то волшебным, сказочным было абсолютно все – от рас, окружавших ее до обычаев и технологий. Она даже стала, на манер местных поминать по поводу и без повода Богиню, которую, помимо «своих», присущих каждой расе богов, почитали здесь все.

Однажды Мишель и Заури даже выезжали в Вилскувер, такую ерунду, как необходимость приобрести новые письменные принадлежности, Заури превратила в настоящий повод для шоппинга, и фыркнув на предложение Мишель посетить лавку альвов на территории Галдур Магинен, потащила ту в Вилскувер, прямо на пятую Эуен-стрит, где, конечно, негде было купить письменные принадлежности, а если бы было, у подруг, вместе взятых, не хватило бы на них средств, но зато было много магазинов – небоскребов и бутиков, расположенных в подъездах с отделкой под винтаж, были шикарные швейные ателье, с витринами, напоминающими замысловатые оранжереи... с такими умопомрачительными нарядами за стеклянными перегородками на жи-

вых моделях, что дух захватывало от восторга...

Отдельным удовольствием было то, что, развалившись за столиком небольшой пиццерии, на летней террасе, можно было запросто представить себя завсегдаем подобных заведений и магазинов, и, хотя подружки еле наскребли на то, чтобы позволить себе здесь по чашке кофе, обе чувствовали себя счастливыми.

Когда Мишель засмотрелась на проезжающий мимо шикарный мобиль с откидным верхом с серебряными крыльями по бокам, Заури хмыкнула.

– Не советую так в открытую смотреть на химеру одного из братьев де Вуд, – сказала она.

– Братьев де Вуд? – не поняла Мишель.

Затормозивший на цветофоре мобиль двигался медленно, и был при этом похож на подкрадывающегося хищника. От него веяло не столько роскошью и пафосом, сколько опасностью.

– Эрам и Харлей де Вуд, – подтвердила Заури. – Братья-близнецы, мечта всего нормально ориентированного женского населения Слитсберга... Высшие демоны, инкубы. Про них рассказывают, что они все делят на двоих, пожалуй, кроме жилья и машин. У Эрама – химера, у Харлея – грифон. Выпускной курс, такие на занятиях почти не показываются.

Мишель поспешно отвернулась от окна. В последний момент один из сидящих на заднем сиденье обернулся. Их гла-

за встретились лишь на миг, но этого мгновения Мишель хватило, чтобы задохнуться, скомкать на коленях салфетку, недоуменно и часто захлопать ресницами. Брюнет на заднем сиденье роскошного авто, сидевший между ослепительных красавиц, ожег ее взглядом, и этот взгляд Мишель ощущала и после того, как черная химера скрылась среди потока машин. Он словно заклеил ее этим взглядом... демон!

– Ты в порядке? – эмпатичная русалка не могла не заметить перемены в подруге.

– Да, пожалуй, – ответила Мишель задумчиво. – Только знаешь, что? Неплохо бы уже сворачиваться. Магистр Ричард ждет моей помощи в лаборатории...

Русалка фыркнула. Она была не согласна с тем, что Мишель предложила волонтерскую помощь в качестве лаборантки в артефакторном филиале лаборатории в академии. Ей непонятен был восторг подруги от того, что ей дозволялось «общаться» с вещами, с ценными реликвиями, чье сознание пытались пробудить студенты-старшекурсники, непонятно было и то, как можно испытывать удовольствие просто просиживая в неинтересных захламленных комнатках по многу часов. Мишель же, несмотря на непонимание со стороны новой подруги, чувствовала себя счастливой. Даже к обидному «человечка» почти привыкла. В конце концов, не так давно минули времена, когда обзывали «подкидышем».

А ночью ей приснился инкуб. Тот самый, из черного мо-

бия с серебряными крыльями.

В этот раз он не был так далеко. И черты лица разглядеть удалось. Идеальные. Породистые. С налетом наглости, вседозволенности и власти.

Инкуб ничего не делал. Просто смотрел на нее.

И под этим взглядом Мишель ощущала себя очень желанной... и очень бесстыжей.

Хотелось, чтобы он не только смотрел. Трогал. Ласкал. Направлял.

Вся суть Мишель, которая в этом сне оказалась совершенно беспринципной просила, требовала, хныкала... Хотелось облизать губки, откинуться назад, задрать платье, бесстыдно распахнуть под взглядом инкуба ноги.

Внутри, между широко разведенных бедер, тугим комком пульсировало желание. Стонало, капризничало. Требовало дать ему выход. Расшириться до размеров вселенной. Слиться в единое с миром. Стереть границы между Мишель... и этим демоном.

Когда Мишель приблизилась к пику наслаждения, всё исчезло.

Вскрикнув, она села в своей постели, в общежитии.

От противоположной стены раздавалось мерное дыхание русалки.

Мишель почувствовала себя обманутой.

Все имеющиеся у Мишель наряды Заури забраковала.

Одобрила лишь красное платье из струящегося атласа с открытым верхом.

– Приветствующая гостей на встрече с самим профессором Огюстом Цицероном должна выглядеть шикарно! – заявила она.

На робкое заявление Мишель, что платье вечернее и никак не подходит для книжного магазина, русалка фыркнула и выудила из вороха своих вещичек болеро из красной сверкающей чешуи. Теперь, когда плечи и руки по локоть закрыты, наряд можно было считать завершенным.

– Ты хочешь заработать, или нет? – сердито восклицала Заури. – Если хочешь, должна слушаться меня!

Заработать Мишель хотела. Тем более, что оставшиеся от трехмесячной стипендии деньги потратила на новенький линкофон, простенькую модель, сравнительно дешевую, но на нее ушли почти все деньги, если бы взяла ту, на которой настаивала ундина, пришлось бы занимать... А брать в долг Мишель отказалась из принципа. К тому же занимать было не у кого.

Но когда ощутила на себе одобрительные взгляды первых же гостей и увидела остальных «встречающих», поняла, что русалка была права. На фоне девиц в нарядах из последних коллекций она, в один раз надеванном алом платье (в тот злополучный раз, с Вадимом), ощутила себя чуть ли не церковной мышью.

Правда, с задачей справилась. Рыженькая человечка с

убранными в хвост волосами, в струящемся алом платье привлекала внимание.

Ее останавливали, спрашивали, как побыстрее пройти к профессору Цицерону. С ней советовались. Ей улыбались и хвалили эвент-агентство «Гостеприимная гарпия». К слову, гарпии среди встречающих гостей тоже были. С настоящими, не бутафорными, крыльями. У Мишель руки чесались, когда одна прошла рядом, захотелось прикоснуться к мягким с виду крыльям, сложенным за спиной так плотно, что их не видно на отбрасываемой девушкой тени. Но Мишель поймала на себе взгляд гарпии, в котором за внешней любезностью скользила холодность и с трудом удержалась, чтобы не отшатнуться.

Профессор Цицерон разочаровал. Доктор магических наук, специалист в области высшей демонологии, автор тысячи и одного романа, обладатель столь необходимых в современном суматошном мире шести рук, оказался скромным художавым господином в неброском, хоть и дорогом костюме. Высокий, нескладный, с маленькой головой и длинными руками, похожий на гигантского богомола с жидкими волосами.

Заметив замешательство на лице Мишель, русалка прыснула.

– А почему у него всего две руки? – прошептала Мишель Заури на ухо.

– По-твоему королевский наг должен подписывать свои

книги в боевой трансформе? – с присущей русалкам пронизательностью, прошептала Заури в ответ на ухо Мишель.

– Ну, – замялась та, – не в боевой. В рабочей. Ты же сама говорила, у него шесть рук. Интересно же посмотреть!

Русалка только фыркнула. Для нее, дитя этого мира все то, что восхищало новую подругу, казалось порой забавным, а порой и вовсе глупым.

– Сегодня в Резусе насмотришься на всяких, – пообещала она Мишель на ухо.

– В Резусе? – не поняла Мишель.

– Именно, детка! Или ты думала, я позволю тебе вернуться в общежитие, не побывав в одном из лучших клубов города? П-ф-ф.

У Мишель ёкнуло сердце. Кроме Эуен-авеню, на которой располагаются лучшие дома моды Вилскувера, она еще нигде не была.

– Но ты ведь говорила, надо быть экономными... К тому же ты хотела отправить деньги матери...

– Всем «встречающим» девочкам предоставляются пригласительные! Сегодня там выступает «Шестиструнный Серафим», э, да ты же не соображаешь... Короче, у нас есть возможность бесплатно попасть на концерт культовой группы! Нахаляву, как говорят в академии, представляешь?! Бонус за прекрасное сегодняшнее обслуживание, это помимо заработка. Да мы счастливицы!

Мишель усмехнулась.

Попасть в самый пафосный клуб города хотелось даже такой целеустремленной адептке, как она.

Эрам проводил взглядом старательно виляющую бедрами официантку. Девка оглянулась и томно облизала губы. Столь явный призыв, который кричит большими буквами: «Сотня кредитов – и я твоя!» вызвал у демона чувство, похожее на гадливость и досаду одновременно. Эмоции приторные, почти как у Нинет, поверхностные. Региональный представитель, кандидат в младшие партнеры де Вуд Корпорэйтед поморщился. Голод был нестерпимым.

А вокруг были лишь пресные человечки, которые, должно быть прыгали из постели в постель, причем к демонам и потому не насыщали, да пара оборотней-волчиц, у которых на лицах написано: ратуем за равные права! Даешь женское равноправие! Дуры...

Отчасти дурное настроение инкуба было связано с тем, что сегодня вернули в бордель Терпеливую Ндиди. Чернокожая компаньонка приелась обоим братьям. Эмоции ее потеряли остроту, пряность. Осталась пресность и приторность, как у всех человечек, которые по уши влипают в инкуба. Можно было продолжать «жрать» ее (компаньонка была бы только рада), но кому понравится есть приторно-сладкий ванильный пудинг, когда душа требует честного ростбифа...

А все эмоции, которые дают остроту, перец, пряный привкус, такие, как стыд, страх, даже злость – увы, этого лиша-

ется любая человечка, вступившая в связь с инкубом.

Остается лишь липкая, приторная патока, которую человечки зовут любовью, а высшие демоны – болезненной привязанностью...

Да, Эрам был голоден, демоническая сущность возилась внутри, порывая на всех, кого угораздило приблизиться. Внутренний демон был недоволен и не скрывал этого. Его обуревал голод. Страшный, черный, пожирающий изнутри голод.

Мелодия набрала ритм и тонкий женский вокал, где явно слышался призыв ундины, уравновесил бархатный мужской баритон.

Новая солистка «Шестиструнного серафима» чересчур старалась, так, что пару раз не попала в ноты, в остальном у русалки, скользящей по сцене в ультракоротком наряде в блестках, напоминающем рыбью чешую, все было в порядке. Грудь, задница, ноги, – все при ней.

Демоническая сущность Эрама завозилась внутри, зарычала, почувствовав призыв ундины.

Эрам сидел вполоборота к сцене, цедил неразбавленный ром и буквально кожей ощущал призыв русалки. Мало кто способен противостоять их зову, но высшие демоны из числа счастливиц. Кроме того, Эраму никогда не нравились хвостатые. Было в них что-то скользкое, эпатажное, какое-то упоение собственными эмоциями. Ведь известно, русалки гордятся своей сверхчувствительностью...

Не-ет... высшему демону по вкусу, когда все эмоции жертвы (это подходит куда лучше, чем пара или избранница) принадлежат ему. Ему одному.

Хвостатая не унималась. Словно в эйфорическом порыве она выскочила в зал, и, мимоходом потеревшись о пару джиннов, приблизилась к столику Эрама. Теперь все внимание оказалось прикованным к нему. Хвостатая принялась выплясывать совсем рядом, потираясь о него то одним, то другим боком. Эрам усмехнулся. Явно выбилась из стриптизерш. Усмехнувшись, он сунул за полосу миниатюрных шортиков купюру в сто кредитов.

Первой реакцией русалки был восторг. Должно быть, сказались выработанные нелегким трудом профессиональные навыки. Но следом раздалось улюлюканье зала, свист, и хорошенькое личико исказила гримаса досады и злобы. Демон сходу угадал род ее прежних занятий... И не только угадал, но и красноречиво «рассказал» об этом зале. Отличное начало карьеры в культовой группе... перед мысленным взором девушки уже неслись заголовки информаторов, гласящие, что новая солистка «Шестиструнного Серафима» не брезгует спускаться за чаевыми в зал. По старой привычке.

Русалка сдерживалась из последних сил, чтобы не принять прямо сейчас боевую трансформу и не направить на проклятого демона смертельный рев. Для высшего он, правда, что слону дробина... Но эмоции отчаянно требовали выхода и судя по самодовольной ухмылке демоняки кто-

то успел ими насладиться... Хорошо, что песня закончилась. Униженная и опустошенная русалка вернулась на сцену под неодобрительными и беспокойными взглядами двух солистов, тритона и оборотня-кицунэ. Напоследок бросила украдкой взгляд на демона. Хорош, как демон, и такой же убудок!

Но Эрам уже и думать забыл об обиженной русалке.

Его вниманием завладел целый сполох новых эмоций.

Злость, осуждение, даже презрение и вместе с тем интерес. Сочный и живой, а еще тонкое, подспудное возбуждение, почти неуловимое, но оттого необъяснимо изысканное.

По сравнению с общей какофонией, которая источалась как танцполом, так и вип-ложей, словом, всеми, кто стал свидетелями скандального недоразумения, этот букет новых эмоций был как глоток студеной воды в жаркий день, как коробка шоколадных конфет для голодного обжоры...

Демон принялся озираться, выискивая взглядом ту, что источает подобное, кто сейчас тоже смотрит на него, он чувствует этот взгляд... Осуждающий. Изучающий.

Стоило им встретиться взглядами, она торопливо отвернулась, с досадой дернув точеным плечиком. Но инкуб успел увидеть все, что хотел.

Идеальная, гладкая, как лепесток розы, кожа. Белая, цвета топленых сливок. Тем контрастней она смотрелась с волосами девушки – рыжими, словно в них живет скрытое пламя. Пухлые, нетронутые помадой губы, они были очаровательно

приоткрыты, когда рыжая смотрела на него. Но самым удивительным были глаза девушки: огромные, настороженные, как у олененка, с таким же изумительным разрезом.

Стоило рыжей отвернуться, тряхнув рыжим хвостиком, поток эмоций исчез. словно померещился Эраму. А потом вдруг отчаянно захотелось снова заглянуть в глаза незнакомки, чтобы узнать, какого они цвета.

Демон выругался.

Это что сейчас было? Это были эмоции... свежие, ни на что не похожие... и... Нету? словно ему перерезали канал к ним?! Как такое вообще возможно?

Эрам потряс головой, как пес, что только вылез из воды. Он сомневался, что его собственные мысли, только что, принадлежали ему. Ему интересно знать, какого цвета глаза у рыжей человечки? Смешнее ничего не придумать.

...Конечно же, интересны ее сиськи, ноги, задница. Насколько гладкая и шелковистая наощупь ее кожа... Он искал человечку взглядом и чуть не зарычал от досады. Хрупкую фигурку в алом оттеснила толпа джиннов.

Эрам привстал. Красный атлас мелькнул между широкими спинами парней. Почему эти южные всегда в черном, но обувь белая, а еще максимальное количество золота? Мужики, а выглядят расфуфыренными елками... Вот между плечистыми джиннами мелькнуло обнаженное плечико. Нежно-розовое, гладкое, так и захотелось провести по нему языком, попробовать рыжую на вкус. Она обернулась влобо-

рота, и в поле зрения Эрама попала ее грудь. Высокая и пышная, несмотря на то, что сама девчонка была стройной, даже хрупкой, с тонкими руками и длинными ногами, прорисовывающимися под алым платьем.

Демон внутри довольно зарычал и Эрам не сразу понял, что снова ощущает эмоции рыжей. Страх, даже ужас, безысходность, а еще что-то, что, если бы вибрировало словом, звучало бы как «помоги».

Эрам де Вуд спустился с возвышения вип-ложи и, врезаясь, как ледоход, в танцующую толпу, направился к рыжей.

Чем ближе он подходил, тем новые, ни с чем не сравнимые эмоции захлестывали его с головой.

Был в них и пряный страх, и щемящая сердце безысходность, и высокомерие, свежее, как морской бриз, нежная мелодия отчаяния, напоминающая прибой, но самой вкусной ноткой, тем, чего никак не мог понять и объяснить себе демон, самой желанной, терпкой, манящей была надежда. Надежда на кого-то большого, сильного, всемогущего, кто придет и решит все проблемы, оградит от враждебного мира, защитит...

Что-то неведомое, неизведанное прежде происходило с инкубом, отчего он чувствовал себя пьяным, а внутренняя сущность с рёвом кидалась на хрупкие ментальные границы. Опьянённое новыми эмоциями чудовище изо всех сил рвалось наружу, готовое растерзать весь этот зал, всех танцующих, клоунов, что скачут с микрофонами по сцене, лишь бы

вслед за такой ни на что непохожей просьбой о защите водопадом хлынула благодарность. Ему одному.

Отчаянно хотелось чувствовать себя в глазах рыжей героини из древних песен.

Вместе с тем, выхватывая взглядом между мускулистыми спинами и руками джиннов то высокую и пышную грудь, то манящий изгиб бедра, то рыжие локоны, собранные в хвост, инкуб ощущал, как его демоническая сущность стремится захватить контроль, вырваться на свободу.

В особенности внутреннее огненное чудовище манили волосы человечки, мелькающие за мускулистыми спинами джиннов. Хотелось распустить их по плечам, посмотреть, как засияют на белой коже. Казалось, они таят в себе пламя, что так и просит выпустить его на свободу, позволить свободно течь, окутать хрупкую фигурку огненным покрывалом... Поджечь все вокруг...

Приближаясь к толпе джиннов, скрывших от высшего демона объект его интереса, инкуб снова и снова представлял, как рыжая смотрелась бы на любимой сцене... в самом развратном белье... в чулках... с бесстыдно разведенными в стороны ногами, бросающая на него, полные мольбы и скрытого призыва, взгляды... Нежная и бесстыжая...

Они взялись, словно из ниоткуда. Те самые, что были тогда на вокзале. Привлекательные, даже красивые какой-то дикой, первобытной красотой, накачанные, наглые, уверен-

ные в своей безнаказанности.

– Какие люди.

Тот, которого другие называли Дэенисом, приблизился к Мишель почти вплотную и криво ухмыльнулся. От джинна ощутимо разлило спиртным, а взгляд был таким изучающе-раздевательным, что Мишель передернуло от отвращения.

– Мне показалось, крошка, в прошлый раз между нами возникло некоторое недопонимание, которое неплохо бы разрешить, – продолжал джинн, и Мишель вдруг поняла, что он боится.

Боится того, что она могла увидеть, прикоснувшись к его часам. К слову, он сменил их на другие. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, куда менее дорогие и пафосные, но джинн словно не хотел рисковать. Мишель поняла, что он и надрался чуть не до умопомрачения только для того, чтобы «разрешить недопонимание между ними».

Собственный страх, поднявшийся откуда-то из недр души ударил с такой силой, что Мишель чудом устояла на ногах. Откуда-то пришло понимание, что это конец. Джинн не пощадит. Он считает, что она знает его тайну. Он напуган. Чертовски напуган.

– Никогда не дразни зверя, – говорил отчим-охотник. – Но больше опасайся напугать его. Не до той степени, когда он улепетывает, не чуя под собой ног, а до той, когда он встанет на задние лапы и идет на тебя. Когда ему больше нечего

терять.

По потемневшему, полубезумному взгляду джинна Мишель отчетливо видела: ему нечего терять. Он уверен, что рано или поздно Мишель развонит о том, что знает о нем на каждом углу... И это что-то куда худшее, чем загубленная репутация.

«Может, удастся его убедить в том, что я не представляю опасности, – неслось в голове, – что видела мало, и сама не поняла толком того, что видела...» Но для этого пришлось бы озвучивать джинну то, что она успела увидеть... И что-то подсказывало, что любая деталь из видения могла быть последней каплей.

«Он, видимо, и сам пытается прощупать, насколько я опасна, – думала Мишель. – Он пытается напугать меня. По тому, испугаюсь я или нет, будет судить, знаю ли я его тайну».

Она уже знала, что джинн Дэенис и его прихвостни – студенты четвертого курса, факультета Боевой магии, гроза остальных адептов. И особенно адептов, особенно с младших курсов. Которые просто не отказывают джиннам, боятся. Говорили, у отца Дэениса большие связи, в том числе тесное знакомство с лордом-протектором Галдур Магинен, и поэтому Дэенис и его дружки практически безнаказанны. Легче просто не попадаться им на глаза. А Мишель угораздило попадаться. Причем еще до того, как прибыла в Галдур Магинен...

– Молчишь? Не ожидала меня увидеть? – ослабил джинн, а глаза, изучающие Мишель, оставались холодными. Злыми.

– Мы просто хотели отдохнуть, – попыталась прояснить ситуацию Заури.

Джинн отмахнулся от русалки, как от назойливой мухи.

– Что глазками хлопаешь, рыженькая? – ухмыльнулся джинн. – Как насчет минетика?

У Мишель даже рот приоткрылся от такого чудовищного хамства. Хуже всего, что это не прошло незамеченным и дружки джинна погано заржали.

– Да не здесь, – заверил ее Дэенис, и эти слова послужили сигналом для новой волны веселья прихвостней. – Зайдем в какую кабинку в туалете – и погнали. Самое место для тебя.

Рот Мишель закрылся, а сама она побагровела от злости.

Русалка рядом дрожала крупной дрожью, перепуганная насмерть. Мишель сама испугалась до икоты. Но она не позволит так говорить с собой, а тем более... относиться к ней, как к грязи под ногами...

Она бросила взгляд на охрану, до этого с невозмутимо-сосредоточенным видом вглядывающуюся в толпу танцующих... а сейчас с интересом озирающихся... куда угодно, только не на них.

Заметив ее взгляд, джинн ослабил еще шире.

– Ну что, рыженькая? – спросил он. – Некому пожаловаться? Никто не поможет?

Мишель сглотнула.

– Пошли? – продолжал издеваться джинн. – Так и быть, после того, как отсосешь, с условием, если постарайся, как следует, можем считать, что маленькое недоразумение, возникшее между нами, исчерпано.

Он действительно все продумал, подумала Мишель. Она узнала его тайну – теперь он настаивает на том, чтобы знать ее. На этом действительно будет все. Если она вякнет кому-нибудь о том, что видела тогда, он разрезвонит на всех углах, что она отсасывала ему в туалете. А может, не ему одному. С этих отморозков станется заснять на линкофоны происходящее...

Что-то скользкое коснулось пальцев, принялось перебирать холодными лапками вверх... Мишель, бросив взгляд на свои руки, ничего не обнаружила.

– Мишель, – простонала рядом Заури. – Силовые наручники. Мы не отобьемся. Охрана куплена. Скоро чары лягут на рот... и откроем его, только когда они разрешат.

«И для чего они разрешат», – пронеслось в мыслях Мишель.

А потом, сама не зная почему, бросила взгляд на вип-ложу, в которой сидел инкуб.

Она сразу узнала его. Тот самый, что был в мобиле с серебристыми крыльями. Только здесь, сейчас, в безупречно отглаженном костюме, с галстуком бабочкой он был еще привлекательнее. И опять почувствовал на себе ее взгляд,

стоило просто посмотреть на него.

От инкуба веяло властью, мощью, уверенностью в себе. Вся его поза словно ненавязчиво подсказывала, какая пропасть разделяет его, сидящего в вип-ложе, и танцующих, и даже тех, кто на сцене.

И вот сейчас, когда силовые чары уже опутали руки до локтей, звать охрану было бесполезно, Мишель почему-то вспомнила о демоне. Просто показалось, что он мог бы помочь.

Если бы захотел.

Вглядевшись за спины джиннов с нечаянной, разгоревшейся в груди надеждой, Мишель чуть не застонала от досады: демона там не было. Инкубу, вероятно, наскучило выступление и он ушел по своим делам...

Каким же было ее изумление, когда из-за накачанных плеч джиннов раздалось бархатное, низкое, с рычащими нотками:

– Какие-то проблемы?

В следующую секунду по лицам джиннов Мишель поняла: они спасены!

Силовые пути соскользнули с пальцев секундой позже. Досада и признание силы, мелькнувшее на смуглых привлекательных лицах джиннов, были столь очевидными, что не надо было быть эмпатом, как русалка, чтобы понять: от них отстанут.

– Тебе чего, Эрам де Вуд? – джинн обратился к инкубу

нарочито нагло, но при этом назвал полным именем, что также не укрылось от Мишель.

– Мне нужно поговорить с девочками, – лениво растягивая слова, сказал инкуб и отхлебнул из бокала, который держал в руке. – А вы встали у меня на пути, джинны.

Те с беспокойством переглянулись. Дэенис нахмурился.

– Я не люблю повторять дважды, – сказал Эрам и в голосе его, несмотря на всю ту же расхлябистость, Мишель отчетливо уловила угрожающие нотки. Так ворчит кот, прежде, чем прыгнуть.

Криво усмехнувшись, Эрам вытянул руку в сторону и поставил недопитый бокал на поднос официанту. Мишель готова была поклясться, что официант материализовался аккуратно в этот самый момент, словно смысл его существования был в том, чтобы подхватить протянутый демоном бокал.

Эрам де Вуд посмотрел на джинна не мигая.

Дэенис сглотнул.

Потом ожег Эрама взглядом угрожающе прищуренных глаз и... посторонился.

Инкуб даже не проводил его взглядом. Он смотрел на Мишель.

Словно сквозь толщу воды до Мишель донеслось:

– Что, прощелкал пальцами? не удержал девчонку?

Говорили, направляясь к барной стойке, джинны.

– Инкуб, наиграется и выбросит, – раздалось в ответ злое. – Подобрать сможет любой желающий. Только я брез-

гую.

– Спасибо, – это пискнула русалка.

Подруга не сводила восторженного взгляда с демона. Божьим зрением Мишель видела, что было в ее глазах что-то... что совсем ей не нравилось.

Но тут демон перевел взгляд на русалку и у Мишель получилось выдохнуть. Выдох получился рваный, Мишель закашлялась.

– Пожалуйста, – демон обольстительно улыбнулся русалке и это тоже не понравилось Мишель.

А затем протянул той купюру. Даже в полумраке зала Мишель разглядела сто кредитов.

– Купи себе что-нибудь выпить, детка, – сказал демон русалке. – Тебе не помешает расслабиться.

Заури кивнула, не сводя взгляда с купюры в пальцах инкуба. Затем медленно, словно ожидая, что он передумает, приняла деньги. Не та сумма, чтобы русалка могла отказаться, подумала Мишель. Притом, что самая дорогая выпивка в баре, которую подруги никогда бы не заказали, стоила десять кредитов. На такую сумму семья Заури, из оставшихся на острове шести человек, могла сыто жить неделю.

– Ну же, – раздалось рядом бархатное, от чего по коже побежали мурашки. Демон снова разглядывал Мишель, пока та провожала русалку взглядом. – А ты не хочешь отблагодарить меня?

Мишель беспомощно захлопала ресницами, приоткрывая

губы. По лицу демона скользнула судорога.

– П-простите, – пролепетала Мишель, сглотнув. – Все так... быстро, неожиданно. Спасибо.

– И все? – нахмурился демон.

Мишель уставилась на него во все глаза. А что еще?

Инкуб шагнул к ней почти вплотную. Она кожей чувствовала жар, исходящий от него. И при этом не в силах была отвести взгляд.

– Видишь ли, малыш, – промурлыкал демон. – Благодарность предполагает что-то более... существенное.

И посмотрел при этом так, что у Мишель колени подкосились.

– Как тебя зовут, малыш? – спросил демон и Мишель, не задумываясь, ответила.

– Мишель. Для своих Миша...

Демон хмыкнул.

– Какая ты Миша, детка? Ты – Мими, настоящая мими-миша. Так что насчет благодарности? Ты мне должна, лакомая.

При этом опустил взгляд, мазнул им по впадинке между ключицами, по пышной, дерзко торчащей вперед груди, на которой задержался, пока соски под тонким бельем не сжались так туго, словно вознамерились порвать алый атлас... Взгляд демона скользнул ниже, по тонкой талии, а на интимном месте застыл так надолго, что Мишель ощутила, как внизу живота собрался тугой комок, словно живущий своей

жизнью, пульсирующий.

Демон отшагнул, рассматривая теперь ее ноги...

А потом что-то изменилось.

До Мишель с запозданием дошло, о какой благодарности говорит демон, на что намекает – бархатным, вкрадчивым голосом, бесстыдным изучающим взглядом... И внутри что-то оборвалось.

Она почувствовала себя обманутой. Получается, она угодила из огня да в полымя... И хоть инкуб в безупречном костюме, в галстук-бабочке и отдаленно не был похож на отвратительного смуглого джинна с черными блудливыми глазами и запахом перегара, а наоборот, поднимал с самого дна души Мишель тайные, постыдные желания... все равно. Он оказался таким же. Он и подошел якобы помочь только для этого... У Мишель защипало в глазах, пальцы заколотила крупная дрожь.

Демон тотчас изменился в лице. Словно чувствовал, что с ней происходит. При этом продолжал смотреть. Пристально. Выжидающе. Казалось, он пытался что-то понять.

– Боюсь, вы не за ту меня приняли, – сказала Мишель, изо всех сил пытаясь сдержать рвущиеся наружу слезы. Из-за этого получилось как-то надменно, что ли. Высокомерно.

Демон тут же нахмурился. Взгляд его стал жестче. Пристальнее. Под ним хотелось съежиться, стать меньше ростом. Хотя Мишель рядом с демоном итак чувствовала себя крохой...

Вид у инкуба был такой, словно Мишель что-то отобрала у него. Что-то, что принадлежало ему. Только ему. И... Мишель честно хотела испугаться, но кажется, она израсходовала свой ресурс на страх на сегодня. Страшно просто не было.

– Извините, – сказала она более твердо. – Мы обе, с подругой, очень вам благодарны за помощь, – она покосилась на русалку, которая изучала их, сидя у барной стойки и посаывая через соломинку. Мишель скривилась. – И за выпивку. Спасибо большое. Мне, пожалуй, пора.

Вот теперь вид у демона был откровенно опешившим. Как будто жареная курица в его тарелке сначала заговорила, а потом и вовсе попрощалась, поблагодарив за внимание.

– Малыш, – демон нахмурился и ощутимо напрягся. – Ты не поняла.

– Чего я не поняла?

– От таких приглашений не отказываются, – хрипло проговорил демон и шагнул ближе.

Мишель сглотнула и попятилась.

– Вы... вы изнасилуете меня? Как хотели эти... джинны?

Она невольно покосилась на наблюдающую за ними компанию.

Демон поперхнулся. Потом из груди его поднялся короткий рык. Демоническая сущность чуть не вышла из-под контроля. Изнасилует?! Инкуб? Человечку?!!

– Детка, – в голосе инкуба засквозили стальные нотки. – Инкуб никогда не берет женщину силой.

Мишель сглотнула и захлопала ресницами.

– Я уже поняла, что вы можете... э... привлечь внимание любой девушки.

Она часто заморгала, потому что ее слова, кажется, привели высшего демона в бешенство.

– Привлечь внимание?! Детка, я не клоун, – заявил демон, беря себя в руки. – А вот влюбить в себя я действительно могу любую.

– Так чего же вы хотите от меня? – Мишель чуть не плакала.

Проклятый демон путал ее. Волновал. Завораживал. Притягивал, как клещами. И путал...

– Чего хочу? – в интонациях демона снова зазвучали бархатные нотки. От них по коже Мишель побежали сладкие мурашки, а внизу живота заныло.

– Я хочу оттрахать тебя, детка. Так, как тебя еще не трахали, – демон ухмыльнулся. – Хочу, чтобы ты сидела на вибраторе и сосала у меня. Долго-долго. Хочу вылизать твою текущую розовую щелку, хочу играть языком с самой твоей сутью, крошка. Хочу смотреть, как ты скачешь на мне, бесстыдно расставив ноги...

Пальцы демона обожгли обнаженную кожу, скользнули к верху платья. Что-то скользнуло внутрь, прямо в вырез лифа. Прохладное. Плоское.

«Визитка», – поняла Мишель.

Она сама не поняла, что произошло в следующий момент.

Словно со стороны раздался звук пощечины. Демон отшатнулся от нее, больше с недоуменным, чем с гневным видом.

Мишель оторопело смотрела на свою ладонь. Мамочки! Она... и в самом деле... дала пощечину инкубу?! Ударила высшего демона?!!

За спиной послышалось сдавленное хихиканье.

Бросив гневный взгляд ей за плечо, инкуб приблизил свое лицо к ее и прошипел:

– Детка, ты пожалеешь.

– Уже жалею, – прошипела, в свою очередь, Мишель.

Ведь был только что... защитником! Героем! Тем самым, за которым хоть на край света... И так быстро стал настоящим демоном! Похотливой бесчувственной сволочью. Да, она жалела о пощечине... Но не сильно.

Инкуб развернулся и направился к выходу из зала. Вслед ему оборачивались. Потом переводили взгляд на Мишель, неопределенно хмыкали.

Кажется, она только что стала знаменитостью. Показалось даже, что рядом шелкнул зумом инферн. Нет, слава Богине, показалось. В новом мире журналисты тоже были. От слова «информация» – инферны. И пусть вместо камер у них были зумы и портативные панели, менее наглой и беспринципной их инфернальная братия не стала. А может, и более. Что ж. Зато теперь все внимание зала принадлежит Мишель, и Дэнис с друзьями не сунется.

А джинн и не думал соваться. У него созрел другой план.

– О, она его отшила, Дэн.

– Твой выход, – джинна хлопнули по плечу.

– Погодите, парни, – процедил он сквозь зубы. – У меня есть план получше, как сделать рыжую сговорчивей. Кажется, она дорожит своей маленькой темненькой подружкой...

Может, другие джинны и не одобряли Дэениса, все-таки такие вот темнокожие русалки – дети не только ундин, но и джиннов... Или, скажем, джинны и тритона.

Но высказаться против никто не посмел.

Мишель отыскала взглядом Заури. Та как раз мило улыбалась оборотню за барной стойкой, явно заказывая еще выпивки. Похоже, подруга – единственная в этом зале, кто не видел, что только произошло.

Мишель направилась было к ней, настроения оставаться здесь не было совершенно, но тут ее с двух боков подхватили под локти.

Глава 6

- Ты давно знакома с Эрамом де Вудом?
- Ой, брось, не изображай из себя...
- Видно же, что давно...
- Если можешь такое себе позволить...
- И он ничего тебе не сделал!
- Ну расскажи, не тяни?
- Эй? Ты оглохла? Зависла?
- Как тебя зовут?
- Ой, я знаю, я помню... в академии... Ми-ни?.. или Ни-ми?

Девчонки говорили без умолку.

Мишель ошалело переводила взгляд с одной на другую. Обе вцепились в ее локотки клещами и явно не собираются отпускать, пока не удовлетворит их любопытство.

Одна, высокая, светленькая, с безукоризненно уложенными локонами, в платье цвета спелого абрикоса – Мишель без труда узнала в ней человека. Человечку, как принято говорить здесь.

Вторая – с белой, чуть с желтоватым оттенком кожей, копной иссиня-черных волос, собранных в конских хвост на макушке. В облегающем черном, напоминающем змеиную кожу, платье. По чуть вытянутым зрачкам Мишель опознала нагу. Точнее королевскую нагу, нагини, так здесь принято их

называть.

Не слушая возражений Мишель, девчонки увлекли ее за свой столик, заявив, что отказы не принимаются и они, мол, угощают.

Мишель скользнула взглядом по фигурке ундины. Заури потягивала на сей раз какой-то голубоватый коктейль и увлеченно беседовала с джинном. Одним из тех, что из компании Дэениса. Мишель нахмурилась. Но джинн, похоже, не представлял опасности для русалки. Наоборот, стоял, сложив перед мускулистой грудью ладони, на манер восточного то ли приветствия, то ли извинения. Как бы там ни было, русалка с удовольствием принимала то ли приветствие, то ли извинения джинна. Запрокинув кудрявую головку, она белозубо хохотала. А когда встретилась взглядом с Мишель, салютовала той бокалом.

Мишель пожала плечами. Хочет подруга пофлиртовать с джинном – пожалуйста. Не ее дело. В конце концов, один из них вполне мог оказаться славным парнем. Это с Дэенисом... то самое... Недоразумение вышло. И неизвестно, как сама Мишель отреагировала бы, узнай кто ее тайну...

– Нет, ну это невежливо молчать, когда с тобой разговаривают. Эй, Мини!

– Что будешь пить? Мы же угощаем!

Возникший, как черт из коробочки, официант чуть склонил голову и заученно улыбнулся, принимая заказ.

– Советую «Голубую лагуну», – пропела в одно ухо чело-

вечка.

– А лучше – «Объятия инкуба», – подмигнула нагини. – Самый взрывной коктейль.

– Или лучше, – на этот раз подмигнула человечка. – «Тайная комната»... Компоненты те же, что в «Объятиях инкуба», только джин и ликер другие.

– И алкоголя больше.

Мишель, сглотнув, кивнула. Приняв заказ, официант растворился среди танцующих.

– «Тайная комната»? – несколько ошарашенно повторила Мишель. – Почти то же самое, что «Объятия инкуба»?

К слову, она эти самые «Объятия» и не пробовала...

– Ну как же, – девчонки захихикали. – «Объятия инкуба» и «Тайная комната» – это, можно сказать, одно целое.

Представившись Лилит и Ванессой, девчонки затараторили. Может, в другой раз Мишель не стала бы слушать. Куда больше сейчас ей хотелось домой, в их с ундиной уютную комнату в общежитии, смыть косметику, принять душ, переодеться в пижаму и вытянуть ноги на кровати. И слушать щебет русалки. Мишель со смехом признавалась себе, что она так привыкла засыпать под мелодичный голосок Заури, что и не представляет, как жила всю жизнь без подруги.

Но девчонки, которые в академии считались элитой и не снисходили даже до того, чтобы бросить на нее взгляд, сейчас щебетали как самые настоящие подружки. И уйти было... просто невежливо как-то, что ли.

«Подожду, пока все забудут об инциденте с инкубом и уйду, – решила Мишель. – Как раз и Заури со своим джинном налюбуются. И у нее будет, что рассказать мне на ночь...»

И осталась. А когда официант принес красно-розовый коктейль в покрытом инеем бокале, с удовольствием потянула из трубочки.

Лилит (нагини) и Ванесса (человечка) заахали, завздохали с закатыванием глаз, прощепетав что-то, что мол, кто-то и знать не знает о том, что такое Тайная комната и принялись посвящать новую знакомую.

Мол, Тайная комната, это самое изысканное развлечение среди богачей-инкубов и есть она далеко не в каждом борделе, а только в элитных.

Не обращая внимание на то, что Мишель поперхнулась, когда речь зашла о борделе, нагини продолжила рассказ, в то время, как человечка заботливо похлопала Мишель по спине.

– Нет, в низкопробных веселых домах тоже устраивают подобные развлечения...

– Но в низкопробные, сама понимаешь, ни один инкуб не пойдет, а значит, то, что у них там нельзя считать Тайной комнатой.

– Что же там такого происходит? Тайного? В борделе? – помимо воли, Мишель тоже втянулась в разговор.

– Девушки, которых специально готовили как компаньонки...

– Или даже конкубин...

– Или даже конкубин! Ласкают себя на сцене, играют с собой... Под голодными взглядами целой толпы демонов...

Мишель ощутила, как к щекам приливает жар.

– Зачем? – вырвалось у нее робкое.

На нее посмотрели снисходительно.

– Затем, что демоны восприимчивы к нашим эмоциям...

Для них это что-то вроде лакомства... Но, заметь, крайне необходимого лакомства, а инкубы питают свою внутреннюю сущность наиболее эффективно, если подпитка эмоциями происходит во время секса... ну, когда девушка вырабатывает необходимые их демонической сущности эмоции прямо на уровне нижних чакр.

– Вы же ауроведение и энергетические оболочки уже проходите! Вот тебе экзамен: какого цвета Муладхара и Свадхистана?

– Муладхара, нижняя, красная, а Свадхистана, вторая – оранжевая, – заученно произнесла Мишель и обе ее новые знакомые захихикали.

– Высшие демоны – инкубы и херувимы имеют огненную внутреннюю сущность. Она питается нашим огнем.

– И херувимы тоже посещают Тайные комнаты? – спросила Мишель на автомате.

От нее отмахнулись. Нагини продолжила рассказ.

– В Тайной комнате девушка полностью раскрыта, у нее нет никаких секретов, она беспомощна, а демонам нравит-

ся упиваться властью. Они особенно ярко слышат эмоции в Тайных комнатах. Когда девушка раскрыта перед ними... во всех смыслах. Тогда и решают, играть с ней дальше, или нет. Или ее эмоции, скажем, не так им интересны.

– Потому что такое тоже случается!

– П-ф-ф! Сплошь и рядом! Инкубы не переносят влюбленных дурочек.

– Но не суть важно. Главное, что в Тайной комнате они могут впитать чистые сексуальные переживания девушки, так сказать, поиграть с ней, насытиться.

Мишель часто заморгала. В том, что рассказывали ее новые знакомые слышался какой-то один большой подвох.

– А что будет, если демоны... переиграют с жертвой? – спросила она, подобрав подходящее слово.

Ванесса облизала пересохшие губы и отвела взгляд в сторону, а нагини поджала губы куриной гузкой.

– Действует программа защиты людей, – сказала она после паузы.

– Вы извините, – оторопело произнесла Мишель. – Я в вашем мире недавно. Я слышала про программу защиты людей, но не слишком много.

Девчонки понимающе переглянулись. Им явно нравилось просвещать новенькую.

– Поскольку люди – идеальные доноры для демонов, ведь другие расы или не могут делиться эмоциями и энергией, или могут делать это выборочно, по своей воле, – начала Ва-

несса.

– То есть люди самые беззащитные...

– Да... Согласно программе защиты людей каждый человек обязан проходить медицинское обследование раз в две недели. Аура тщательно сканируется, если в ней появились прорехи, вмешиваются федеральные службы: Контакт с демонами, если он обрел регулярную основу, разрывается, если это, конечно, не кровный контракт...

– Кровный контракт?

– Вообще-то они вне закона, но если кровный контракт уже заключен, ни один служитель Богини не сможет его расторгнуть. Кровь...

– Да, есть дуры, которые лезут за легкими деньгами. Заключают с демоном контракт на полгода, год, получают по истечении огромные деньги, – нагини завистливо вздохнула, явно сетуя, что она не человек.

– Чаще демоны берут себе конкубин, их выращивают в специальных школах, – словно речь шла о породистых кошках или собаках, проговорила Ванесса. – Когда несколько конкубин, одна восстанавливается, пока демон питается от других...

– Конкубин, – задумчиво повторила Мишель. Слово было знакомое, она явно слышала его, но не помнила где и когда.

– По-нашему это что-то вроде жены, с какой не состоялось бракосочетание, – пояснила Ванесса.

– Точно! Древний Рим! – Мишель даже хлопнула себя по

лбу, явно сказалось действие «Тайной комнаты». – В моем мире таких называют наложницы.

– У нас тоже есть это слово, но конкубина все же больше подходит. Так вот, если дело касается конкубин, действуют другие программы, экстренное медицинское восстановление... Ученые всего мира бьются над преобразованием энергии. Если можно было бы питать демонов энергией в чистом виде, было бы проще... Энергию можно производить искусственно...

– Что-то мне подсказывает, что демонам это не так интересно, – фыркнула захмелевшая Мишель.

– О, ты многое знаешь о демонах...

– Это просто предположение...

– Но ты попала в цель. Демоны не переносят суррогат. Разве что нищие... но таких среди демонов не бывает. А вот как приправить концентрированную энергию эмоциями... О, над этим работают все ученые нашего мира, да что там ученые, в любой академической лаборатории таких встретишь. Набирают себе подопытных из числа желающих, те, в паре с демоном, естественно, излучают нужные эмоции... Эти эмоции примешиваются к полученной искусственным путем энергии, демон пробует, замеряются показатели его ауры, проводится опрос – довольно ли его внутренняя сущность или нет...

– А высшие редко участвуют в подобных исследованиях, – сообщила нагини. – В основном джинны, эти влезут в любую

щель.

Мишель зябко поежилась и этот жест не остался незамеченным новыми знакомыми.

– Только высший демон выстоит в поединке против джиннов, – сообщила нагини, нагибаясь к ней. – Пусть даже распоследних боевых магов.

– То-то они с сдригнули, – усмехнулась Ванесса.

– Салют, девчонки, – раздалось прямо над ухом.

Мишель оглянулась и выдохнула с облегчением. К их столику подошла Заури. Вид – счастливый до невозможности.

Нагини и человечка тоже улыбнулись, правда, несколько натянуто. Русалка им явно была не так интересна, как Мишель, но вместе их видели... так что... почему бы нет.

Лилит даже царственным жестом пригласила русалку к ним за столик.

Та, к облегчению новых знакомых, отрицательно помотала головой.

Склонившись к Мишель, русалка жарко зашептала, не будет ли та против вернуться домой на такси-мобиле, а она, Заури и денег даст... со сдачи, с купюры в сто кредитов демона. От денег Мишель отказалась, напомнив, что им сегодня хорошо заплатили во время встречи с магистром Оливером и Заури засияла еще пуще.

– Ты серьезно? – Мишель была не на шутку обеспокоена. – Ты точно хочешь уйти... с ним?

В ответ Заури принялась целовать ее в щеки и повторять,

что о таком она мечтала всю жизнь и что с ней все будет в полном порядке, и что Мишель очень смешная, что волнуется, за нее, русалку, ведь как известно, русалки умеют не только очаровывать мужчин голосом, но и обладают смертоносным ревом, ежели чего... И прочее в таком духе.

Может, в другой раз Мишель не отпустила бы подругу, но «Тайная комната» основательно ударила в голову, по телу прокатывались легкие волны эйфории вперемешку со сладкими мурашками, напоминающими ощущения от взгляда инкуба... Заури казалась такой счастливой... А новые знакомые были очень милы, что весьма контрастировало с их поведением в академии... Да и сидеть, болтать с ними на небольшом помосте возле вип-ложи было так уютно... Мишель, деланно хмурясь, взяла с Заури обещание быть хорошей девочкой и, прощаясь, расцеловалась с ней.

Русалка покинула зал под руку с джинном, на прощание помахала рукой Мишель и послала воздушный поцелуй Лилит и Ванессе...

Встряхнувшись, как щенок, что вылез из воды, Мишель снова потянула из трубочки и попыталась вернуться к разговору. О чем они говорили? О Тайной комнате... Потом об опытах...

– А это легально? – спросила она. – Я имею ввиду, добровольцев. Ведь у них, как я понимаю, извлекается часть энергии. Магической энергии... Происходит вмешательство... М-м-м... Как же это объяснить-то, что я имею ввиду...

Но девчонки ее поняли.

– Совершенно легально, – горячо заверила Ванесса. – Это же всего лишь капля от магической энергии. Достаточно хорошо отдохнуть, плотно пообедать, как все восстановится. И даже обновится. Вот если бы энергию извлекли целиком...

– И что тогда?

Ванесса пожала плечами

– Выгорание. Скорее всего, навсегда.

– Человек умирает?

– Да нет. Просто становится лишенцем, пустышкой. Магом такому никогда не стать.

– Какой ужас...

– Ну вообще да, – согласилась Ванесса. – Жить и знать, чего тебя лишили... это хуже, чем быть лишенным дара изначально. Тогда оно, понятно, легче переносится. Но и таким есть место в мире и даже на магических производствах, так что не все так печально, как кажется на первый взгляд. К тому же осушить магически в один присест невозможно... да и незаконно. Так что тебе бояться нечего.

Да уж, нечего, что тут скажешь.

– Ну а теперь, когда мы все тебе рассказали, ответили на все вопросы, – заговорщицким тоном произнесла нагини, обмениваясь понимающим взглядом с подругой. – Расскажи нам, откуда знаешь Эрама де Вуда?

– Давно с ним знакома?

– Что между вами было?

– Какой он?

Мишель замешкалась.

– Да я правда... я правда только сегодня с ним познакомилась. Он помог. Очень. В одном деле.

– Помог? – нагини хмыкнула. – Значит, так выглядит человеческая благодарность?

Мишель стало стыдно. Если бы демон не ушел, остался здесь, она бы обязательно подошла к нему с извинениями. С самыми горячими, искренними извинениями... От этих мыслей к щекам отчего-то хлынул жар.

– Да нет, – забормотала она, чувствуя, что ей пора, просто до зарезу пора в общежитие... Засиделась она тут. А ведь она просто адски устала. Просто до умопомрачения, до слабости в ногах и шума в голове. – Мы правда, только сегодня познакомились. Да нет, какой там. Даже не познакомились. Он не представился, – сообщила она почему-то доверительным шепотом. – Там недоразумение... А мне пора. А с этим... Эрамом де Вудом мы вообще не знакомы...

Видно было, что ей не поверили. Проводили задумчивыми взглядами и обменялись понимающими, явно решив не сводить с человечки глаз...

Был еще кое-кто в этом зале, кто не поверил бы Мишель и на йоту. Этот кто-то сидел в вип-ложе, тоже потягивал «Тайную комнату» и лениво прислушивался к признаниям тритона.

Нинет проводила Мишель взглядом. Она видела всю сце-

ну их «знакомства» с Эрамом, с ее Эрамом, с Эрамом де Вудом, ее женихом, за которого ей вскоре предстоит выйти замуж. От Нинет не укрылось, как смотрел инкуб на рыжую человечку. Она определенно понравилась Эраму. Очень понравилась. И это было плохо. Прямо вот хуже некуда.

Уже на подъезде к общежитию Мишель получила сообщение от русалки. Голосовое. Кажется, кто-то был совсем не в том состоянии, чтобы набирать на клавиатуре буквы...

– Мишееель, – звучал радостный, обволакивающий голос. – Мишечка... я такая счастливая... Я никогда еще не была такая счастливая. Я до кончиков волос счастливая. До поджатых пальцев на ногах счастливая... Если бы я раньше знала, что так бывает... Я бы не поверила, Мишель. В общем, ложись, не жди меня. Завтра постараюсь не опоздать на пары... Но все же, если что, ты меня прикрой.

И снова счастливый вздох.

Радость русалки была такой неподдельной, что Мишель завистливо вздохнула.

Пожав плечами, она проделала все то, о чем мечтала еще в клубе, то есть освободилась от платья и от белья, смыла косметику, приняла душ, и, воспользовавшись тем, что в комнате была одна, забралась под одеяло обнаженной.

Мишель снилось, что она сидит в странном высоком кресле, алом, с бесстыдно расставленными подлокотниками, удобной покатою спинкой.

Картинка была такой безнравственной и возбуждающей одновременно, что Мишель не сразу поняла, что видит себя со стороны, словно чужими глазами.

На ней было самое развратное белье, которое только можно себе представить. Черный кружевной лифчик приподнял грудь, не прикрывая при этом сосков, и они торчали вперед маленькими съезженными бутончиками.

Изящные шиколотки, возвышающиеся над черными лаковыми туфлями на высокой платформе и умопомрачительной шпильке, были скрещены, закрывая обзор самого сокровенного, зато колени чуть разведены в стороны, открывая взору широкий кружевной пояс с подвязками. Черный, что еще больше подчеркивает белизну кожи.

Пальцы вцепились в подлокотники, на руках – перчатки с алой атласной шнуровкой.

Чулки в развратную сетку смотрелись бесстыже и вместе с тем очень возбуждающе.

Но постыдней всего, была, пожалуй, черная кружевная маска на глазах. Плотная прилегающая к лицу, как вторая кожа она придавала Мишель беспомощный и вместе с тем очень чувственный вид.

Пухлые искусанные губы под ней были донельзя манящими, призывно раскрытыми, они словно приглашали впиться в них поцелуем, терзать, кусать, оттягивать зубами, исследовать языком нежную розовую мякоть рта, скользить по жемчужным зубкам...

– Раздвинь ноги, – прозвучал приказ, и сидящая в кресле Мишель вздрогнула всем телом.

Она знала, что не может не подчиниться, и кроме того... она сама этого хотела.

Осознание было шоковым, почти болезненным... но ей определенно нравилось сидеть в этом непристойном кресле, нравилось ощущать на себе развратные, полные похоти и желания взгляды, нравилось блудливое бельё на ней, нравилась даже кружевная маска на глазах, делающая ее беспомощной!

Мишель смотрела на себя со стороны, и впервые так ясно и отчетливо видела свою энергетическую оболочку, ауру. Она словно видела со стороны свои эмоции, и при этом чувствовала их, как если бы они были осязаемы, материальны...

Потрескивающий жар возбуждения, прикрывающий нежно-розовую мякоть бесстыдства, все это приправлено изысканной пряной ноткой стыда, в воздухе витает острое смущение, чуть солоноватый на вкус протест... изумительное сочетание осознания собственного бесстыдства, страх, возмущение, недовольство... и волнение, сгорающее в огне похоти.

Мишель вдыхала свой аромат, в котором преобладали нотки сумасшедшего призыва, что отчаянно и самозабвенно кричит: трахни меня! Трахай так сильно, так долго, чтобы я забыла обо всем на свете... Я создана для того, чтобы получать и дарить наслаждение, я секс-кукла, идеальная игрушка для утоления похоти, в этом вся моя суть, вся моя жизнь и

если ты не трахнешь меня прямо сейчас, я просто умру...

Мишель откуда-то знала, что на нее смотрит с десяток пар глаз. Она не видела смотрящих, поскольку была одним из них. Чтобы увидеть остальных, нужно было повернуть голову или хотя бы скосить взгляд.

Но смотреть хотелось лишь на узкие лодыжки в черных сетчатых чулках, на стройные бедра... С бледно-розовыми следами-бороздками, должно быть, от резинок, тех, что скрепляют пояс с кружевными краями чулок. На дерзко торчащие нежно-розовые бутоны сосков, на пухлые, искусанные губы, беспомощно приоткрытые... На черную кружевную маску, скрывающую лицо.

– Раздвинь ножки, – повторился приказ. – Пошире.

Мишель закусила губу, почти незаметно кивнула, словно решаясь...

А затем одним движением развела ноги.

У того, чьими глазами Мишель смотрела на себя, перехватило дыхание.

Узкая полоска трусиков не прикрывала стратегически значимых мест. Более того, низ трусиков просто отсутствовал, вместо него кружевной вырез обнажал гладко выбритые смуглые складочки, сейчас бесстыже распахнутые, обнажающие влажную розовую щелочку.

Дурманящий аромат желания усилился, умопомрачительный коктейль стыда и похоти пьянил, делал дыхание шумным, прерывистым.

– Дотронься до себя, – прозвучало властное.

Девушка в высоком красном кресле вздрогнула.

Мишель чувствовала, как ей самой отчаянно хочется коснуться себя. Наблюдая за собой со стороны, она чудесным образом ощутила, как по коже прокатываются волны сладких мурашек, как внутри, внизу живота собрался тугой комком желания, который пульсирует, вздрагивает, словно надеется вырваться наружу.

Она ощутила, как та Мишель, что застыла на сцене с бесстыдно разведенными ногами жаждет ощущать внутри себя твердое,двигающееся... нечто...

Каким-то образом она знала, что ее пальчиков будет мало, ничтожно мало, но сейчас казалось, что даже такая малость способна подарить столь желанное облегчение.

Тонкие пальчики с аккуратными коротко остриженными ногтями коснулись бесстыдно распахнутых складочек, отчего розовое лоно заблестело еще больше.

– Оближи пальчики, – прозвучало словно со стороны, – а потом поиграй с собой.

Мишель приблизила руку к губам, старательно облизала, посасывая, средний палец и выгнулась, еле слышно застонала, когда коснулась тугого, ставшего невероятно чувствительным местечка.

Налившийся желанием бугорок вздрагивал от малейшего прикосновения, пульсировал под бесстыже-скользкими пальчиками, сочился пряной влагой, словно просил, нет,

требовал не прекращать, не останавливаться.

Сладкие, похожие на спазмы ощущения заставили тяжело дыша, откинуться на спинку кресла и свести вместе колени.

– Шире ножки, – прозвучало хриплое. – Не смей их сводить!

Нечеловеческим усилием Мишель развела в стороны колени и это простое движение в разы усилило чувствительность в том месте, где сейчас собралась, сконцентрировалась вся ее суть.

– А-ах, – вырвалось у нее короткое и она закусила губу, таким беспомощным и бесстыдным показался собственный голос. – А-а-ах!

– Раздвинь складочки другой ручкой, детка, – прозвучал чей-то властный голос, в котором за усмешкой слышалось столь явное возбуждение, что Мишель непроизвольно облизала пересохшие губы.

А затем послушалась.

Указательным и средним пальцем другой руки развела пухлые влажные складочки, натягивая кожу и чуть приподнимая скользкую горошинку, вновь потеревила ее средним пальчиком... И тут же хрупкое тело стали сотрясать такие сладкие спазмы, что она забыла обо всем на свете.

Одна за другой, накатывали волны небывалого по своей силе, неведомого наслаждения, но, когда она приблизилась к самому пику и с силой зажмурилась под кружевной маской, все закончилось. Оборвалось.

В холодном поту Мишель подскочила на кровати, судорожно комкая в руках одеяло.

Дыхание ее было тяжелым, прерывистым.

Осознание бесстыжести сна накрыло девятым валом, заставило хлынуть к щекам волны жара. Мишель чувствовала себя, как если бы подглядывала за чем-то крайне непристойным и крайне возбуждающим в замочную скважину... и не досмотрела. Словно ее застали врасплох на самом интересном месте.

– Тайная комната, – сорвалось хриплое с ее губ. – Это все эти проклятые разговоры о Тайной комнате... И алкоголь.

Словно в доказательство ее предположения во рту было сухо до омерзения, а в голове шумело.

– Сон. Просто сон. Только непонятно, как с такими снами можно избегать демонов и хранить девственность, – вырвалось у нее и прозвучало это так нескромно и возбужденно, что из груди вырвался стон.

Мишель покосилась на соседнюю кровать и нахмурилась. Постель Заури оставалась идеально застеленной. Осознание, что подруги до сих пор нет, отрезвило.

Нахмурившись, она откинулась на подушку.

Пошарила рукой на тумбочке, нащупала прохладный корпус линкофона. На позывные подруга не отвечала, на сообщения тоже...

Мишель начало колотить беспокойство.

– Больше никаких клубов, – пробормотала она под нос. –

Никаких «Тайных комнат». Никаких демонов.

И тут же перед глазами возникло лицо с идеальными чертами, пронзительными синими глазами, властным чувственным ртом.

Мишель снова застонала и перевернулась на другой бок.

Собственная нагота стала тяготить ее. Казалось, сон переехал в явь и за Мишель продолжают наблюдать. Проклиная себя за мнительность, она все же заставила себя встать и надеть пижаму.

А затем ворочалась с боку на бок почти до самого утра. Стоило небу за окном посветлеть и подернуться розовинкой, Мишель провалилась в неглубокий беспокойный сон.

Сквозь сон Мишель услышала, как дверь воровато скрипнула и отворилась.

Часто моргая, Мишель приподняла голову.

На пороге стояла ундина.

Но в каком виде...

Рукав от платья оторван и в прореху виднеется покрытая синяками и ссадинами, кожа. Чулки отвратительно рваные, на коленях ссадины. Платье грязное, мятое, в чем-то зеленом – то ли в траве, то ли еще в чем-то.

Черные кудрявые волосы стоят дыбом, причем с одной стороны, кажется, подпалены.

На щеке ссадина, губа разбита. В широко распахнутых стеклянных глазах застыл ужас.

– Заури?!

Сон как рукой сняло.

Мишель вихрем вскочила с кровати и, схватив русалку за руку, повлекла ее к кровати. Заури не сопротивлялась. Пальцы ундины были холодными, безжизненными.

– Заури! – Мишель была в отчаянье. – Кто это сделал? На тебя напали? Скажи что-нибудь!

Подруга смотрела перед собой невидящим взглядом, а когда попыталась что-то ответить, с губ сорвался сип.

– Надо... надо обратиться к федералам! – почти прокричала Мишель, хватая с тумбочки линкофон.

В последний момент на ее локоть легли прохладные пальцы.

Мишель оглянулась.

Глазам русалки возвращалось осмысленное выражение.

– Не надо федералов.

– Заури, миленькая, – Мишель чуть не плакала. – Но тебе надо к врачу...

Русалка вздрогнула всем телом и помотала головой.

– Нет! – попросила она так отчаянно, что внутри Мишель все сжалось от острой жалости. – Их было восемь...

Какое-то время Мишель молчала, не в силах выдавить из себя ни звука, потом решительно поднялась.

– Пойдем, – Мишель потянула девушку с кровати. – Пошли, тебе надо в душ.

Оказавшись в душевой, Мишель открыла воду до упора.

Русалку тут же словно подменили. Иступленными движениями она принялась срывать с себя одежду и бросать ее в санблок, задавая попутно режим абсолютной утилизации.

Затем, воспользовавшись помощью Мишель, Заури шагнула в заполненную паром кабинку. Не взирая на то, что была в пижаме, Мишель влезла следом за подругой.

Не давая русалке усесться, обхватив руками голову, Мишель принялась оттирать ту мочалкой, не жалея шампуня и жидкого янтарного мыла.

Заури сначала вздрагивала от ее прикосновений, затем принялась поворачиваться то одним боком, то другим, как бездушная кукла.

Спустя полчаса обе девушки с тюрбанами-полотенцами на головах, в сухой пижаме, уселись на кровати русалки. Мишель вложила подруге в пальцы дымящуюся чашку с успокаивающим отваром, и та тут же послушно отхлебнула, даже не поморщившись, хотя в нормальном состоянии глотнуть кипятка, не поморщившись, невозможно.

Сглотнув, Мишель тихо проговорила:

– Это я виновата.

В бессмысленных глазах русалки мелькнуло удивление.

– Зря я отпустила тебя одну, – пробормотала Мишель, сжимая кулачки. – С джинном.

Услышав о джинне, Заури вздрогнула.

– Их было восемь, – повторила она.

– Пожалуйста, расскажи, – попросила, еле сдерживая сле-

зы, Мишель. – Это нельзя держать в себе. Выплесни свою боль, или потом будет хуже.

Русалка посмотрела на нее изумленно. Кажется, она не понимала, куда уж хуже.

– Я звонила тебе, – проговорила Мишель. – Ты была такая счастливая... Мне даже показалось, ты не в себе.

– Я и была не в себе, – призналась русалка. – Эйфорин.

– Что?!

Один из самых сильных наркотиков-афродизиаков. Мишель слышала о нем. Читала в книгах по медицине. О его компонентах, значащихся в запрещенных списках... Что получится, если компоненты соединить, затруднялся ответить даже магистр медицины. Сказал только, что действие эйфорина в десятки раз превышает действие ангельской пыли.

– Я не сразу поняла, что это, – сказала бесцветным голосом русалка. – Укол сделали в мобиле... В квартиру... где все произошло... я пришла сама. По своей воле.

Мишель застонала, чувствуя, как щиплет в глазах.

А русалка заговорила. Словно рухнула какая-то невидимая преграда между ними. Словно страшнее ей было признаться в том, что была под действием наркотика, чем в изнасиловании.

– Они... они набросились на меня. Все вместе. Поставили на четвереньки в прихожей... Затем мы перешли в комнату. Они... брали меня вместе, по очереди...

Пальцы русалки разжались, кружка с остатками отвара

опрокинулась на кровать. Но Заури, казалось, не заметила этого. Она обхватила голову руками и завывала, покачиваясь. Затем продолжила.

– Через какое-то время меня стало отпускать. Действие наркотика проходило. Первое, что что ощутила, ну, осмысленно – член у себя во рту. И еще один, сзади... во мне. Я стала кричать, вырываться. Они били меня и говорили, что еще один звук – и живой из квартиры мне не выйти. Щипали за грудь, до синяков. Били в живот, по голове. Но я все равно пыталась вырваться! Затем снова укол... И вот я сама... просила. Я просила их трахать меня, Мишель! Я умоляла! Умоляла! Умоляла! Целовала им ноги, вылизывала... Только бы трахнули меня!

Русалка снова завывала, закачавшись. Когда Мишель обняла ее, прижимая к себе, завывания перешли в тихий скулеж. Такой тонкий, жалобный... Он больно резанул Мишель по сердцу.

– Меня пустили по кругу, – шептала русалка. – Пустили по кругу. Завтра об этом узнает вся академия.

Мишель гладила ундину по влажным волосам, полотенце тюрбаном осело на пол смятой тряпкой.

– Что ты, малышка, – повторяла она, силясь найти хоть какие-то слова, которые могли бы сейчас успокоить Заури, снять ее боль. – Что ты. Никто не узнает. Они не посмеют рассказать... Им за такое грозит каторга...

– Я подписала согласие, – бесцветным тоном сказала ру-

салка. – Я подписала все, что они мне дали, лишь бы трахали меня. Все было... по согласию.

У Мишель ком стал в горле. То, что произошло, было чудовищно.

– Но они же не идиоты, чтобы кому-то рассказывать о таком, – пробормотала она, но прозвучало это неуверенно.

– Расскажут, – прорыдала Заури.

– Почему ты так уверена?

Русалка посмотрела на нее долгим взглядом.

Затем протянула ей линкофон.

Дрожащие пальцы Мишель заскользили по панели. Она с трудом сдерживала крики и рвотные позывы. На панели, одна за другой, мелькали фотографии. Отвратительные потные тела, позы...

– Они сказали, что если ты не придешь к ним сегодня в восемь, сначала фото попадут в центральный информаторий академии, затем в сеть... Федералы не смогут докопаться: есть письменное согласие и на секс, и на фотографии, и даже на их распространение. Моя семья слишком бедна, чтобы нанять хорошего адвоката... Да и мало среди защитников тех, кто пойдет против диаспоры джиннов.

Голос Заури был безжизненным. Взгляд остановился.

– Если ты откажешься, а я убью тебя сама, если ты согласишься, я должна буду вернуться туда. Если не вернусь... Они обещали, что еще пару инъекций, и я стану их штатной сучкой, готовой на все ради дозы. Привыкание к эйфोरину

наступает практически сразу же. Вот говорю сейчас с тобой, а меня трясет...

Русалку и вправду колотило. Речь ее становилась все более бессвязной.

– Эйфорин. Их было восемь. Подать заявление?! Да они ославят меня на весь Слитсберг! На всю Апостеорию! Они же снимали на свои линкофоны... Меня даже не выгонят из академии. Сама уйду, если не сдохну от передоза. Эйфорин... еще одна доза и я стану торчком, торчком, Мишель! Кто поможет маме, сестрам, братьям? Я видела тех, кто подсел на куда более слабые наркотики, чем эйфорин. Девчонки отдавались за дозу... За дозу.

Мелодично зазвенел будильник. Пора было вставать и собираться на пары. Русалка никак не отреагировала на нежную мелодию.

Мишель бросила в стакан с водой две таблетки успокоительного и русалка, не спрашивая, что это, послушно выпила.

– Прежде всего, тебе надо поспать, – мягко, но решительно сказала Мишель. – Я зайду в твой деканат и скажу, что тебе не здоровится. Заодно возьму задание, которое тебе положено за пропуск сегодняшних занятий.

– А смысл? – бесцветным голосом спросила ундина.

Мишель деланно нахмурилась и укутала ту одеялом.

– Смысл в том, чтобы стать высококлассным специалистом в своей области. Чтобы выйти на уровень стипендиата.

Чтобы вернуть матери с таким трудом добытые на твое обучение деньги. Чтобы раздать все долги, поставить на ноги братьев и сестер и наслаждаться жизнью в достатке и роскоши.

– Мишель... После всего, что произошло...

– Вот именно, что ничего не произошло, – твердо сказала Мишель. – Посмотри на это с максимальным цинизмом... Первый раз, я слышала, редко у кого бывает приятным. И главное, такого больше не произойдет. Никогда. Я обещаю тебе.

– Меня некому защитить, – прошептала Заури.

– У тебя есть я. Вместе мы справимся.

– Человечка... К тому же из межмирья. Бедная, еще беднее меня, без знакомств и связей. Что ты собралась делать?

Русалку буквально подкинуло на кровати, еще секунду назад безжизненные пальцы вцепились в пижаму Мишель.

– Только не говори, что решила пойти к ним! Не смей! Слышишь?! Это со мной все кончено, а ты должна жить... Должна стать долбаным артефактором, ездить в экспедиции, как мечтала. Слышишь, слышишь меня?!

Старательно сдерживая слезы, Мишель уложила подругу обратно. Успокоительное подействовало, и ундина обмякла под ее руками.

– Никто не пойдет к ним, – сказала Мишель. – Ни ты, ни я. У меня есть идея получше.

Глава 7

Весь учебный день Мишель старательно сдерживала слезы и рвущиеся наружу рыдания. Даже не поздоровалась с удостоившими ее своим вниманием королевами академии. А когда те, ничуть не обидевшись, нагнали ее в коридоре и попытались расспросить, что случилось, пробормотала что-то невразумительное и удалилась торопливым шагом.

Если бы не необходимость вести себя, словно ничего не случилось, прикрывать ундину, она не знала, как прошел бы этот день. Возможно давно разревелась бы, как маленькая и убежала... Но нужно было быть стойкой... И нужно было найти способ отвести Заури к врачу... Не сегодня... Сегодня ни у русалки, ни у нее не хватит на это сил. Завтра. Она подумает об этом завтра.

Проклятье богов! Это ее вина!

Ее. Вина.

Ей не стоило вчера отпускать русалку с джинном... Нужно было... настоять, чтобы вернуться домой вместе. Но Мишель понимала, что этим бы она лишь отсрочила случившееся. Джинны разыграли все, как по нотам, ясно было, как Богинин день, что это все тщательно продуманный план. Чтобы ей, Мишель, узнавшей тайну Дэениса, точно не выкрутиться. Даже издевательства над русалкой... Они были лишние. Достаточно было вколоть той дозу, изнасиловать, сфотогра-

фировать... Зачем же бить? Угрожать?

Мишель понимала, что все это лишь для того, чтобы деморализовать ее. Испугать. До потери пульса, до умопомрачения. Выбить почву из-под ног.

И потому она должна со всем этим разобраться!

Хуже всего было то, что джинны пришли на занятия. Все. Целый день Мишель терпела их ухмылки и сальные взгляды. А когда проходила мимо, Дэенис даже предупредил нарочито громко, так, чтобы слышали все, кто бы в коридоре, чтобы рыжая тщательно подготовилась к вечеру...

Все это происходило, как во сне.

Когда Мишель проходила мимо двух фурий (насколько Мишель успела уяснить, фурий отличает от гарпий более мощное сложение, а еще то, что в боевой трансформе крылья у них растут прямо из рук, в то время, как в обычной, человеческой ипостаси, фурии, в отличие от гарпий, бескрылые), причем тех фурий, которых неоднократно видела воркующими с той самой компанией джиннов, она услышала краем уха:

– Это подруга той самой, ага. Которую по кругу пускали, раком трахали...

«Я должна быть сильной, – говорила себе Мишель, впиваясь ногтями в ладони. – Нельзя реагировать. Надо как можно скорее положить конец всему этому.

Усевшись на подоконник, она вынула линкофон и вбила номер с карточки.

«Это Мишель. Из клуба. Вчера, – набрала она, чувствуя себя душой. – Мы можем встретиться?»

И потекли томительные минуты ожидания.

Инкуб не отвечал. А потом прозвучал сигнал на следующую пару.

Выйдя из аудитории, на которой умудрилась схлопотать низший бал за то, что «считала сов», Мишель с замиранием сердца уставилась на экран линкофона. Увидев мигающий конвертик, с облегчением выдохнула. Ответил!

Только одно слово:

«Зачем?»

Вот ведь демон!

А потом не в меру услужливая память напомнила его слова:

– Я хочу оттрахать тебя, детка. Так, как тебя еще не трахали. Хочу, чтобы ты сидела на вибраторе и сосала у меня. Долго-долго. Хочу вылизать твою текущую розовую шелку, хочу играть языком с самой твоей сутью, крошка. Хочу смотреть, как ты скачешь на мне, бесстыдно расставив ноги...

Закусив губу, Мишель написала:

«По поводу твоего предложения».

Да, она прекрасно помнила слова магистра Бары о том, что ей нужно хранить девственность. Что пробудившийся магический дар развивается лишь в условиях целостной энергетической оболочки... Что если удастся поднять уровень своего дара, можно будет и дальше претендовать на сти-

пендию...

Но она виновата перед Заури! Ей и расплачиваться.

О том, чтобы ответить согласием шантажистам... Об этом думать не хотелось.

Но из головы не шли вчерашние слова нагини:

– Только высший демон выстоит в поединке против джиннов. Пусть даже распоследних боевых магов.

Мишель даже не подумала, захочет ли инкуб помочь. Ей была нужна его помощь.

Очень, очень нужна.

Линкофон дрогнул.

«Какого предложения?» – прочитала Мишель и выругалась. Чертов демон! Все он прекрасно понял!

Сосчитав до ста, набрала по голосовой связи... Позывные остались без ответа.

Скрипнув зубами так, что сама испугалась – не стереть бы, Мишель выдохнула и быстро, чтобы не передумать, вбила:

«Я согласна. Давай поговорим».

И отправила. Вслед, выругавшись, добавила еще одно сообщение:

«Пожалуйста».

На этот раз демон ответил быстро.

«Заеду за тобой вечером».

Мишель облегченно выдохнула. Но вечером – это слишком поздно. Как любит говаривать дед-кузнец? Пока горячо...

Не переставая удивляться своей смелости, Мишель написала:

«Вечером будет поздно. Нужно сейчас».

Ответ пришел незамедлительно.

«Кому-то не терпится? Или с запозданием дошло, чего вчера лишилась?»

Нет, он еще издевается! Демон...

Скрипнув зубами, написала:

«Рву на себе волосы».

Линкофон дрогнул практически сразу, выдавая сообщение:

«Если все так серьезно, будь готова после пар».

Мишель шумно выдохнула и на негнущихся от счастья ногах пошла на следующее занятие.

Отпросившись на пять минут раньше, Мишель наматывала километры на парковке. Черного мобиля с серебристыми крыльями не было. Зато, когда пара закончилась, на парковке остановился шикарный лимузин.

– Мисс Хольде? – открывая дверцу перед Мишель водитель не спрашивал, а скорее приглашал.

Та скользнула взглядом по кислым физиономиям фурий и одобрительным – ее вчерашних знакомых и быстро села в мобил. Чертов позер! Ей еще учиться в этой академии! Не мог прислать за ней такси, в конце концов! Надо было практически заклеить ее позором на глазах у всех!

Спустя какое-то время Мишель подумала, что демон мог

и не подумать о такси, а что до того, что не приехал за ней сам – вполне логично, если у него не было возможности. Конечно, вид у него был такой, что у него в принципе не может не быть возможности, но все же, думала Мишель. Потому что думать так было определенно спокойнее.

У нее не возникало ни малейших сомнений в том, куда она едет. Явно в какую-нибудь гостиницу или на холостяцкую квартиру, чтобы проделать все то, о чем говорил вчера демон (при воспоминании об этом к щекам снова прилил жар). Она придирчиво оглядела себя: коричневое платье с воротничком-стойкой и юбкой-клевш по колено, босоножки в тон на низком каблучке... Сумка через плечо с панелью и книгами с конспектами. Пользоваться на своих занятиях панелью позволяют не все магистры. Кто-то с завидным упорством продолжает надиктовывать лекции, а на практических занятиях спрашивает свои «диктанты» практически наизусть...

Когда лимузин остановился на каком-то пустыре, Мишель недоуменно сдула со лба выбившуюся прядь. Она ожидала, что ее везут... Ну точно не на пустырь!

Но водитель открыл перед ней дверцу, и сомнений не осталось: ее доставили по месту назначения. Стало не по себе. Что задумал демон? Как он решил отыграться на ней за то, что отказала вчера? И... за пощечину? Не лезет ли она из огня да в полымя... Может, она добровольно пошла на участь куда худшую, что готовили ей джинны? В конце

концов, инкуб – высший демон, а эти... всего лишь... обычные...

– Вам вперед, мисс Хольде, – с достоинством проговорил водитель и сделал приглашающий жест рукой.

Мишель посмотрела на него недоуменно, а затем проследила взглядом направление и чуть не застонала от облегчения: знакомый черный мобиль с серебряными крыльями, кажется, Заури назвала его «химерой», стоял метрах в двухстах от них.

За облегчением пришла волна стыда. Значит, демон посчитал гостиницу или квартиру слишком роскошными для нее... Ей предстоит потерять девственность в машине, как какой-то уличной девке... Вспомнилось и то, чем ей грозит потеря девственности. Неожиданно стало очень жалко себя. Но отступить было некогда.

Стараясь не смотреть на невозмутимого водителя (он, наверно, и не к такому привык на службе у демона, а вот Мишель было стыдно), она постаралась как можно незаметнее выдохнуть и решительно двинулась вперед.

Что ж. Если демон лишит ее невинности здесь, на пустыре, в автомобиле, это и к лучшему. По-крайней мере, это будет быстро. И не придется воплощать в жизнь все то бесстыдство, о котором говорил вчера инкуб.

По мере приближения к мобиле, у Мишель подкашивались колени и переставали гнуться ноги. Инкуб, который сидел на этот раз на месте водителя, откинулся на спинку и

даже головы не повернул в ее сторону.

Чтобы как-то обозначить свое приближение, Мишель за- кашлялась. Ноль внимания.

Тогда, когда оставалось каких-нибудь метров десять, роб- ко поздоровалась. То же самое.

А когда подошла на расстояние пары метров, застыла, как вкопанная.

Инкуб сидел, откинувшись на спинку сиденья и не сводил с нее глаз.

А над местом... где располагается ширинка, поднималась и опускалась голова какой-то блондинки. При этом раздава- лись чмокающие звуки. Лица девушки видно не было, как в принципе, не было видно ничего предосудительного... за исключением минета в машине, конечно же.

Выражение лица демона оставалось бесстрастным, толь- ко по чуть расширившимся зрачкам было понятно... Черти драные! Ничего не было понятно.

Красивый, богатый, наглый, циничный до умопомраче- ния... До подкашивающихся коленок...

А еще, к своему стыду, Мишель ощутила пульсирующий комок внизу живота. Не может быть! Неужели эта отврати- тельная сцена возбуждает ее?!

– Салют, малыш, – улыбнулся ей демон и погладил про- ститутку по голове (почему-то в том, что перед ней профес- сионалка, сомнений не было. Слишком уж самозабвенно, це- ликом та отдавалась процессу. Не отвлекаясь на внешние

факторы...)

Рука инкуба скользнула по спине девушки, чуть сжала оттопыренную ягодицу и к чмокающим звукам добавился довольный гортанный стон.

Внутри Мишель выстрелила сладкая молния. Девушка беспомощно заморгала. Неужели ей и в самом деле нравится эта отвратительная картина? Нет же! Она чувствовала себя до ужасного беспомощной, стоит, хлопает глазами, вместо того, чтобы... Чтобы что?!

– Ты настаивала на скорой встрече, детка, – промурлыкал инкуб. – Как видишь, я пошел тебе навстречу.

– Я не знала, что вы настолько... заняты, – пролепетала Мишель, с трудом узнав собственный голос. Такой он оказался слабый и беспомощный... с едва уловимыми хриплыми нотками. И это было хуже всего!

Ужасная, непристойная, отвратительная картина... возбуждала! Как и те мерзкие слова вчера. В чем в чем, а в том, что у инкуба богатая фантазия, Мишель имела счастье убедиться за их недолгое знакомство.

– Для тебя, детка, я даже освободился пораньше, – сказал инкуб хрипло. – Почти освободился... Почти...

Он прикрыл веки, лицо исказила сладкая судорога.

Мишель вздрогнула.

К своему ужасу, она представила себя рядом с инкубом.

Себя, доставляющую ему удовольствие...

Это ее головка на тонкой шее двигается изящно и слажен-

но. Крепкие сильные пальцы зарываются в рыжие локоны, направляют, прижимают голову к паху, заставляют вобрать в себя всего... без остатка.

Картинка оказалась такой яркой и бесстыжей, что Мишель ахнула. Закрыла рот рукой, торопливо отвернулась... и припустила по направлению к лимузину с безучастным ко всему шофером.

А потом замерла, наткнувшись на невидимую преграду.

Джинн предстал перед ней, как живой.

Развязный. Нахрапистый. Отвратительный.

Он ухмыльнулся Мишель, и, прежде чем видение успело что-то сказать, Мишель развернулась и бросилась обратно.

По-крайней мере, инкуб ей приятен. И его методы по соблазнению... хоть и демоническо-сволочные, все же более... гуманные.

Когда она снова приблизилась к мобиле, девка уже распрямилась и теперь смотрела на инкуба мутными влюбленными глазами.

Демон небрежно погладил ее по щеке, а затем махнул головой назад.

Проститутка поняла без слов.

Широко улыбнулась, выбралась из машины и покачиваясь на умопомрачительных каблуках, двинулась к лимузину.

Мишель, как зачарованная, проводила ее взглядом, не в силах оторваться от кожаных коротких шортов и топа, больше напоминающего лифчик.

– Понравилась? – весело спросил инкуб из машины. – А я-то думал, это я подействовал на тебя так стыдно и возбуждающе, Мими.

Мишель встрепенулась. Запомнил же ее имя...

Девка между тем села в лимузин, невозмутимый водитель захлопнул перед ней дверь так же, как недавно за Мишель, сам сел за руль. Мишель проводила шикарный мобиль взглядом. Значит ли это, что она здесь надолго? И только минетом, как эта девка, надо понимать, не обойдется...

Впрочем, водитель может отвести девку, куда той надо, а потом вернуться за Мишель...

Эта мысль вызвала невеселую, какую-то обреченную улыбку.

– Долго будешь махать платочками, детка? – раздалось из мобиля.

И демон похлопал по соседнему сиденью, где пару минут назад сидела проститутка.

Сглотнув, Мишель тряхнула кудряшками и решительно уселась рядом с инкубом.

Она села рядом – маленькая, хрупкая, беззащитная, щёки пылают от стыда, аура так и искрит, изобилует эмоциями.

А еще чутье инкуба безошибочно определило возбуждение. Эрам усмехнулся. Маленькая развратница.

Вообще проститутка была небольшой (и довольно приятной) мстью, за вчерашнюю заносчивость рыжей.

Ну как мстью... Эрам не мог представить, как разговаривать со вкусной рыжей человечкой... и не наброситься на нее. Он хотел ее так... Как вообще никого не хотел. Сама мысль о том, что она будет рядом, пьянила и сводила с ума. Маленькая, хрупкая, незащищенная... Совсем рядом – протяни руку и дотронешься до нее, ощутишь под пальцами ее кожу. Теплую, ароматную, гладкую, как шелк и белую, как молоко...

Демон не ждал, что она воспользуется его карточкой. Но со вчерашнего дня думал только ней, строил план за планом, как поступить с рыжей. Ее надлежало заманить в западню. В ловушку. Причем достаточно надежную, которая тут же захлопнется и у рыжей не останется выхода, как, например, вчера.

А потом пришло от нее сообщение...

И Эрам понял. Вот, оно. На ловца и зверь.

Совсем чуть-чуть заставил ее понервничать, поиграть в игру, помнит – не помнит, приедет не приедет. Промучал бы дольше, собственно, собирался, но какой-то тревогой веяло от ее сообщений. Безысходностью. Словно она пишет ему не по своей воле, а по принуждению. Поэтому захотелось выяснить, что не так.

Конечно, он в любом случае бы приехал, раз позвала, слишком уж вкусные эмоции были у этой... Мимимишки.

Вдобавок – Эрам все еще надеялся, что ему показалось – она при желании могла перекрывать ему к ним доступ. Нет,

чушь. Это невозможно.

Этого не может быть, потому что такого не может быть никогда...

Всему должно быть объяснение. Наверняка он сам отвлекся, не ожидал такого умопомрачительного букета. Яркого, насыщенного. Вкусного до безумия. И сильного – человечки и в десятую часть так ярко не пылают... Что-то с рыжей было не так. Но что? Эрам получит ответ на этот вопрос.

Но сначала надо было проучить рыжую за самоуверенность. Слишком многое она себе позволила с ним, с инкубом...

Неожиданно наказание в виде проститутки в мобиле, отсасывающей у него, получилось... не совсем наказанием. Нет, смущение, гнев, стыд, даже шок... все этого было. Демон чувствовал себя сытым, как кот, нализавшийся сметаны. Впрочем, он не против повторить. И скоро.

Но помимо ожидаемой реакции рыжая... возбудилась.

В воздухе отчетливо ощущался аромат ее желаний. Сладкий. Манящий. Сводящий с ума.

Похоже, рыжая – не чета своим соплеменницам, те не изображают ханжей лишь в двух случаях: или профессионалки, или влюбленные дуры, готовые на все, хоть бы о них ноги вытирали, лишь бы угодить демону.

С рыжей игра обещает быть иной. Кажется, а инкуб никогда не ошибается в таких вещах... кажется, ей действительно могли быть интересны разные запретные, считающи-

еся стыдными, удовольствия. Удовольствия, в которых знает толк лишь демон.

– О чем хотела поговорить, малыш? – спросил Эрам нарочито лениво.

И Мишель начала рассказывать.

С первых же ноток в ее голосе прозвучало беспомощное «Помоги!». А еще в ней горел огонек надежды. Тот самый, на который он повелся вчера. До невероятности сладкий и при этом свежий, совсем не приторный.

А потом последовал гнев. Ярость.

Эрам де Вуд изо всех сил сдерживался, чтобы не обернуться прямо сейчас и не сжечь здесь все к демоновой матери!

Инкубы... Высшие демоны... никогда не опускаются до изнасилования. Им это просто не нужно.

Конечно, демоническая природа есть демоническая природа.

Но насиловать ввосемьмером беспомощную девчонку?!

Джинны сами подписали себе смертный приговор.

Если не этим, то тем, что хотели повторить подобное с рыжей, точно. Стопроцентно.

Эрам видел рыжую второй раз в жизни, но твердо решил: она будет принадлежать ему. Гореть, светиться от счастья – только для него. Умолять его не прекращать. Не останавливаться... Она проделает для него множество потрясающе-возбуждающих вещей. Будет только с ним.

Пока ему это не надоест. Такое с ним происходило впервые. Так он не реагировал ни на одну, самую искусную компаньонку в Тайной комнате...

Он даже не обратил внимания, что, представляя возбуждающие и развратные картинки с рыжей, ни разу не вспомнил о брате... Впервые в жизни ему встретилась женщина, которую не захотелось ни с кем делить...

Ее зеленые глаза, которые при свете дня были ярче молодой зелени, должны смотреть лишь на него. Открываться и закрываться по его приказу. Темнеть от страсти для него одного. Сиять и искриться в темноте... Тоже для него.

Эрам встряхнулся. Вид у демона был немного растерянный.

Он что, и вправду не готов делить рыжую с Харлеем? Чушь.

Она всего лишь человечка... Игрушка, причем ненадолго, а с братом-близнецом они делили даже утробу матери.

Интересно, как рыжая смотрелась бы в Тайной комнате?

Открытая, беспомощная, бесстыжая... И при этом искренне, по-настоящему возбужденная.

Эрам не сомневался, что этой маленькой извращенке понравилось бы...

А она все рассказывала.

Уже не сдерживала дрожи в голосе, пару раз смахнула слезу. Демон внутри довольно завозился. Внешне Эрам сделал непроницаемо-удивленное лицо. Мол, я-то чем могу по-

мочь?

Проверено на партнерах, и не однократно. Самые выгодные сделки и контракты демоны заключают с немного скучающим видом, чтобы оппонент понимал, какая великая милость ему привалила. А могла и не привалить.

– Я не вполне понимаю, чего ты ждешь от меня, детка, – произнес инкуб с немного скучающим видом и отсутствующим взглядом.

На рыжую этот прием не подействовал.

Точнее подействовал, но совсем не так, как ожидал демон.

Она не стала пытаться строить из себя невесту что, делать вид, что не очень-то и хотелось, в то время, как хотелось, вообще-то, очень...

Она просто с жаром вцепилась в безукоризненно отглаженный рукав пиджака инкуба и продолжила говорить. Искренне, без прикрас. Совершенно не кокетничая и не заигрывая.

– Помогите, пожалуйста. Я знаю, вы можете. Помните, они вчера оставили нас в покое, стоило вам просто подойти. Я сделаю все, что вы скажете... У меня не так много денег... Мы чуть-чуть заработали вчера, но это копейки для вас, я понимаю. Я стану хорошим артефактором, обещаю.

Эрам смотрел на нее с интересом. Она... с ним... о деньгах? Серьезно? Нет, он знал, что будет весело, но... Так радикально развеять скуку он и не надеялся...

– Я стану лучшим артефактором, честно, – заверила его

Мими. – Буду зарабатывать совсем другие деньги. Я напишу долговую расписку, я готова взять на себя любые обязательства...

– Малыш, ты ведь сейчас не шутишь? – почти ласково спросил инкуб и заправил рыжую прядь ей за ухо.

Мими с жаром помотала головой. Она явно не шутила. Она предлагала региональному представителю де Вуд Корпорэйтед... деньги. Причем иллюзорные деньги, которых пока не заработала и не факт, что заработает. Это, пожалуй, еще веселее, чем он думал.

– Они ведь сожрут ее. Сожрут нас. Расскажут. И фурии. Уже сегодня насмехались. Я сделала вид, что не слышу, что это вообще меня не касается, но ведь касалось! И еще как! А если вы не поможете, завтра вот так тыкать пальцами будут в меня.

Фурии? Она серьезно?

– Детка, ну причем тут фурии, – лениво процедил он. – Демоны не воюют с женщинами.

Рыжая икнула. Мол, как это не воюют? А что вчера было-то?

Эрам понял, нахмурился.

– Как? – переспросила рыжая. – Как не воюют? А ведь – джинны демоны. Демоны ведь, правда?

И ведь не поспоришь.

Рассказ рыжей так разозлил его, что он не замедлил бы «помочь», даже если бы та сейчас выпрыгнула из машины и

умчалась через поле, сгорая от стыда.

Но Эрам де Вуд не был бы демоном, если бы не извлек из ситуации максимум. В свою пользу, конечно.

Сразу он думал поступить с ней, как с обычной человеческой, не профессионалкой. Связь на пару-тройку дней, потом, когда ее эмоции станут одним сплошным противно-липким сиропом, отправить, подарив на прощание цацку.

Но что-то подсказывало – сейчас не та ситуация, в которой рыжая станет торговаться. Да и ее чувствительность... Даже чувственность... Похоже, она способна испытывать возбуждение от совсем нестандартных ситуаций. Даром, что ее не учили на компаньонку... Все же демон почти верил, что не ошибается.

Профессионалки профессионалками, но ведь и они рано или поздно приедаются. То есть, ему, высшему демону, с ними по пути и надолго, и это еще один повод, по которому Эрам не собирался отказываться от добычи, которая сама плыла к нему в руки.

Точнее уже приплыла.

С просьбой: помоги. И с надеждой. На него, Эрама де Вуда. Было бы смешно, если бы не причина этого призыва о помощи.

Эрам приподнял одну бровь и с удовольствием осмотрел фигурку рыжей. Медленно, задерживаясь взглядом на всяких интересных местах. С удовольствием подмечая, как полыхнули румянцем щеки Мими.

– Я понимаю, что деньги – не все, что вас интересует, – залепетала глупышка. – Далеко не все. Я... я согласна. Прямо сейчас...

Положив большой палец ей на губы, Эрам с наслаждением наблюдал, как девчонка беспомощно замолчала, захлопала ресницами, задрожала... С упоением вдохнул вихрь ярких, вкусных эмоций. Если и дальше так будет продолжаться их знакомство, пожалуй, его внутренний демон разжиреет, с усмешкой подумал он.

А затем наклонился к ней. Близко. Так близко, что почувствовал на губах её дыхание. Свежее, чистое, как горный ручеек. С нотками мяты и аниса. Лёгкое, как пушинка.

Рыжая, перечитавшая, видно, ванильной женской мути, старательно зажмурилась и приоткрыла губки. Сложив их буковкой «о».

Демон с трудом удержался от двух вещей – чтобы не засмеяться в голос и... всё-таки не поцеловать её. Нет. Этого делать нельзя. Она будет играть по его правилам.

Он провел большим пальцем по пухлой нижней губе, затем погладил подбородок, приподнимая его.

В букете эмоций Мими полыхнуло смущение ... Беспокойство... Нетерпение.

Против воли, Эрам улыбнулся.

Демон чуть отстранился, а потом прошептал.

– Значит, поехали, детка.

– К-куда? – заикаясь, спросила Мими, не открывая глаз.

– Как куда? – деланно удивился демон, с наслаждением наблюдая, как щечки рыжей снова вспыхивают от смущения. – Ко мне в офис.

– В офис?! – выдохнула рыжая и, открыв глаза, часто заморгала.

Демон усмехнулся.

– В офис. А ты куда думала?

Та потупилась.

– Если честно, думала, что вы... овладеете мной прямо здесь.

– Нетерпеливая Мими, – демон засмеялся, понимая с недоумением, что ему никогда не было так весело и легко с человечкой. И хоть хотелось прислушаться к её желаниям, сорвать с нее это ужасное коричневое платье и оттрахать, как следует, прямо здесь и сейчас... Все же... Он не какой-нибудь юнец или прыщавый ботан, которому в следующий раз могут и не дать... Нет, он не потратит так бездарно должок Мими.

Рыжая продолжала хлопать ресницами и поэтому демон пояснил:

– Едем заключать контракт, Мими. Я так понимаю, тебе нужно разобраться с этими недоразумениями всего демонического рода как можно скорее. А меж тем плату за свою помощь я хотел бы получить с удовольствием, наслаждаясь каждым мгновением... А как можно наслаждаться каждым мгновением, если я буду думать о том, успею или нет до на-

значенного тебе этими подонками срока.

Мишель сглотнула. Логика в словах демона была. Значит ли это... Что ему нужно от нее все то, о чем сказал еще тогда, в клубе. Богиня, ну и дурочка она! О чем она только думает! Ведь главное, что демон, кажется, согласился помочь!

– В офис так в офис, – решительно тряхнула она кудряшками.

– Ты даже не станешь спрашивать, что я хочу взамен? – деланно удивился демон, снимаясь с места. – Только не надо позориться, обещая мне золотые горы, Мими. У меня столько денег, что и за сто жизней не потратить.

– Тогда, – она опять очаровательно покраснела. – Чего же вы хотите?

Инкуб развязно подмигнул.

– Во-первых, хочу, чтобы ты говорила мне ты и звала по имени. А во-вторых... Есть у меня одна фантазия. Сейчас подпишем контракт, что ты обязуешься мне её предоставить... и компромат на твою ундину в течение часа окажется в том самом месте, хм, где ему самое место, впрочем. И фурии больше слова не вякнут, обещаю.

Мишель с трудом сдержала рвущееся наружу ликование. Демон усмехнулся так широко, словно так и не сдержала.

– А что это за фантазия? – спросила она робко.

Инкуб обольстительно улыбнулся.

– Всего лишь, чтобы ты приласкала себя, крошка Мими, – промурлыкал инкуб, и, насладившись ее реакцией, припеча-

тал: – В Тайной комнате.

Глава 8

Нинет осторожно слезла с ауросканнера, пожилая неулыбчивая ассистентка помогла ей отцепить от себя датчики.

Судя по выражению лица ученого, порадовать ему ее нечем.

Предчувствие не обмануло.

– У вас чудесная аура. Плотная, ровной структуры, однородная, – занудно перечислил наг, пялясь при этом на панель. – Есть один тщательно заретушированный шрам, но вообще похоже на родовую травму. Если хотите, можно взять расширенные анализы. Результатов, конечно, придется подождать, но...

Нинет скрипнула зубами. Она с таким трудом пробилась на это обследование на экспериментальном оборудовании, которое обошлось ей в чудовищную сумму (пришлось приходить со своими кристаллами считывания, в лаборатории профессора Цицерона с ними был напряг) вовсе не для того, чтобы просканировать свои тонкие тела. Она и без того знала, что энергетическая оболочка у нее в норме. За исключением того самого недоразумения. Которое озвучил ученый. Правда, мама не верила, что это обнаружится... Но сейчас не об этом.

Нинель узнала, что в лаборатории профессора по высшей демонологии, доктора магических наук проводятся экспе-

риментальные исследования в области насыщения энергетических потоков эмоциональными вибрациями. Причем, насколько ей было известно, профессор Цицерон работает не с суррогатом энергии, то есть не с субстанцией, полученной искусственным путем, а с донорским материалом... Тем важнее было попасть к нему на прием!

– Вы ничего не сказали об общем состоянии моего энергетического фона, – нетерпеливо дернула плечом девушка.

– Вы полны сил и энергии, – немного устало пожал плечами профессор.

– Но только это не та энергия, что подходит инкубам! – воскликнула Нинель.

Она ощущала злость. Досаду. Безысходность. Думала, ведущий специалист в области высшей демонологии поможет... Но ведь не может быть, чтобы и здесь прокол... не может так не вести, так просто не бывает!

Профессор пожал плечами, пригляделся к девушке с помощью призмометра.

– Теоретически инкубам подходит любая энергия, – занудно проговорил он. – Вопрос в пристрастиях и интересах.

– Ну спасибо, – оскорбилась Нинет. – До этого я думала, что просто не могу «насытить» инкуба. Ну, вот такая вот врожденная патология! Как отсутствие органа. Тебя не волнует, если ты родилась без него, потому что просто не с чем сравнивать... Но нет же! Данные, полученные на клятом последнем оборудовании, от светила демонологии гласят, что

я просто неинтересна высшим демонам!

Ученый кивнул ассистентке и та спустя десять секунд вошла в кабинет с поджатыми губами и дымящейся кружкой.

– Выпейте, юная леди, – сказал профессор. – И перестаньте уже разговаривать на ультразвуке, в этом кабинете очень точные, ценные приборы, вы своими воплями можете им навредить.

– Что?! – Нинет даже поперхнулась успокоительным. – Так меня еще никто не оскорблял!

– Успокойтесь, – властно произнес королевский наг, и вставшая было Нинет поспешно уселась обратно. – Я понимаю, вы нервничаете из-за предстоящего брака с высшим демоном. Но если вас волнуют вопросы верности, зачем вы вообще вступаете в этот брак?

Профессор предупреждающе поднял руку, показывая, что еще не закончил.

– Понимаю, понимаю, это опять же не мое дело, политика, политика... И в вашем желании насыщать будущего мужа нет ничего противоестественного...

Нинет понемногу успокаивалась. Надо же, как профессор Огюст Цицерон завуалировал слово «привязать» ...

– Да, профессор, вы правы, – сказала она. – Прошу простить мою импульсивность. Но я хотела бы и в самом деле контрол... держать руку на пульсе, так сказать. Я не против, я очень даже за, чтобы мой муж содержал хоть армию конкубин. Но все же тоже хотела бы... Пользоваться его благо-

склонностью...

Вот так. Таких дур, которые желают привязать к себе высшего демона – пруд пруди. Тайну, что девушка узнала от матери, можно было хранить дальше. Темное пятно в ауре, то, что профессор поначалу принял за родовую травму, можно было оставить козырем в рукаве. Мама сказала – открывать это только в самом крайнем случае! А она, как известно, зря говорить не будет...

– Очень вас понимаю! – воскликнул профессор, поправляя призмометр. – Не сказать, чтобы ваше желание эм... ординарно, но тем не менее...

– Вы ничем не можете помочь, – вздохнула Нинет.

Успокоительное действовало. Как-то разом расхотелось скандалить, бить пробирки, высказать профессоришке, где она видала его опыты и исследования. За полное сканирование ауры ей пришлось вывалить кругленькую сумму, что при учете их положения... катастрофично. И вот, кажется, придется уйти ни с чем.

– Ну, почему же ничем, – тихо сказал профессор и глаза его заблестели.

Нинет подумала, что будь она оборотнем – с удовольствием бы его покусала. Но оборотнем она не была, к сожалению. К тому же успокоительное оказалось мощным...

– Как раз сейчас моя лаборатория работает над трансформацией магической энергии, юная леди, – сказал профессор и Нинет даже не поморщилась на такое панибратство.

– Вы преобразовываете магическую энергию? – с интересом спросила она, стараясь подыграть ученому.

– Вот! – ей с гордостью продемонстрировали чуть светящуюся пробирку. Крохотную, размером с ноготь на мизинце.

– Данные экспериментальных исследований показали, что получаемая субстанция неразличима в ауре, и попадая в энергетическую оболочку представителя человеческой расы действует по принципу трансформатора, преобразовывая производимые Вами эмоции в те, что идеально подходят высшим демонам.

Новость была настолько потрясающей, что Нинет временно потеряла дар речи. Явно где-то есть подвох. И кажется, он не только в том, что касается стоимости этого экспериментального препарата... Нутром Нинет чувствовала еще какой-то подвох.

– У меня для вас прекрасная новость, юная леди, – продолжал вещать профессор. Нинет удивленно подняла брови, и он пояснил: – Вам данный препарат полностью, я бы даже сказал абсолютно подходит.

– В смысле – подходит? – грубовато пробормотала Нинет. – Вы только что сказали, что эта ваша... эм... субстанция изобреталась как раз для людей.

– Но вы, милая, – профессор замялся. – Абстрактные кварки, как бы вам это сказать... Вы человек с допущением на девяносто девять целых девяносто девять сотых процента.

– То есть человек? – переспросила Нинет.

– Как вы можете говорить такое! Я же только что назвал вам цифры! – Профессор пожевал губами. – Не совсем.

У Нинет голова пошла кругом. До нее с запозданием доходили слова профессора.

– Но ведь девяноста девять целых девяноста девять сотых, – пробормотала она. – Процентов...

– Мне было бы интересно исследовать это пятно на вашей ауре, – сказал профессор и посмотрел на нее голодными глазами. – Мне кажется, дело в нем.

– Но я не первый раз обследуюсь, – поморщилась Нинет. – И никогда ничего подобного не слышала.

– Вы забываете! – Огюст Цицерон тряхнул жидкими волосенками и поднял палец. – Оборудование новое. Новейшее. Экспериментарное.

– Не дурите мне голову! – все же нашла в себе силы взорваться девушка. – Я здесь вовсе не для того, чтобы спорить о чистоте моей крови, хотя я – дитя двух людей. Чистокровных. Каждый из них – человек в седьмом поколении!

– Я бы поспорил...

– Хватит! – рявкнула Нинет. – Вы говорите – конкретно мне этот ваш экстракт подходит?

Профессор кивнул.

– Цена вопроса? – деловито и с замиранием сердца поинтересовалась Нинет.

– Препарат экспериментарный, – замялся было профессор, но увидев решимость в глазах девушки, пробормотал: –

Чтобы преобразовать магическую энергию в такое количество полезной энергии мне пришлось совершить расходы стоимостью в две тысячи кредитов.

У Нинет повторно пропал дар речи. Когда смогла заговорить, она спросила осторожно:

– И на сколько хватает... Этого эмм... пузырька?

– Сутки-двое, – с готовностью сказал профессор. – Все зависит от аппетита демона.

Нинет обхватила голову руками и застонала.

И, что хуже всего – она чувствовала – это еще не все сюрпризы.

– А сколько магической энергии задействовано? Ну, чтобы получить такой пузырек? И где вы ее взяли?

– Есть еще люди, равнодушные к науке! – патетично поднял палец ученый.

– Доноры? – уточнила Нинет.

– Доноры, – согласился профессор Цицерон.

Нинет криво усмехнулась. Равнодушные к деньгам, она бы сказала.

– И сколько их было...

– Сто двадцать, – опять же с готовностью ответил гений, и Нинет застонала в голос. Понятно теперь, почему так дорого... и вообще нереально... И, хуже всего, хватит этой склянки на денек-другой...

– Стойте, – внезапно сообразила она. – Но ведь донор магической энергии сдает по две унции.

– Мы здесь чтим закон! – сказал профессор.

– А если... Если я добуду вам столько энергии... сколько нужно? – спросила она.

– Это незаконно? – посчитал своим долгом уточнить ученый.

– Ваше дело думать о науке, мое – о том, как обойти ради нее законы, – деловито уточнила Нинет.

Профессор поджал губы, встал из-за стола, прошелся по комнате с таким видом, словно внутри шла ожесточённая борьба темных и светлых демонов.

– А как вы это сделаете? – спросил он, когда борьба, должно быть, закончилась.

– А много сможете достать? – добавил он совсем другим голосом, в котором явственно слышалась надежда.

Нинет загадочно улыбнулась. Дело, конечно, более, чем рискованное, но, похоже, оно того стоит. Слишком серьезные вещи на кону.

– Милорд предпочитает устриц или лангуста? – лакей семейства де Вуд, прислуживающий за столом еще совсем юным господам, прекрасно знал, что господин Эрам де Вуд не любит смешивать пищу. Во время обеда инкуб с детства предпочитает поглощать одно блюдо за другим, но не одновременно.

То ли дело господин Харлей. На его тарелке лежали тарталетки с лососевым пудингом, отбивная из баранины и за-

печенная в собственном соку форель – инкуб с сосредоточенным видом откусывал то от одного, то от другого.

Эрам остановил выбор на устрицах, попросив, чтобы лангуста подали ровно через семь минут.

Лакей с поклоном отдалился и замер в шеренге один в один похожих, во фраках и белых перчатках.

Сегодня чета Шерлез и Марго де Вуд принимали гостей: чету Рассел с их очаровательной дочкой и еще пару именитых семей, чьи главы входят в сенат.

Наги переглядывались, обменивались понимающими взглядами: высший демон, глава де Вуд Корпорэйшн уже сейчас ведет себя так, как будто заседает в сенате... И тем не менее, все понимали, что появление в сенате Шерлеза де Вуд всего лишь вопрос времени.

С объявлением об официальной помолвке, а затем и свадьбы одного из отпрысков де Вуд и единственной дочери четы Расселов глава семейства войдет в члены правления. Нет никаких сомнений в том, что ему составят протекции большинство членов сената.

Тем явственней ощущался в воздухе конфуз сегодняшнего вечера: Нинет Рассел, дочь Максимуса и Эвены Рассел опаздывала... Чудовищно опаздывала, уже подали вторую смену закусок, а ее все нет! И хоть ужин был не знаковый, в честь помолвки, все равно все знали, что эта причина считается некоей условной договоренностью.

Когда основная часть ужина была позади и мужчины уда-

лились в курительную комнату с сигарами, Эрам де Вуд улучил момент, чтобы порадовать брата. Харлей выглядел хмурым и напряженным после расставания с Ндиди и явно был очень, просто очень голоден. Эрам, беспокойно ерзающий весь ужин и ощущающий себя по меньшей мере, мальчишкой, хотел бы, чтобы брат его тоже насладился предвкушением, ведь оно порой намного вкуснее результата...

Улучив момент, когда их никто не слышал, Эрам шепнул Харлею с многозначительным видом:

– Осталось совсем немного этого пафоса и нудятины.

Инкуб пожал плечами. Вид у него по-прежнему был хмурый.

– Да, одна нудятина сменится на другую. Извини, что не скачу от радости.

Харлей скривился. Вид воодушевленного и веселого братца подбешивал. Как будто нажрался втихомолку в месте, о котором брат не знает... но такого с близнецами не случилось. Неужели предстоящая помолвка с Нинет Рассел так на него влияет? Вроде бы еще недавно Эраму было все равно...

– Сегодня нас ждут у мадам де Жу, – многозначительно сказал Эрам и затаился.

Харлей пожал широкими плечами, вид стал чуть более благосклонный, но все равно хмурый.

– И что? – сказал он. – Всех новеньких мы перепробовали... разве что еще раз попробовать с тройняшками... ну, с этими... с блондиночками...

Эрам хмыкнул и сделал загадочный вид.

– Сегодня кое-что получше, – промурлыкал он и Харлей заинтересованно приподнял бровь. Ему был хорошо знаком этот тон и выражение лица.

– Ну же, – поторопил Харлей брата. – Сейчас где-то тролль родится!

– И довольно жирный, – согласился Эрам. – Учитывая, что моя новость заслуживает самой долгой паузы...

Харлей хмыкнул, но видно было, что инкуб заинтересовался, так сказать, выглянул из панциря.

– Тройняшки, конечно, хорошо, но после, – сказал Эрам и выудил новую сигару. – Сначала наведемся в Тайную комнату. Там сегодня, – он мечтательно прищурился. – Особенная... человечка.

Харлей с недоверием хмыкнул. Он не слышал, чтобы брат его когда-либо говорил о человечках подобным тоном.

– И что же в ней такого особенного? – не утерпел он.

– Эмоции, – мечтательно произнес Эрам, выпуская клубы дыма. – Потрясающие, яркие, вкусные эмоции, – он затянулся и слегка поморщился, после чего добавил нехотя: – А еще то, что сказала мне нет.

Харлей хмыкнул, чуть было не поперхнувшись дымом.

– Тебе, человечка? – переспросила он. – Вот во что никогда не поверю.

Настала очередь Эрама пожимать плечами.

– И тем не менее это так, – нехотя признался он.

Харлей никак не мог, и не желал верить в услышанное.

– Какая-то шлюха сказала тебе, высшему демону, нет?.. – переспросил он.

– Ну ты сказал! – возмутился брат. – Никакая она не шлюха... Адептка Галдур Магинен, первокурсница.

Теперь Харлей выглядел мягко говоря, изумленным. Адептка? Сегодня... В борделе?

– Тогда не понял по поводу Тайной комнаты, – уточнил он.

Губы Эрама растянулись в циничной улыбке. Вглядишься Харлей в глаза брата повнимательнее, заметил бы в них уязвленное самолюбие, которое инкуб старался скрыть, но оно все равно всплывало на поверхность и заставляло радужку искриться голубыми сполохами.

– Она. Сказала. Мне. Нет. – процедил Эрам. – А я всегда добиваюсь чего хочу.

– Мальчики, прекращайте дымить! – Марго де Вуд вошла неслышно, как большая хищная кошка и с грацией пантеры преодолела расстояние между ними. Брезгливо выхватив сигары сразу у обоих сыновей, оборотень-пантера затушила их в пепельницу. – И пожалуйста, будьте паиньками.

Инкубы переглянулись и хмыкнули. Адепты-десятикурсники, кандидаты в младшие партнеры де Вуд Корпорэйшн, да они живут «на вольных хлебах» едва ли не дольше, чем сидели у родителей за пазухой... И... будьте паиньками?

– Нинет пришла, – пояснила свою просьбу маман. – По-

ухаживайте за девочкой, она, должно быть, итак себя чувствует не в своей тарелке из-за опоздания. Такой конфуз...

Представить Нинет не в своей тарелке было сложно. Но Эрам честно попытался. Не вышло.

Заметив циничную ухмылку одного из сыновей, Марго прищурилась и прошипела:

– В первую очередь это тебя касается, Эрам. Нинет – твоя невеста и ее самочувствие – твоя ответственность, – в голосе Марго де Вуд послышалось угрожающее шипение.

Сейчас маман как никогда походила на пантеру. Спорить с ней в такой момент опасно – импульсивный оборотень обернется прямо здесь, изорвав золотое платье от Вейскайти. А этого она не простит сыновьям. Будет скандал. И, чтобы избежать его, следует сделать то, что матери нужно. Прием, отработанный годами.

– Ну, где же моя будущая невеста, – нарочито воодушевленно проговорил Эрам, поднимаясь и подмигивая брату.

Марго де Вуд фыркнула, наказала поменьше обезьянничать и строить из себя человечков и удалилась, покачивая бедрами и цокая каблуками.

Воровато оглянувшись, Мишель проскользнула в темный прямоугольник раскрывшегося перед ней проема. Пусть она заходила с черного хода, и на улице еще светло и безлюдно... все равно сердце так и екало, угрожая выпрыгнуть из груди.

Как и было оговорено, ее встретили и проводили к мадам

де Жу.

Главная сводница Вилскувера оказалась высокой, даже, пожалуй, слишком высокой для женщины и довольно плечистой леди.

Чуть оплывшая талия, огромная колышущаяся грудь, мощные руки и ноги, – такую запросто представишь в доспехах, на коне, с мечом и щитом в мощных ручищах, но никак не за панелью со стопкой документов, с перьями в высокой прическе и уж точно не в золотом, словно склеенном из золотых монет, платье (ох, сейчас у мадам де Вуд нашлись бы претензии к ведущему дому моды) – Мишель пыталась угадать, к какой расе относится хозяйка борделя, но безрезультатно.

– Мишель Хольде? – спросила та басом и затянулась. Когда подняла взгляд на вошедшую, Мишель обратила внимание на мушку над губой. Как ни странно, такая грубоватая, даже пошлая деталь очень шла мадам, фокусируя внимание на губах и глазах сводницы. Причем и то, и другое было прекрасным. Громоздкость фигуры и лишний вес тут же отступали на второй план. Мишель невольно залюбовалась мадам.

И все же услышав свое настоящее имя, она вздрогнула. Как же... Эрам обещал абсолютную конфиденциальность! Демон!

Мадам тем временем поднялась из-за стола и поманила Мишель за собой.

– Договор о неразглашении, само собой, – кивнула она на

ходу. – У тебя слишком яркая внешность, девочка. Хорошо, что пришла пораньше. На грим уйдет достаточно времени... даже на обучение не останется.

– Но, – Мишель замялась. – Я знаю, что происходит в Тайной комнате. Мне предстоит, – она сглотнула, – выполнять желания инкубов, ласкать себя... И моя неопытность заведет их еще больше, – повторила она кое-чьи слова, потупившись.

Мадам де Жу остановилась, чтобы специально смерить Мишель взглядом, как будто впервые видела.

– Должно быть, ты мало знаешь о наших клиентах, детка, – снисходительно сказала она. Это инкубы, высшие демоны... в основном. И при этом они очень, очень богаты. После представления устраивается аукцион, на котором продается девочка, ах, не надо делать такие глаза, конечно, не девочка, а ее, скажем, ночь. И, если это девственница, а у тебя, милая, не в обиду, на лице крупными буквами: девственница, можно выручить неплохие деньжата... Помимо заработанного за представление.

У Мишель перед глазами пронесся вчерашний вечер.

Опустевший офис на верхнем этаже небоскреба, в одном из самых престижных районов Вилскувера...

Демон, который сидит напротив, подвигает в ее сторону контракт.

И при этом смотрит так, словно знает, что она ничего, ничегошеньки ровным счетом сейчас не соображает.

Слишком кидает в жар от его взглядов. Учащается дыха-

ние.

Слишком явно пульсирует внизу живота неведомое, что заставляет соски съеживаться, а грудь наливаться болезненной тяжестью.

Когда словно со стороны услышала, что после представления в Тайной комнате предстоит продолжение... с ним одним, и он даже согласен поиграть в аукцион, чтобы все было достоверно, она с трудом сдержала слезы.

Демон тут же переменялся. Даже повел носом и скривился, словно унюхал что-то не то.

Когда демон рассказывал ей до этого, что такое эта самая Тайная комната (в его устах это представлялось куда более невинным, чем в рассказах Лилит и Ванессы) Мишель обуревали совершенно противоречивые чувства.

С одной стороны – гнев, даже ярость, как он вообще мог предложить ей роль шлюхи! Предстать перед всеми обнаженной. Бесстыдно открытой. Играть с собой, выполнять приказы демонов... Это было выше ее сил.

И вместе с этим было облегчение. Такое, словно с плеч ее обрушилась скала.

Она сохранит девственность! Это главное!

Демону нужен от нее не секс. Точнее, не секс нужен ему больше, чем секс... Тем не менее, она сможет и дальше усердно работать над своим даром, преумножать его, а на следующий год поборется за стипендию...

– Малыш, что не так? – спросил демон, который, казалось,

читал ее мысли.

– Это итак... позор для меня, – прошептала она. – Риск... такой силы, что... это невысказано. Я просто внешне спокойная, должно быть, – проговорила она.

И, отпив из стакана, вместо того, чтобы поставить его на стол, промахнулась, а потом с изумлением нагнулась и посмотрела на осколки.

– Да, спокойствием так и веет, – хмыкнул демон. – Меньше текста, малыш. Что ты хочешь сказать?

– Только то, что еще и секс – это уж слишком, – воскликнула Мишель.

К ее удивлению демон откинул голову назад и расхохотался. Что смешного она сказала?

Эрам тем временем исключил пункт «секс после представления» из договора. Если малышке так спокойнее... Она сама не знает, как на нее повлияет внимание сразу нескольких инкубов. Да она просить будет, чтобы с ней продолжили, умолять... А Эрам уж точно устроит так, чтобы быть рядом и выкупить ночь с человечкой.

Мишель помотала головой. Рыжие пружинки запрыгали, ударяясь о щеки и плечи.

Поскольку все это время, пока она вспоминала вчерашний день и половину сегодняшнего (удалось уговорить русалку показаться врачу. К счастью, она была в порядке, даже ссадин уже не осталось), мадам де Жу продолжала выжидающе смотреть на нее, Мишель быстро проговорила:

– Нет-нет, я проиграла вашему клиенту... в карты, – ложь она продумала по дороге сюда. – Этим... представлением в Тайной комнате я расплачусь. Сделаю все, что от меня требуется, и на этом все.

Мадам де Жу посмотрела нее с интересом.

– Мало того, что адептка, так ведь ты, похоже, вообще ничего не знаешь о взрослых играх, а, крошка? – вид у хозяйки борделя стал задумчивый, словно решала математическую задачу в уме. – Ты хоть представляешь, сколько можешь заработать за одну ночь?

Мишель захлопала ресницами, закусила губу.

Ну вот. А ведь ее падение только началось. Сначала она согласилась участвовать в самом унижительном, мерзком, безнравственном представлении... И не успела поучаствовать, как ей уже предлагают поработать проституткой.

Густо покраснев, Мишель покачала головой.

Мадам де Жу пожала плечами. Теперь она смотрела на Мишель, как на блаженную. Это отразилось и на ее обращении.

То, что Мишель предстоит пройти несколько банных процедур, показала чуть ли не на пальцах.

В шикарной сауне при борделе, оказывается, было специальное отделение для девочек. В то время, как Мишель мыли, скоблили жесткими щетками, растирали, предварительно надев рукавицы из чего-то мягкого и ароматного, к стыду Мишель, с особым пристрастием работали над зоной бикини

и окуривали все тело специальными составами, остальным девочкам вход в «санотсек» был закрыт. Мишель была благодарна за то, что соблюдалось условие конфиденциальности, но в то же время нервничала по поводу банщиц. Впрочем, взглядевшись в их грубоватые невыразительные лица, ощутив на себе четкие, выверенные, но какие-то бездушные движения, немного успокоилась. Непохоже было, что им вообще до чего-то может быть дело.

Когда все закончилось, Мишель снова проводили к мадам.

– Требуется замаскировать ауру, чтобы если кто-то из господ встретил тебя, не опознал, – сказала она. И добавила, видя, что рыженькая опять занервничала: – Нашему специалисту можно довериться. Уж что-то, а молчание входит в число его достоинств. Я же плачу за молчание отдельно.

Она хмыкнула и добавила, что для маскировки ауры Мишель должна быть полностью обнажена.

Предполагалось, что «специалист» будет маскировать ее ауру в то время, как профессиональный гример наносит грим. В ожидании обеих мадам де Жу приказала Мишель разоблачиться и занять место в специальном кресле.

Решив, что ее унижения начинаются прямо с этого момента, Мишель кивнула и потянулась к пуговичкам на платье.

Она думала, что мадам отвернется, но та продолжала изучать ее взглядом. Это был взгляд опытного торговца, рассматривающего товар.

– Рыжая, – бормотала де Жу под нос. – Но при этом веснушек нет. Это хорошо. Меньше мороки с гримом.

Вскоре над Мишель трудились в четыре руки.

К этому моменту она уже смирилась с тем, что то, что происходило в бане, было необходимостью. Но в то же время ей казалось, что прикосновений мужчины средних лет и молодой женщины в широких бесформенных брюках просто не перенесет. И снова с первой же минуты успокоилась.

Ее снова трогали, но... прикосновения специалиста по маскировке ауры и гримера напомнили ей тех же банщиц. Ее трогали, но так трогают вещь, или скажем, так врачи прикасаются к пациенту во время осмотра. В прикосновениях этих двоих не было и намека на похоть или пренебрежение.

Ей предоставили комплект белья, от одного вида которого Мишель стала пунцовой. К счастью, до поры до времени можно было прикрыть это безобразие алой полупрозрачной накидкой. Мишель тут же в нее закуталась, но бросив на себя краем глаза взгляд в зеркало, поняла, что стало только хуже.

Последним аккордом стал черный парик-каре, с длинной, ровной, словно подстригали под линейку, челкой.

Поцокав языками и сообщив наблюдающей за процессом мадам де Жу, что это «тот самый максимум, которого можно было добиться... с этим», специалист по ауре и гример покинули комнату.

Мадам де Жу заставила Мишель встать, пройти по комнате (кто же ходит на таких каблуках? В таких, пожалуй,

только лежать...) и с удовлетворением покивала головой, явно оставшись довольной проделанной работой.

Сообщив, что она придет за ней позже, «как только в комнате соберутся господа», мадам де Жу оставила Мишель одну.

Спустя какое-то время Мишель надоело трястись и фантазировать на тему того, что все, что с ней сейчас происходит – сон. Тот самый, бесстыдный, отвратительный сон, ей уже снилось похожее... И вот это, кажется, вторая серия. А может и приквел к тому самому...

– Скоро все закончится, – пробормотала Мишель. – Скоро все будет позади.

Чуть покачиваясь, привыкая к туфлям, она прошлась по комнате. Взгляд случайно зацепился за зеркало, и она замерла перед ним. Стало любопытно, какой ее увидят сегодняшние зрители, среди которых будет Эрам де Вуд.

Какой же ее увидит Эрам де Вуд?

Девушка в зеркале была ей незнакома.

Худенькая брюнетка с каре, с бесстыжей мушкой над верхней губой... На свое лицо Мишель смотрела долго, не понимая, как такого эффекта можно было достичь простым гримом? Чуть измененная линия носа, более широкие и острые скулы... Губы, припухшие от специального геля, покрыты ярко-красной помадой... Макияж а-ля *smokey eyes* придаст ей еще более порочный вид, как будто после мушки над губой это возможно...

В контрасте с иссиня-черным париком ее кожа утратила теплый золотистый оттенок, обрела изысканную аристократическую бледность. Впрочем, небольшая розовинка кожи делает ее словно светящейся изнутри.

Мишель сама никогда не узнала бы себя – ни на улице, ни на фото...

Она не видела ауру, но подумала, что если специалист по маскировке аур хотя бы вполовину так крут, как девушка гример, то за сохранение своей тайны можно быть спокойной.

Судя по тому, что мадам де Жу занимается ей лично (в женщине-гренадёре Мишель безошибочно вычислила хозяйку), Эрам де Вуд отнесся к ее просьбе об абсолютной конфиденциальности с ответственностью... Мишель поняла, что благодарна ему за это.

А потом оторвала взгляд от лица, перевела его ниже... и... в общем, благодарность вытеснили другие эмоции.

Стыд. Гнев. Ярость.

Проклятый сукин сын!

Это же надо! Да ее вырядили, как чертову куклу из секс-шопа! Только эти вещи (ну, не называть же это одеждой?!)) были качественными и сразу видно, очень дорогими.

Лифчик... От него, пожалуй, было только название. Узенькие кружевные шлейки и полоски по периметру каждой груди... Это белье совсем не скрывало грудь, наоборот, привлекало внимание к молочно-белым полушариям с

крохотными бутончиками сосков. Бледно-розовые в обычной жизни, сейчас, когда их покрыли кармином, они съежились, словно от стыда, и алели, так и просились понежиться в чем-то горячем рту...

Трусики... встретить Мишель такие в магазине, решила бы, что брак. Узенький треугольничек трусиков отсутствовал. Совсем. Были три кружевные ниточки, обозначающие место, на котором должны быть трусики, и обозначающие правильно... Но вот самих трусиков не было. Был гладко выбритый треугольник кожи, смуглые складочки под ним. Пухлые, чуть приоткрытые, как бутон цветка, из которого виднеется влажное розовое местечко.

Широкий кружевной пояс тоненькими веревочками соединяется с чулками в развратную сетку. Пятнадцатисантиметровый каблук и платформа лаковых туфель делает ноги запредельно длинными, бесконечными...

Мишель задохнулась от нахлынувших на нее чувств.

Стыд, беспомощность... и вместе с тем интерес и даже как будто что-то еще. Что же?

Любопытство? Неужели мужчинам нравится такое белье?

Мишель хмыкнула. Явно ведь нравится не само белье, а то, что в нем (потому что определение «под ним» сюда по понятным причинам не подходит).

Обычная нагота бесхитростна. Даже примитивна. В этом... наряде Мишель словно кричала: «Трахай меня! Делай со мной все, что хочешь! Я – грязная девчонка, которая

плохо себя вела, накажи меня, сделай своей бессловесной секс-игрушкой...»

Некстати вспомнилась вчерашняя сцена у машины. Белокурая проститутка, с таким рвением трудящаяся над пахом Эрама де Вуда... Упоенно посасывающая и причмокивающая...

Снова представилось, что было бы, если бы он ей приказал бы доставить ему такие ласки...

Если бы взял за волосы сзади, прямо за аккуратно собранный пучок и принялся насаживать ее рот на свой член.

Вид самой себя, замершей на коленях, с закрытыми глазами, послушной, отсасывающей, оказался настолько возбуждающим, что Мишель непроизвольно сглотнула и ощутила подергивание внизу живота.

Богиня. Какая же она грязная, развратная и испорченная! Она находится в борделе, в смежном Тайной комнате помещении, на ней унизительно-возбуждающее белье и пошлый парик с мушкой... А она представляет, как сосет у демона и возбуждается при этом!

Словно во сне она коснулась пальцем складочек и залилась краской, когда между ними оказалось постыдно-мокро. За спиной скрипнула дверь.

Мадам де Жу явно видела, чем она занималась перед зеркалом... Мишель захотелось провалиться под землю, но хозяйка веселого дома только фыркнула. Вид у нее был доволь-

ный.

Поинтересовавшись, уверена ли Мишель в том, что не хочет подзаработать после представления, а также не рассматривает ли сотрудничество на постоянной основе, и услышав поспешный отрицательный ответ, мадам де Жу сделала приглашающий жест в сторону Тайной комнаты.

Глава 9

С появлением Нинет разговоры о месте в сенате сменили разговоры о цветовой гамме свадьбы. А также об ее дате – через три месяца. В соответствии с традициями, оглашение помолвки предстоит сделать за месяц до церемонии...

– Вы же знаете, наша дочь Нинет – прекрасный человек. Но характер – не дай Богиня... Она знает, что я не выношу лаванду, что цвет – что запах... и поэтому заказала платье лавандового цвета, и украшение свадьбы живыми цветами непременно с лавандой!

В соседней комнате велись разговоры по поводу контракта на поставки. Но туда Эрам пойти не мог. Из-за брата. В того словно демон вселился!

Он с таким неподдельным интересом обсуждал с леди Эвеной цветовую палитру свадьбы, музыку, отпускал замечания по поводу предстоящих нюансов, причем, подлец, с самым серьезным видом.

Ситуацию спасла Нинет.

Обратив внимание на рвение Харлея, она предложила с самым невинным видом:

– Харлей, я смотрю, тебя предстоящее событие волнует даже больше, чем брата. Может, и твою свадьбу назначим вместе с нашей? Вы так близки с братом, не хотелось бы создавать даже иллюзию вашего отчуждения. А если ты же-

нишься одновременно с ним, то все будет вроде как по-честному.

– Действительно, Харлей, – нахмурилась леди Марго. – Может, съездишь навестишь Джину? Шариса пишет, что девочка скучает и все время спрашивает о тебе.

Харлей поперхнулся и Эрам с готовностью похлопал брата по спине. Тот с трудом удержался в вертикальном положении.

Но подначки прекратились.

А потом Харлей с готовностью поддержал брата, когда тот извинился за то, что им пора.

Нинет вызвалась проводить братьев и леди Эвена с леди Марго довольно переглянулись.

У самых дверей, не обращая внимания на идеально вышколенного дворецкого, который застыл изваянием, Нинет деланно повела плечиком, чтобы с него соскочила лямка платья.

Перехватив взгляд Эрама, она запрокинула головку и беспечно рассмеялась.

– Отметим? – промурлыкала она, беря Эрама под руку. – Конечно, это не официальная помолвка и даже не оглашение, но все же...

Инкуб потрепал ее по щеке.

– У нас на сегодня уже есть планы. В другой раз.

Нинет деланно передернула плечиками.

По поджатым губам и чуть прищуренным глазам видно

было, что ее задело то, с какой легкостью Эрам отказался. Но она и не ожидала, что инкуб согласится. Ей даже это было на руку.

Пусть родители думают, что она ушла с братьями. Сама же она попросила подвезти ее ровно до стоянки такси. Для дела, которое она задумала, свидетели не нужны.

Скоро у Нинет будет столько энергии, что хватит и на полк чертовых демонов!

– А ты уверен? – спросил Харлей, провожая Нинет глазами.

– В смысле?

– Ну, в смысле, что вам стоит жениться? – спросил Харлей и добавил: – Что-то счастливым ты не выглядишь.

– Ты издеваешься? Я вообще не хочу жениться. Но если уж это так необходимо, Нинет будет идеальным вариантом. С ней я могу завести хоть армию konkубин и даже рабынь. Вовсе необязательно спать с собственной женой. И на приемах она умеет себя вести, что еще нужно?

Харлей пожал плечами.

– Иногда мне кажется, что для женитьбы нужны куда более веские причины. Взаимное влечение и уважение хотя бы. У вас же ни того, ни другого.

Эрам нахмурился.

– Что-то не нравится мне твой настрой. Особенно то, что ты начал всерьез подумывать о женитьбе. Ничего, сегодня ты увидишь такую крошку, что на ближайшие годы думать

обо всяких глупостях забудешь.

Черный грифон взревел двигателем и сорвался с места.

Мишель стояла на кресле-сцене, покачиваясь на каблучках, и не верила, что все это происходит наяву. С ней.

На нее смотрело с десятков пар глаз.

Смотрели пристально и бесцеремонно.

Взгляды демонов сочились жгучим интересом, сладострастием, похотью.

Сознание Мишель озарила вспышка: отступить нельзя. Если еще несколько секунд назад, она могла не входить в Тайную комнату, отказаться, нарушить условия договора, подвести под монастырь мадам де Жу и обречь себя на последствия кровного контракта с демоном... То сейчас было поздно.

Демоны замерли в своих креслах, стоило ей появиться на сцене и сейчас смотрели на нее выжидающе.

В одном из присутствующих к своему стыду и позору, Мишель узнала магистра Оливера, того самого, профессора высшей демонологии и доктора магических наук, автора тысячи и одного романа, королевского нага... Сейчас, правда, вид у него был куда более сосредоточенный, чем когда раздавал автографы фанаткам...

Был здесь и сильно выделяющийся из темных демонов светлый, нефилим, наследник миллионного состояния, о нем предупредила мадам де Жу. Светловолосый, худоща-

вый, при взгляде на его открытое лицо сразу понимаешь – светлый. И он сидит среди темных и тоже не сводит с нее пристального, бесцеремонного взгляда.

Но хуже всего для Мишель оказалось увидеть Эрама де Вуда, того, по чьей вине она оказалась здесь. Кто сразу откликнулся на просьбу о помощи... но, как истинный демон запросил за свою помощь непомерную плату.

Красивый и богатый, наглый и циничный, вальяжно развалившийся в кресле инкуб, воплощал собой само понятие испорченности.

Его взгляд, развязный и бесцеремонный, против воли дразнил, пьянил, повергая в транс, заражая каким-то диким желанием. Плотским. Интимным. Сокровенным. И очень постыдным.

Судя по участившемуся дыханию демона, он сейчас поглощает ее эмоции, ее переживания... они все поглощают. Но отчего-то стал досаден именно его пир. Он виноват во всем этом! Он был бы в сотню раз честнее, если бы потребовал от нее секс! И все случилось бы тайно. Теперь же она вынужденная стоять с чуть разведенными в стороны ногами, в самом развратном белье, которое только можно себе представить, и его развратность не прикрывает даже прозрачная красная накидка....

Она вынуждена стоять, закусив губу и молиться про себя, чтобы ее не узнали! Какой стыд... И все из-за него!

Эрам смотрел на нее так жарко, что по коже Мишель про-

шла сладкая дрожь, внутреннюю сторону бедер словно обожгло.

И она должна кормить его своими эмоциями!..

Фиг ему, а не эмоции...

Мишель сама не поняла, что изменилось в следующий миг... но что-то определенно произошло. Неявное, неуловимое.

В тот же миг глаза Эрама де Вуда полыхнули беспокойством, а Мишель отчего-то испытала мстительное удовлетворение.

Желание, нарастающее внизу живота, сначала почти сошло на нет, а затем вспыхнуло с новой силой.

Мишель вспомнила, что должна сесть и медленно, с прогибом потянулась, даже не осознавая, насколько эротично у нее вышло, насколько желанна была ее хрупкая фигурка, чуть прикрытая алым шелком.

Дыхание присутствующих участилось, Эрам де Вуд вращал глазами с явным бешенством и от этого пришло какое-то странное ощущение уверенности в себе, устойчивости.

Она сделала все, как учила ее мадам де Жу: медленными движениями потянула завязки на плечах и алый шелк стек по телу, замер у умопомрачительной длины ног лужицей.

Неспешно, словно в замедленной съемке, Мишель села, разводя колени в стороны, но стоило ощутить под задом твердое, поспешно свела ноги вместе и скрестила щиколот-

ки.

Она намеренно не смотрела на Эрама де Вуда и вздрогнула, когда, глядя на кресло рядом увидела его лицо... Взгляд пронзительно-синих глаз.

Мишель вздрогнула и поняла, что это не инкуб. То есть не тот инкуб. С запозданием вспомнила рассказы русалки – о том, что Эрам и Харлей де Вуд братья-близнецы, которые все делят на двоих, кроме жилья и машин.

Повинуясь приказу раздвинуть ножки, Мишель рывком распахнула их и замерла. Дрожащая. Взволнованная. Очень хрупкая.

От внимания демонов внизу запылало. Мишель физически ощущала их взгляды на самом сокровенном, так бесстыдно распахнутом, представленном на всеобщее обозрение.

И при этом, к своему ужасу, чувствовала новое.

Похожее на то, что было, когда застала Эрама де Вуда в машине с проституткой, ласкающей его член, похожее на единожды пережитое во сне... Только тогда оно не имело и десятой части этой силы.

Взгляды демонов так явно ощущались, что Мишель невольно покосилась вниз, на гладко выбритый треугольничек кожи, словно розовый островок среди черного кружева. Убедившись, что к ней не прикасаются, Мишель выдохнула.

И вместо выдоха прозвучало:

– Ах... а-а-х...

Мишель не сразу узнала собственный голос. А когда поняла, что этот томный, призывный, невероятно распущенный и возбужденный стон принадлежит ей, щеки ее запылали.

Что с ней? Она как пьяная, она словно впала в странный сладкий транс, из которого не хочется возвращаться.

– Оближи губки, девочка, – прозвучало от кого-то из них, из тех, кто смотрит на нее, чьи лица перед ее мысленным взором почему-то слились в одно... Идеальное, с темными, зализанными назад волосами и пронзительными синими глазами... Нет, только не он...

Губы ее приоткрылись, по ним заскользил розовый язычок. Сама Мишель готова была поклясться, что не выполняла приказ демона, это... это как-то само произошло.

– Эротичнее, – последовал следующий приказ, и Мишель вздрогнула. Замерла испуганной птичкой, с удивлением отметив, как от властности этого приказа, от его силы, уверенности повеяло чем-то таким, отчего между ног стало непристойно мокро.

– Ах, – вырвалось у нее беспомощное, а затем она снова облизала губы. На этот раз медленно, неспешно, чувствуя, что с каждой секундой бесстыдный пожар в самом низу разгорается с новой силой.

– Возьми в рот пальчик, крошка, – раздался новый голос. – Покажи, как ты умеешь сосать.

От стыда Мишель вынуждена была закрыть глаза, но слушаться она не смела.

Медленно подняла руку, и, приоткрыв губы, облизала верхнюю фалангу среднего пальца.

Что-то произошло с пространством. Воздух словно раскалился до невероятности, но этот жар не обжигал ее, наоборот, он был каким-то необходимым, словно водоем с чистой водой в жаркий день.

– М-м-м, – вырвалось у Мишель и она принялась посасывать собственный палец.

Следующий приказ был дотронуться до груди. Не совсем понимая, зачем она это делает, Мишель облизала пальчики второй руки тоже, а затем принялась играть с тугими бутончиками сосков, которые стали настолько чувствительными, что каждое касание отдавалось огненными стрелами внизу живота. Самое сокровенное содрогалось, ощущения были похожи на сладкую судорогу.

– Ниже! – раздалось нетерпеливое.

Стоило коснуться скользкого, ставшего невероятно чувствительным бугорка, словно огненная волна невероятной силы подняла ее и понесла куда-то со страшной скоростью... куда, где она точно знала, ждет счастье.

Она не в силах была остановиться, даже если бы ей приказали все демоны разом.

Пальчики скользили по влажным складочкам, тербелили и поглаживали разбухший бугорок, который бесстыдно выглядывал из розового и блестящего.

До боли хотелось запустить пальчики внутрь, туда, где

что-то тугое сжималось и разжималось, от чего изнутри выстреливали огненные стрелы, а мир снова и снова взрывался тысячами радуг. Но вместе с тем было осознание, что только лишь пальчиков ей мало... ничтожно мало...

Какое-то время Мишель балансировала на грани блаженства и забытья. Потом силы покинули ее, и она понеслась вниз, в сладкую бездну, где ее должно разорвать, распылить на атомы от силы этого невероятного наслаждения.

Хрупкая фигурка в алом кресле сотрясалась от сладких конвульсий, запрокинутая головка беспомощно моталась из стороны в сторону, с губ срывалось томное, бесстыдное:

– О-о-о, – а еще: – А-ах! М-м-м.... А-ааа!!

Демонов, наблюдающих за этим, пригвоздило к креслам, неведомое прежде состояние сытости опьянило, заставляло чувствовать себя непривычно-потяжелевшими.

Внутренние демонические сущности с диким ревом метались внутри, бились о ментальные преграды, но тщетно. Словно что-то парализовало их внешние оболочки... Захватило сознание, подчинило.

Они были не в силах отвести жадные взгляды от бьющейся в сладких конвульсиях фигурки, с бесстыдно разведенными в стороны ногами, и мотающейся головкой... Девочка снова и снова ласкала себя, выставляя на всеобщее обозрение самое лакомое, самое сокровенное.

Каким-то чудесным образом каждого их присутствующих посетила одна и та же мысль: это не они властвуют над некон-

тролирующей свои желания человечкой, это она словно держит в плену их внимание и будет держать его, сколько понадобится ей.

Прозвучал сигнал, повествующий, что представление окончено, но никто не сдвинулся с места. Просто это казалось невероятным: как закончилось? Ведь оно только началось? Сколько же длились ее оргазмы и их остановки сознания?!

Вместе с тем каждый из присутствующих понимал, что просто не в силах оторвать взгляд от бьющегося в сладкой агонии тела, не в силах прекратить питаться от нее... То, что излучала хрупкая фигурка с прической-каре, мушкой над верхней губкой, было равно по силе тому, о чем прежде только мечтали или читали в книгах. Такого взрыва эмоций, яркого, глубокого, выпуклого и сбивающего с ног, просто не существует! Не может существовать!

Когда и с третьим сигналом демоны остались на местах, в комнату зашла охрана: два оборотня-гризли, настолько огромных, что казалось, заняли все пространство в комнате. Руководила действиями охраны мадам де Жу.

Мадам спешила и нервничала, опасаясь заварушки из-за новенькой девочки. Хотя каждый из них, кто вошел сюда, заранее подписал соглашение, кровью, где обещал не дотрагиваться до девочки и не претендовать на ее ночь. То, что представление будет без продолжения, строго оговаривалось и закреплялось документально, и, должно быть, это и разза-

дорило желающих поприсутствовать.

Когда огромный шкаф-оборотень подхватил могучими волосатыми ручищами хрупкое, все еще продолжающее содрогаться тело и торопливо понес его к выходу, Тайную комнату мадам де Жу потряс оглушительный рев.

Мадам ожидала, что демонические формы инкубов вырвутся на свободу и камня на камне не оставят от ее веселого дома, но темные замерли в креслах, сытые и потяжелевшие. Лишь бешено вращающиеся глаза показывают, в какой они ярости от того, что девочку уносят...

Но, похоже их вечный голод и желание поглощать сыграли с ними дурную шутку: эмоций от рыжей человечки хватило, чтобы не просто накормить до отвала десятков демонов, а просто уложить их. Почти нокаутировать

Не смог сдержать своей внутренней ипостаси нефилим, и теперь возвышался над темными, с широко распахнутыми крыльями, в потрескавшейся вследствие оборота одежде.

Изменил ипостась и наг: в огромном шестируком гиганте с капюшоном кобры, покачивающемся на длинном гибком хвосте Мишель вряд ли угадала бы профессора высшей демонологии Оливера Цицерона, автора тысячи и одного романа...

Решив обдумать все эти чудеса позже, мадам де Жу споро вывела за собой охрану. Гризли бережно положил гибкое тело на кушетку, и, кивнув мадам, по совместительству альфа-самке клана гризли в Вилскувере, покинул комнату.

Мадам де Жу положила ладонь на лоб человечки. Приоткрыла ей веко, проверила реакцию зрачков на свет. Девочка была в глубоком обмороке, который постепенно переходил в сон.

Мадам доводилось видеть, как девочек «выпивают» инкубы, но эта не выглядела уставшей или обессиленной. Напротив, к щекам прилил румянец, красная краска стерлась с губ и они пунцовели насыщенным природным цветом.

– Кто ты, крошка? – вырвалось у мадам.

Она пожевала губами и вздохнула.

Кем бы ни была рыжая человечка – она никогда не станет работать не мадам. У кого – у кого, а у мадам был нюх на подобные вещи. Можно было бы воздействовать на девочку... иначе, нежели уговорами, но учитывая, что ее привел Эрам де Вуд, у малышки слишком могущественный покровитель. Инкуб точно не допустит попадания девочки в бордель. Оставит себе, если он не дурак. А дураков среди инкубов, как правило, не водится.

Вздохнув, мадам еще раз убедилась, что то, что происходит с рыженькой – всего лишь крепкий глубокий сон, и, покачив головой, покинула комнату. Предстояло выяснить, как идут дела у ее лучших клиентов...

У лучших клиентов веселого дома мадам де Жу дела шли... неплохо. У всех, кроме одного.

Эрам де Вуд был в ярости. В дикой, неистовой, всепоглощающей ярости!

Красочные и взрывные эмоции рыжей получили все... кроме него!!

Темные и светлые демоны, королевский наг... по осоловевшим глазам Харлея Эрам видел, что братец залип в человечку. Надежно залип.

И больше всего бесило, что она загоралась от их желания! Отвечала на него! Она испытывала влечение к другим! Она получала удовольствие от происходящего, маленькая извращенка!

Она умудрилась насытить даже нефилима, рыжая развратница!

Всем известно, что светлые предпочитают вызывать у своих пар светлые чувства. Если темным нравится власть, игры в принуждение, подчинение, доминирование, то светлые кайфуют от восторга и нежности, испытываемых к ним, от радости, трепета, экстаза... И рыженькая умудрилась кайфовать от представления так, как не умеют профессионалки! Которых с детства готовят в конкубины или компаньонки, чьи желания направлены на то, чтобы дарить наслаждение. Рыженькая тоже его дарила. И получала... Причем, получала она явно больше.

Это его оглушающий рёв слышала мадам де Жу (да и все остальные), когда уносили рыжую.

Если бы не странное оцепенение, сковавшее, словно силовыми путами, его внутренний демон вырвался бы на свободу и камня на камне бы здесь не оставил!!

Мишель внёс в комнату общежития тот же самый медведь-гризли, что выносил её со сцены Тайной комнаты.

Мадам де Жу не хотела проблем, а безошибочный нюх подсказывал, что проблемы обязательно будут, стоит демонам оклематься после представления. Мишель избавили от грима и парика, завернули в темный плащ и потихоньку вынесли через темный ход.

Всегда рачительная мадам расщедрилась даже на действие дорогого артефакта, отводящего глаза встречным. Правда, можно было и не стараться, время было такое позднее, в какое адепты магической академии могут не спать только во время сессии. А учебный год только начался.

Заури сонно потянулась и осоловело посмотрела на гиганта, который принес её подругу. Русалка ущипнула себя и ойкнула, понимая, что это не сон.

Медведь бережно уложил завернутое в плащ тело на свободную постель, посмотрел на спящую девушку со страной для такого громоздкого существа нежностью, и, по-прежнему не глядя на русалку, бесшумно покинул комнату.

Заури сонно заморгала, прислушиваясь к мерному дыханию подруги.

Она мало что понимала из происходящего, и, если честно, не особо старалась понять. Виной этому отчасти было не прекратившееся еще действие транквилизаторов, а также настояние доктора одной из лучших клиник Вилскувера:

спокойствие, спокойствие и еще раз спокойствие. А ещё, согласно его словам, не стоило принимать всё, решительно всё близко к сердцу, куда приятней постигать равностность и единство Вселенной. Чем русалка с радостью и занялась, тем более, что получила недельное освобождение от занятий.

Вечером, когда она лежала в кровати за просмотром фильма, трехмерный эффект которого отчасти был обязан транквилизаторам, двое то ли людей – то ли оборотней в неприметной серой одежде внесли в комнату несколько линкографов и одну панель. Сообщив, что на этих устройствах весь компромат «уважаемую леди», предметы уничтожили в её присутствии каким-то хитрым способом, отчего техника в одночасье осела на пол серой, как одежда на людях, пылью. После чего люди поклонились и оставили её одну, неуверенную, что только что случившееся не является плодом её фантазии или, скажем, частью трехмерного фильма...

Вспомнив, что ей надлежит постигать равностность и единство Вселенной, Заури продолжила просмотр.

Вот и сейчас, когда некий незнакомец, дай Богиня ему здоровья, вернул на место её подругу, мерно сопящую и на вид всем довольную, Заури ощутила некое внутреннее умиротворение, о котором, должно быть, и говорил доктор.

Перевернувшись на другой бок, русалка подперла кулачком щёку и заснула. Спустя мгновение она уже проплывала под монументальными разноцветными арками, вслушивалась в чарующие звуки подводного рога...

Завозилась на своей кровати и Мишель, она тоже спала, но её сны, в отличие от русалки, были вовсе не такими безмятежными.

Ей снился огонь. Много огня. И продолжение того, что произошло в Тайной комнате с одним из присутствующих там. Тем, что с синими глазами.

Глава 10

– Итак, господа адепты, перед вами редчайшая магическая сущность – арахнид! – возвестил магистр Хольдер, специалист по магическим тварям и особенностям их эксплуатации. – Пусть вас не обманывают его размеры! Этот малыш способен за несколько секунд опустошить весь ваш магический запас, причем безвозвратно, представляете?

Если адепты и представляли, то ликования магистра явно не разделяли.

Лицо преподавателя так и сияло. Он смотрел на тварь за прозрачными стенами силовой защиты влюблёнными глазами. Так мать смотрит на младенца, а голодный обжора – на коробку шоколадных конфет.

Арахнид напоминал паука, что в общем-то логично, большого, с выезжающими вперед жвалами, с которых капала ядовитая слюна, с длинными, в ворсинках, лапками и невероятно злым взглядом. А еще арахнид светился неприятным зеленоватым светом и это делало его еще отвратительнее.

– Согласно неподтвержденной гипотезе арахниды обитают особой среде, которую в научном мире принято называть Обителью Арахны. По древней легенде, давняя заклятая подруга Темнейшей Лилит, мятежная богиня Арахна, Мать пауков, отправляет своих детей в мир, чтобы они собрали для нее всю магию. Это делается для того, чтобы мать пауков

смогла вернуть было величие. В той же легенде говорится, что Лилит предала Арахну, и научила своих детей управлять своей энергией, чтобы она не досталась Матери пауков, а также дала своим детям власть над арахнидами... Но это я отвлекся. Кхм...

Как ни странно, время от времени удается обнаружить так называемые «врата Арахны» – порталы с нестабильными магическими колебаниями, откуда и появляются арахниды. Порталы, как сами понимаете, тщательным образом уничтожаются, вместе со всем, что из них, так сказать, успело вылезти. Да, адепт Луций!

Адепт Луций, который усиленно тянул руку, встал.

– Скажите пожалуйста, магистр, проводились ли исследования порталов изнутри? Я имею в виду, с другой стороны? Ведь насколько я понимаю, эти порталы – врата в иной мир или иное измерение, которое населяют такие вот... твари.

Прежде чем ответить, магистр Хольдер посмотрел на адепта почти с жалостью. Остальные захихикали. Ведь и вправду – кто, и главное, заем захочет лезть в портал, в место, которое населяют какие-то неизвестные чудовища?

– Садитесь, адепт Луций, – сказал магистр после паузы. – О гипотезах относительно существования параллельных миров, которые населяют магические твари, мы поговорим на соответствующем занятии. Сейчас же настоятельно рекомендую вернуться к лекции.

Магистр Хольдер был из тех, кто настаивал на рукописном

заполнении конспектов, заучивании заклинаний наизусть, изучению магических тварей и их возможностей и особенностей не на симуляторах, а на практике. В общем, приверженец старой школы. Вот и сейчас, когда посчитал, что теории достаточно, он раздал каждому по одноразовому амулету, который после активации закрывал энергетическую оболочку силовым щитом, и, если верить уважаемому магистру, препятствовал инородному воздействию.

После того, как группа послушно записала все, что посчитал нужным сообщить магистр Хольдер об арахнидах, он торжественно возвестил:

– А теперь каждый подойдет к подопытному существу и рассмотрит арахнида вблизи. Мне нужно, чтобы отпечаток этой магической твари остался на вашей энергетической оболочке, в данном случае, на истинной сетчатке глаза, чтобы вы уже никогда не спутали арахнида с его куда более безобидными сородичами, например, с белым каракупом или Ариопой Брюнниха. В отличие от арахнида, эти пауки неопасны для вашей магии. Их укусы, конечно, смертельны, но если увидите таких, – магистр махнул рукой в сторону других клеток, – знайте, вашей магии ничего не грозит!

По одному адепты стали подходить к клетке арахнида. При их приближении магистр убирал энергетическую стену, и злобная магическая тварь атаковала предполагаемую жертву. Практическая часть занятия состояла в том, чтобы успеть отразить атаку арахнида боевым заклинанием. И, хоть адеп-

ты и знали, что им ничего не грозит – попробуй сообрази это, когда на тебя прыгает отвратительное светящееся нечто! Которое к тому же способно за несколько секунд оставить тебя без магии, сделать лишенцем.

Когда Мишель проходила мимо загорелой блондинки, споткнулась. Та быстро помогла встать, даже заботливо отряхнула. Хотя Мишель могла бы поспорить, что ей намеренно поставили ножку... Но осознание, что прямо сейчас ей предстоит схватка с этим отвратительным арахнидом, перевесило остальное.

– Спасибо, Нинет, – пробормотала она.

– Береги себя, дорогая, – посоветовала ей Нинет и слегка подтолкнула в спину.

А когда Мишель подошла к энергетической стене и нажала на активатор защиты, он не сработал.

Вместо искрения, которым сопровождается работа амулета под названием Силовой щит, послышался треск, а потом защита соскользнула к ногам Мишель.

В аудитории воцарилась мертвая тишина, предшествующая страшному.

Магистр Хольдер, который открывал клетку в тот же момент, в который адепт активирует защиту, застучал пальцами по панели, чтобы закрыть клетку.

Но было поздно.

Арахнид прыгнул.

И поскольку Мишель не успела отбросить его боевым за-

клинанием, все еще пытаясь активировать защитный амулет, прыгнул прямо на грудь Мишель.

Последним, что Мишель увидела, прежде чем потерять сознание, были отвратительные глаза твари, а еще смыкающиеся и размыкающиеся жвала.

Пришла в себя она от похлопывания по щекам.

Поморщившись и помотав головой, Мишель спросила хрипло:

– Это все? Меня выпили?

Магистр поджал губы, а адепты принялись переглядываться.

– Видите ли, адептка Хольде, – сказал магистр. – Все произошло слишком неожиданно и мне предстоит понести заслуженное наказание за халатность, но... с вами все в порядке.

– К-как в порядке? – не поняла Мишель.

Она бросила случайный взгляд на Нинет и часто заморгала от неожиданности: такой неприкрытой ненавистью было искажено это красивое лицо.

– Видите ли, адептка Хольде, – повторил магистр. – Арахнид... вас... не тронул.

Мишель не нашлась, чтобы что-то сказать, только ошарашенно хлопала ресницами, не сводя взгляда с не менее ошарашенного магистра.

– Не... тронул? – наконец, вымолвила она.

Магистр Хольдер неопределенно пожал плечами.

– Если выразиться доступнее, адептка Хольде, то арахнид отказался вами... хм... питаться. И это... это ни в какие рамки! Даже ни в какие гипотезы! Вряд ли это какой-то редкий дар, вы же проходили полное обследование, как и остальные адепты... но что точно, то точно – это редчайший феномен! О! Я и не чаял заткнуть за пояс гипотезу самого Огюста Цицерона... Видит наука! Вы – мой счастливый шанс!

Мишель открыла и закрыла рот.

Поскольку взгляд ее оставался удивленным, словно не поняла ничего из того, о чем говорил магистр Хольдер, тот пояснил:

– Вы, по всему виду, редчайший феномен, адептка Хольде. Вы не против если мы изучим вашу природную энергетическую защиту поближе?

– Не против, – выговорила Мишель, поднимаясь.

– В таком случае на этой оптимистичной ноте мы завершим наше занятие на сегодня. А вы, адептка Хольде, будьте добры, заглянуть в лабораторию после занятий.

Красивый, высокий, с шикарным разворотом плеч и идеальными чертами лица, Эрам де Вуд стоял на выходе из корпуса и вглядывался в выходящих.

Инкуб был в ярости. Только что имел крайне неприятный разговор с отцом, который обещал отстранить его от доли в управлении де Вуд Корпорэйтед, лишит статуса кандидата в младшие партнеры и вообще оставить без наследства.

А все потому, что делу по задержанию джинна Дэниса, протеже одного из сенаторов, была придана самая широкая огласка. Инферны чуть глотку друг другу не грызли за такой шикарный материал. Как же!

Подопечный сенатора с дружками были задержаны по обвинению в торговле ангельской пылью. Кроме того, меньше, чем за сутки поступили заявления от нескольких особ женского пола, которые подвергались, и неоднократно, насильственным действиям со стороны упомянутой группировки. Доказательством служили фотографии и видеозаписи, которыми, к слову, несчастных шантажировали.

За распространение ангельской пыли – пожизненная каторга. При отягчающих обстоятельствах – казнь. За... хм... сексуальное преступление в любой тюрьме следует сексуальное наказание...

И, может, Шерлезу де Вуду не было бы до всего этого никакого дела, если бы не встреча с предполагаемым будущим родственником, тоже входящим в сенат. Максимус Рассел, отец его будущей невестки, почетный член сената, не преминул сообщить, с чьей легкой руки произошел слив федеральным службам. По поводу ангельской пыли и других нюансов...

И, может, Шерлез де Вуд в другой ситуации испытывал бы чувство, похожее не гордость за поступок сына, если бы не то, что этот самый поступок отодвигал от него перспективу вхождения в сенат на неизвестный срок. Что и говорить,

скандал, в который оказалась впутана семья де Вуд с подачи Эрама, был поистине чудовищным.

Родители мерзавцев оказались очень влиятельными нелюдями... и так просто оставлять это дело никто не собирался.

Срывались миллионные контракты, пошатывались империи. Помимо столкновения гигантских корпораций Вилскувер, а возможно и Слитсберг могла захлестнуть волна бандитизма и передела власти.

А владельцу унобтаниевых рудников до зарезу нужно было войти в сенат, и войти незамедлительно... Подумать только, он все взвесил, все просчитал, вплоть до брачных договоренностей сыновей... И все только для того, чтобы глупый мальчишка испортил все в полушаге от цели отца.

Шерлез де Вуд не скупился ни на эпитеты, ни на обещания.

...Поэтому Эрам де Вуд был не просто в ярости – он был взбешён от того, что ему пришлось выслушать от родителя.

Главным посланием родителя было – какого тролля отпрыск вмешался и какого тролля нужно было влезать во все это самому. Нельзя было обставить через нужных людей...

А лучше после выборов в сенат.

А еще лучше вообще не соваться, куда не просили.

Из-за тупости отпрыска, который думает одним местом вместо головы (Шерлез де Вуд был уверен, что сын влез во все это из-за одной из обиженных девчонок и в чем-то был прав), отпрыск мало того, что поставил под угрозу два важ-

нейших для корпорации контракта, восемьсот миллионов кредитов каждый, а кроме того, задумал, подлец, поставить жирный крест на отцовской карьере...

И это после того, как вчера, в Тайной комнате, рыжая до отвала насытила всех, даже нефилима и королевского нага, а его оставила наедине с голодом!

А потом умудрилась скрыться из веселого дома, до того профессионально, что ее не заметили даже его ищейки.

Голод терзал. Грыз изнутри, обострял инстинкты. Грозил стереть с лица земли, уничтожить, утопить в собственной беспросветной тьме. Был настолько нестерпимым, что демон с трудом сдерживал себя.

Всего один звонок или сообщение – и к его услугам будет любая игрушка, самый высокосортный товар. Компаньонки, конкубины, честные шлюхи и человеческие неумехи... помани инкуб хоть пальцем.

Но он снова и снова вспоминал вкус эмоций рыжей, сияние, которое окутывало ее со всех сторон, радужные сполохи ауры, невиданной им доселе внутренний огонь. Пламя. Жаркое, страстное, очень чувственное.

Он хотел ее. Так, как никого еще не хотел. И ощущение, что сам оставил себя вчера в дураках, накормив вкусной девочкой всех до отвала, всех, кроме себя, рвало душу яростью.

Эрам ждал рыжую с такой надеждой, как окоченевший путник ждет солнца над горизонтом. Щедрого солнца, кото-

рое светит одинаково для всех, не выбирая, не разделяя на богатых и бедных, красивых и уродливых. Как небесное светило щедро изливает свой свет на все, абсолютно все до самой маленькой букашки, так изливала свое пламя вчера Мими, чудесным образом не сгорая сама и не теряя от своей щедрости.

Если бы он углядел это пламя в ней раньше – точно не был бы таким дураком, чтобы предложить разовый перепихон в клубе. А если бы знал, что рыжая может каким-то образом закрываться от него, не давать столь необходимые эмоции, тысячу раз подумал бы, прежде чем требовать ее представления в Тайной комнате.

Вспомнив о Мими, Эрам невольно улыбнулся.

С виду простая человечка. Худенькая, рыженькая, очень хорошенькая... Даже красивая. Но ведь с человечками так не бывает... Не вспыхивают они с такой силой, не горят так долго, не способны до отвала накормить с десятков демонов, притом не затухнув ни на чуть-чуть.

С рыжей связана какая-то тайна. И он, Эрам де Вуд, высший демон-инкуб, разгадает эту тайну.

Мими должна принадлежать ему. Только ему. Весь ее свет, все эмоции – ему одному.

Она вышла на крыльцо корпуса действительно похожая на солнце. В компании человечки и нагини. Веселая, светящаяся.

И, увидев его, замерла на месте. Застыла.

Эрам хмыкнул. Если бы он не видел ее ауру, мог бы поверить, что погасла.

Нет. Этого не могло произойти с рыжей.

Наоборот, стоило ей увидеть его, как аура запылала радужными сполохами, заискрила. Даже стоящий на отдалении демон явственно уловил восхитительный эмоциональный коктейль: шок, стыд, страх, смущение... и среди всего этого тонкой струйкой щекотало ноздри возбуждение маленькой извращенки. А еще демону показалось, что он слышит робкую радость и благодарность.

– Привет, тысяча и одна неприятность, – в развязной манере поприветствовал он рыжую, не обратив на ее спутниц никакого внимания. Те оказались понятливыми, живо ретировавшись. – Я за тобой.

Услышав его «за тобой» Мими испытала одновременно радость, досаду и облегчение. А еще стыд. Потому что нечего сниться в таких ужасающе-развратных снах...

Она досадовала на свое обещание посетить лабораторию магистра Хольдера после занятий и одновременно радовалась этому обещанию.

Потому что... Да все понятно с этим демоном. Она... как-то неправильно реагирует на него, так быть не должно. До вчерашней ночи она не подозревала, что такое способно твориться с ее телом. Останься она с ним наедине... Понятно, чем бы все это закончилось. А там... прощай, магический дар, прощай стипендия, прощай мечта.

Стоит ли это все того, что предлагал ей демон?

Какая-то похотливая внутренняя суть, о которой Мишель до встречи с демоном и не подозревала, вопила от возмущения, кричала, что конечно, стоит, что все это наносное и вообще условности, что имеет значение только этот внутренний огонь, только то, что происходит с ней при встрече с инкубом, при мыслях о нем...

Нечеловеческим усилием Мишель приказала той замолчать.

И тотчас демон, наблюдающий за ней с каким-то странным выражением лица, напоминающим одновременно голод и быстрое насыщение, ощутило напряжение.

Мишель решила, это из-за того, что он долго ждет ее ответ.

Но когда глаза инкуба полыхнули синим огнем, стоило ему услышать ее «с чего бы», поняла, что ее ответ и не требовался.

– Что ты сказала, малыш?

Наступая, инкуб отеснил ее к скверу. И теперь круглые сосновые стволы заслоняли их от толпы любопытных. Правда, заслоняли не полностью и толпу это не смущало.

– Я спросила, с чего бы тебе меня ждать, – Мишель решила, что тоже будет говорить невоспитанному демону «ты», потому что «вы» от него она вряд ли дождется. Особенно после того, чему он был вчера свидетелем.

Ее обуревали противоречивые чувства.

Он воспользовался ее уязвимостью и незащищенностью.

Он вынудил ее пойти на самое унижительное в своей жизни... и самое... а-ах... Лучше вообще не вспоминать.

Он заставил ее пройти самое постыдное из возможного... испытывать все это... принудил... поступил с ней, как с компаньонкой... Кажется, так называют профессионалок, которые... занимаются таким?

И еще посмел прийти сюда, подойти к ней на глазах у всех и заявить, что он за ней?

Да что он себе позволяет?! Не много ли он о себе думает?! Правда, по взгляду демона явственно читалось, что думает он вовсе не о себе, а о ней.

– Малыш, ты, наверное, не расслышала, – снисходительно произнес демон. – Я приехал за тобой. Мы едем в любой ресторан на твой вкус или еще куда, только, – инкуб недоверчиво осмотрел ее платье, словно лошадь выбирал, – только сначала заедем на пятую Эуен-стрит и выберем что-то более... достойное... тебя. А потом, как я уже сказал, любой каприз.

Мишель вспыхнула. Предложение Эрама было не таким постыдным, как во время их первой встречи, когда он в красках расписал ей свои желания и сунул визитку в лифт...

Не таким вопиющим, как во время второй, когда они заключали этот проклятый контракт, что привел ее на главную роль представления в Тайной комнате... Это была их четвертая встреча, и то, что ей предлагал демон, было самым

унизительным.

Кажется, он принял ее за легкодоступную, текущую от одного его взгляда (при этой мысли Мишель вспыхнула) особу, которая будет гавкать по свистку и побежит за хозяином как дрессированная собачка. И чем ему не нравится ее платье?!

– Эрам де Вуд, – она обратилась к нему по имени, рассчитывая на внимание. – Я очень благодарна тебе за помощь. И я рассчиталась за нее. Мы заключили контракт, помнишь?

Она закусила губу, потому что по глазам видела – еще как помнит.

– Я выполнила свои обязательства по контракту, – сказала она твердо. – Я больше ничего тебе не должна. И особенно ехать куда-то... все равно куда, когда у меня дела в лаборатории.

Она запнулась, понимая, что зря сболтнула демону про лабораторию.

А он просто шагнул к ней и поцеловал.

От этого поцелуя закружилась голова, покачнулся мир. Колени ослабли, из груди вырвался всхлип, а ноги подкосились. Мишель упала бы, осела на землю марионеткой, которой подрезали нитки, если бы инкуб – такой огромный и сильный не сгреб ее в охапку и не прижал к себе.

Он целовал так жадно и неистово, словно пил и не мог напиться.

Губы демона были теплые и твердые, дыхание – горячим и свежим, а язык, который проник в ее рот и затеял танец с

ее собственным – бесстыжим и очень возбуждающим.

Безумие длилось то ли вечность, то ли несколько мгновений, но Мишель задохнулась и с всхлипом отпрянула от инкуба, ощущая слабость в ногах и сладкую дрожь в коленях.

– Что... ты делаешь? – вырвалось у нее.

– Даю тебе понять, малыш, что хочу, чтобы мы были вместе. Так ведь надо говорить? Вроде как все девчонки пищат, услышав предложение встречаться.

– Встречаться? – Мишель опешила. Он правда сказал «встречаться»?

– Чему ты удивляешься, малыш?

Мишель посмотрела на демона недоверчиво, изо всех сил напоминая себе, что для развития магического дара ей надлежит хранить девственность... А это, вроде как не подразумевает «встречаться».

– А что это подразумевает? – вырвалось у нее, прежде чем она успела что-то сообразить.

Инкуб ухмыльнулся.

– Я уже рассказывал тебе, помнишь, – промурлыкал он. – Тогда. В клубе. Ну и конечно, все рестораны и театры на твой выбор, а еще шмотки и цацки.

Мишель смотрела на него ошарашенно, хлопая ресницами.

А Эрам вдруг перестал ощущать ее эмоции, как тогда, в Тайной комнате. Он продолжал видеть их, она искрилась, переливалась... Мишель-конфетка, которую нельзя слопать...

И при этом он ничего не чувствовал. Того, что получил от нее во время поцелуя, было ничтожно мало...

– Ну же, детка, – недоуменно проговорил Эрам. – Да ты описаться должна от такого предложения. Думаешь, каждый день высшие демоны предлагают подобное человечкам?

В этот раз демон был быстрее. Он успел перехватить ладонь Мишель.

– Ещё один такой раз, детка, и может быть неудобно, – прошипел он.

– Чего – неудобно? – взъелась Мишель. – То есть быть полным засранцем удобно, а отвечать за это вдруг неудобно?

– Если ты ещё раз позволишь себе неповиновение при свидетелях, то тебя придется наказать, а с ними – проявить жестокость. Потому что если они решат, что могут действовать так же...

Мишель вырвала руку, и, тяжело дыша, отшатнулась от инкуба.

Неповиновение? Да что он несет?

– Дай пройти, Эрам де Вуд, – сказала она решительно и посмотрела за его плечо, в сторону домика лаборатории.

– Не дай пройти, а разреши пройти, – поправил ее демон. – И только после моего разрешения можешь удалиться. А я не давал тебе разрешения.

– Ты реально больной, – сообщила Мишель, обходя демона и прикидывая попутно, побежит ли он за ней, если она припустит со всех ног? Вроде высший демон, реноме, все

дела. Не должен.

– Ты пожалеешь о своих словах, Мими, – предупреждающе проговорил демон. – Я ведь могу и заставить. Не хочешь быть моей девушкой, станешь конкубиной. По кровному контракту.

– Уже жалею, – не осталась в долгу Мишель. – Что вообще встретила тебя.

Демон не пошел за ней. Остался стоять на том же месте. Но вслед раздалось:

– В таком случае мы обнарудим наш маленький секрет, Мими.

Мишель застыла, как вкопанная.

– Ты этого не сделаешь, – ошарашенно произнесла она, оборачиваясь.

– Ты забываешь, что я демон, детка. Сволочизм у нас в крови. Так что еще как сделаю.

Вторая книга: «Путь искушения»

Третья книга: «Путь единственной»

История Харлея: «Крылья по контракту»